

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

Современная история Иркутской области 1992–2012 годы

В 2 томах
Том 2, часть 2

Учебное пособие

*Под редакцией
доктора исторических наук,
профессора Ю. А. Зуляра*



УДК 9(571.53)(075.8)
ББК ТЗ(2Р-4Ир)(7я73)
С56

Печатается по решению научно-методической комиссии
исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Авторский коллектив:

Е. Н. Волосов, д-р ист. наук (гл. 1)
В. И. Дятлов, д-р ист. наук (§ 1 гл. 4)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук (§ 1 гл. 2)
Е. И. Лиштованный, д-р ист. наук (§ 2 гл. 4)
И. В. Олейников, канд. ист. наук (§ 2 гл. 2)
В. П. Шахеров, д-р ист. наук (гл. 3)

Рецензенты:

А. В. Шалак, д-р ист. наук, проф.
Л. М. Корытный, д-р геогр. наук, проф.

С56

Современная история Иркутской области: 1992–2012 годы.
В 2 т. Т. 2, ч. 2 : учеб. пособие / [Е. Н. Волосов, В. И. Дятлов,
В. Н. Казарин, Е. И. Лиштованный, И. В. Олейников, В. П. Шахеров] ;
под ред. Ю. А. Зуляра. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 185 с.

ISBN 978-5-9624-0700-5

ISBN 978-5-9624-1047-0 (т. 2, ч. 2)

Книга знакомит читателя с содержанием социально-политического процесса и культурных трансформаций, произошедших в Иркутской области в 1992–2012 гг. В ходе произведенного анализа авторы раскрывают структуру политической власти, политической культуры и политического сознания населения региона. В пособии также показаны процессы, происходившие в социальной структуре, высшем образовании, науке, культуре и в сфере международных связей региона.

В процессе подготовки пособия по объективным причинам произошла задержка. Воспользовавшись ею, авторы, с целью повышения актуальности и учебной ценности работы, расширили хронологические рамки изучаемого периода до 2013 г. включительно.

Книга адресована студентам вузов, изучающим социально-гуманитарные дисциплины, и прежде всего историю. Книга может быть полезна людям, профессионально занимающимся политической деятельностью, явлениями, тенденциями и закономерностями современного политического процесса, а также интересующимся историей родного края.

УДК 9(571.53)(075.8)
ББК ТЗ(2Р-4Ир)(7я73)

ISBN 978-5-9624-0700-5
ISBN 978-5-9624-1047-0 (т. 2, ч. 2)

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|---|-----|
| Глава 1. Формирование бизнес-элиты Иркутской области <i>(Е. Н. Волосов)</i> | 4 |
| § 1. Первый этап: 1988–1991 гг. | 9 |
| § 2. Второй этап: 1990-е гг. | 15 |
| § 3. Третий этап: первое десятилетие XXI в. | 33 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 42 |
| <i>Литература</i> | 42 |
| Глава 2. Развитие системы высшего образования | 45 |
| § 1. Вузы Иркутской области в условиях трансформации государства и общества <i>(В. Н. Казарин)</i> | 45 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 71 |
| <i>Литература</i> | 72 |
| § 2. Развитие Иркутского государственного университета на рубеже веков: новые горизонты научной деятельности и международного сотрудничества <i>(И. В. Олейников)</i> | 74 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 93 |
| <i>Литература</i> | 94 |
| Глава 3. Реорганизация и развитие региональной системы охраны объектов культурного наследия <i>(В. П. Шахеров)</i> | 96 |
| § 1. Развитие музейного дела | 96 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 119 |
| <i>Литература</i> | 119 |
| § 2. Охрана объектов историко-культурного наследия | 120 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 138 |
| <i>Литература</i> | 139 |
| Глава 4. Иркутская область в системе международного сотрудничества | 140 |
| § 1. Трансграничные мигранты в городском пространстве <i>(В. И. Дятлов)</i> | 140 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 162 |
| <i>Литература</i> | 162 |
| § 2. Развитие взаимоотношений Иркутской области с Монголией <i>(Е. И. Лиштованный)</i> | 164 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 180 |
| <i>Литература</i> | 181 |
| Заключение | 182 |
| Сведения об авторах | 183 |

ФОРМИРОВАНИЕ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Мало какому понятию повезло с определениями так, как «элите». В науке существуют десятки, если не сотни определений данного термина. Принято считать, что слово «элита» пришло из французского языка – *elite* и понимается как лучшее, отборное.

Рассматривая элиты как необходимый элемент социальной структуры общества, исследователи при определении этой социальной группы используют два макроподхода. Первый – альтиметрический, или позиционный, где главным критерием принадлежности к элите выступает формальный статус лица, занимающего видное место в иерархии власти, и по этой причине являющегося субъектом политической и экономической жизни государства и общества. Данный метод удобен, потому что прост и эффективен. Понятие элиты, предлагаемое обывателю в рамках позиционного анализа, сводится к президентской администрации, высокопоставленным министерским чиновникам и депутатам высшего законодательного органа страны, видным представителям бизнес-сообщества. При анализе правящей элиты методы позиционного анализа используют ведущие российские политические социологи, в частности О. В. Крыштановская [26, с. 51].

Однако политическая субъектность тех или иных представителей истеблишмента – величина непостоянная и зависит от конкретной исторической ситуации, расклада политических сил, влияния различных акторов государственной и политической власти. Те, кто являлись субъектами политики в 1990-е гг., перестают быть таковыми при новых лидерах государства.

Среди других недостатков позиционного подхода следует отметить игнорирование им роли тех людей, которые, не занимая никаких официальных государственных постов, могут влиять на тех, кому право принятия решений принадлежит по статусу. Этот метод не позволяет определить границы фактических полномочий тех или иных ветвей власти.

Выходом из наметившегося противоречия могло бы стать использование гуманитарного подхода в виде репутационного и меритократического анализа. Суть первого заключается в том, что для выявления людей, обладающих властью, используются оценки экспертов (наблюдателей, участников политических событий), позволяющие определить тех, кто, занимая высокие посты, недостаточно влиятелен в политической сфере. Критериями второго являются социально-психологические достоинства, знания, креативность, мудрость. Оба метода довольно активно используются в современной практической политологии. К числу их недостатков можно отнести высокий уровень субъективности получаемых результатов, так как на мнение экспертов серьезно влияют политическая конъюнктура, ангажированность, уровень осведомленности, идеологические и личные предпочтения. Смена состава опрашиваемых экспертов зачастую радикальным образом меняет представления об иерархии и структуре правящей элиты.

Вероятно, оба подхода не являются идеальными. А интуитивная попытка объединить их может привести даже к крупному политическому скандалу. Так случилось, например, с депутатом Государственной Думы от партии «Единая Россия» И. Е. Костуновым, который публично признался, что «самый тупой депутат умнее среднестатистического гражданина» [3]. Депутат всего лишь попытался актуализировать свое видение понятия «элита». С одной стороны, он использовал альтиметрический метод (членство в Государственной Думе), с другой – меритократический (ум, мудрость, априори присутствующие у депутатов).

Несмотря на кажущуюся простоту понятия «региональная элита», методологически оно до настоящего времени разработано недостаточно. По справедливому замечанию известного российского элитолога В. П. Мохова, «...с точки зрения классической теории данное понятие не совсем корректно, поскольку “по определению” элита – это высшие, лучшие, наиболее влиятельные. Региональные слои власть имущих по своему положению занимают среднее место между высшими слоями общества и массами. Данную ситуацию не спасает оговорка о том, что региональная элита – это высшие, лучшие или наиболее влиятельные слои регионального сообщества» [30].

Вместе с тем значительно усложнившаяся в XX в. социальная структура западного и российского общества, рост политической субъектности лидеров регионов в странах западной демократии, а на определенном этапе и новой России (А. Г. Тулеев, М. Ш. Шаймиев, М. Г. Рахимов, Ю. М. Лужков, Э. Э. Россель и др.), постоянное наличие центробежных тенденций в практике государственного управления позволяют говорить о трансформации, расширении понятия «элита», включении в него и регионального уровня власти.

Позволим себе заметить, что определенная организационная самостоятельность (политическая субъектность) у региональной власти проявлялась даже во времена жесткого централизованного управления в СССР периода правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева [11, с. 229].

Возможная дискуссия о правомерности понятия «региональная элита», скорее всего, будет носить схоластический характер по причине его широкого использования в теории и практике прикладной политологии, публицистике, а также в исследованиях современных российских историков. Операционально чрезвычайно удобно пользоваться при анализе социальных групп, определяющих региональную политику или имеющих влияние на ее формирование, хотя и спорным, формальным, но вполне универсальным маркером – «региональная элита».

Масштабных исследований о структуре постсоветской региональной элиты не проводилось. Поэтому стратифицировать данный объект можно, полагаясь на отработанные модели типологизации и стратификации элиты. Как уже отмечалось ранее, элита никогда не являлась понятием, относящимся только к политике. Любая область общественной деятельности неизбежно продуцирует образование собственной элиты: экономической, технократической, военной, культурной, бюрократической, научной. Все они в силу различного рода обстоятельств вынуждены взаимодействовать друг с другом, соперничать, сотрудничать. Каждая из них в больших или меньших масштабах делегирует своих представителей в правящую элиту.

Следует отметить что, в отличие от оформившейся в основном центральной политической элиты кристаллизация ее регионального отряда продолжается. В рекрутинге региональной политической элиты преобладают выходцы из административной и

бизнес-элиты, хотя, как показывает анализ законодательной и исполнительной ветвей региональных органов власти, представители других элитарных групп также занимают в них определенное место [13].

В работах ведущих российских политологов Г. К. Ашина, А. В. Понеделкова, Н. Ю. Лапиной выделяются следующие категории населения, которые можно отнести к региональной правящей элите:

1. Глава исполнительной власти (губернатор, президент национальной республики).

2. Высокопоставленные сотрудники органов исполнительной власти (администрации, правительства и их структурных подразделений).

3. Члены законодательных органов региона (председатель, председатели комитетов, часть депутатов).

4. Представители региональных отделений федеральных структур (ФСБ, МВД, налоговых служб, прокуратуры и др.).

5. Собственники компаний, играющих ключевую роль в экономике региона, руководители фирм регионального уровня, топ-менеджеры, представляющие интересы общероссийских и транснациональных корпораций.

6. Руководители неправительственных организаций, партий, средств массовой информации.

7. Организованная преступность. Ее участники серьезно влияли на политические процессы в регионах в 1990-е и начале 2000-х гг. В настоящее время их политическая субъектность стала носить более латентный характер, но вряд ли сошла на нет.

В системе региональной политической власти важное место занимает пятая группа. В странах с устоявшейся политической системой ее принято называть *бизнес-элитой*. Сформировавшаяся в современной России центральная и региональная бизнес-элиты наряду с административно-политической элитой влиятельнейшей макрогруппой, оказывающей существенное воздействие на развитие экономических и политических процессов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

О. В. Крыштановская характеризует бизнес-элиты как «верхушку крупных предпринимателей, которые благодаря своему финансовому могуществу и наличию экономических ресурсов оказывают существенное влияние на принятие общегосударст-

венных решений» [25, с. 17]. Известный российский политолог, генеральный директор Центра политической информации А. А. Мухин относит к ней «персон, сделавших свое состояние в период приватизации и либерализации экономики, приблизившихся за счет этого к властным структурам настолько, что стали олицетворять власть» [31, с. 4].

Развернутое определение бизнес-элиты дал московский исследователь В. В. Белов. По его мнению, это внутренне дифференцированная макрогруппа крупных собственников, включающая в себя субслои и конкурирующие группы, но объединенная групповыми и корпоративными интересами, в том числе и стремлением сохранить контроль за ресурсами и исключительный доступ к центрам власти, отсечь контрэлиты [8, с. 21].

Существует некоторое тождество между понятиями «экономическая элита» и «бизнес-элита». Однако, по справедливому замечанию ростовского ученого А. А. Мордасова, понятие «бизнес-элита» содержит в себе больше «властной конкретики», чем «экономическая элита», к которой относят и директорский корпус государственных предприятий и закрытых унитарных предприятий, и руководителей сельских хозяйств и менеджеров-управленцев высшего звена; не участвующих в политике [29, с. 18]. В 1990-е – начале 2000-х гг. к региональной элите можно было отнести собственников и топ-менеджеров региональных банков. Однако концентрация банковского сектора в руках нескольких московских структур, поглощение ими местных банков привели к исчезновению этой профессиональной группы.

Можно предложить следующее определение как некий компромисс различных трактовок данного термина. **Региональная бизнес-элита** – это слой собственников и руководителей хозяйствующих субъектов, существенно влияющих на экономическую и политическую жизнь в регионе за счет экономического и политического ресурса.

Очень интересным может быть исследование проблемы позиционирования в системе региональных элит представителей исполнительной и законодательной власти, явно и неявно аффилированных с бизнес-структурами. Несмотря на законодательный запрет заниматься предпринимательской деятельностью, значительная часть региональных чиновников и депутатов продолжают так или иначе руководить «своим» бизнесом, лоббировать его интересы.

Становление бизнес-элиты в современной России неразрывно связано с политическими и экономическими процессами, происходившими в стране с конца 1980-х гг. до конца первого десятилетия XXI в.

§ 1. Первый этап: 1988–1991 гг.

Первый этап складывания новой социальной группы пришелся на время разрушения прежних производственных отношений, размывания основ социалистической, государственной собственности, допущения в экономику страны рыночных, предпринимательских принципов ведения хозяйства в виде аренды, кооперации, индивидуальной трудовой деятельности.

Принятый в 1987 г. Закон о государственном предприятии позволил начать действительную реорганизацию управления на уровне макро- и микроэкономики.

Помимо отказа от государственного плана и перехода к государственному заказу значительная часть предприятий и организаций, прежде всего гражданского сектора, получила возможность максимально дистанцироваться от своих министерств, законно перейти на новые условия хозяйствования, начать внедрять хозяйственный расчет, аренду, создавать новые организационные структуры.

Одной из попыток соединить частный, ведомственный и государственный интерес стало создание территориальных и всесоюзных концернов. В семантике перестройки *концерн* – это «объединение социалистических предприятий, осуществляющих совместную деятельность на основе добровольной централизации функций научно-технического и производственного развития, инвестиционной, финансовой, природоохранной, внешнеэкономической деятельности, а также хозрасчетного обслуживания предприятий» [24, с. 9].

В апреле 1991 г. в Братске на базе территориального производственного объединения «Братский лесопромышленный комплекс» был создан концерн «Братский ЛПК». В его состав вошли только предприятия основного и вспомогательного производства, и ранее входившие в состав комплекса. Разница между старым и новым образованием заключалась в уровне самостоятельности

хозяйствующих субъектов. В рамках концерна значительно увеличилась самостоятельность отдельных структурных подразделений. На первом организационном заседании правления концерна был назначен генеральный директор предприятия. Им стал Э. Г. Евтушенко. Он же был избран председателем правления концерна «Братский лесопромышленный комплекс» [10]. Благодаря созданию этой структуры Братский комплекс в отличие от других предприятий подобного рода приватизировался с сохранением единства производства, что позволило избежать финансовой и производственной катастрофы, сопровождавшей приватизационные процессы, например на Усть-Илимском ЛПК.

Рождение нового типа предприятия проходило очень нелегко, столкнувшись с мощным сопротивлением Министерства лесной промышленности. Совет трудового коллектива БЛПК еще летом 1989 г. подал документы в Министерство с просьбой разрешить создание концерна. Однако руководители отрасли тянули с разрешением, так как готовились к реорганизации Министерства в корпорацию «Гослеспром». Отдавать коллективу такое предприятие было не в интересах столичных чиновников. Но, воспользовавшись принципом добровольности вступления в корпорацию, руководство БЛПК при поддержке трудового коллектива отказалось подписывать «дружественный договор», объявив о создании на базе комплекса самостоятельного концерна. Решиться на такой смелый шаг предприятию позволили нараставшие противоречия между союзной и республиканской (российской) властью. В Совете Министров РСФСР, действовавшем в 1990–1991 гг. по принципу «чем хуже – тем лучше», идеи Э. Г. Евтушенко получили полное одобрение [28].

В конце 1980-х гг. в ходе экономической реформы «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде» был дан старт еще одной экономической инновации. Согласно статье 16 этого документа, предприятиям, организациям, объединениям разрешалось образовывать организацию арендаторов как самостоятельное юридическое лицо для создания на его основе арендного предприятия [32]. Возможность хозяйствовать самостоятельно, использовать получаемую прибыль по усмотрению предприятия, в то же время не меняя формы собственности, опираясь на правительственные документы и партийно-

идеологическую поддержку, привлекла к новой форме значительную часть руководителей, стремившихся извлечь личную и корпоративную выгоду из нового закона.

О различных формах аренды в промышленности и строительстве заговорили в 1988 г. после вступления в силу Закона о государственном предприятии. Причем нередко к введению аренды на предприятиях призывали партийные руководители. Объяснить это можно было не столько заботой о благополучии экономики региона, сколько необходимостью выполнить установки ЦК КПСС, как минимум на словах.

В этот период аренда рассматривается как продолжение экономической политики советской власти в 1921–1928 гг. Вряд ли кто-то, кроме законченных ортодоксов и догматиков от марксистско-ленинской идеологии, мог предположить, что аренда, наряду с кооперацией и индивидуальной трудовой деятельностью, станет инструментом увода прибавочной стоимости из государственной экономики в теневую, создаст материальные условия для приватизации 1993–1995 гг., переделу государственной собственности в пользу немногих.

Одним из первых предприятий в Иркутской области, которое попыталось перейти на аренду всем коллективом, стал Братский алюминиевый завод. В апреле 1989 г., во время избирательной кампании по выборам нового директора завода один из кандидатов бывший директор Таджикского алюминиевого завода, Б. С. Громов предложил принципиально иной путь развития: взять в аренду весь завод. Кандидат утверждал, что «новый хозяйственный механизм существенно ограничит власть директора, но зато коллектив получит гарантии того, что заработанные деньги завтра никто не отберет». Только в таких условиях, по мнению Б. С. Громова, «дисциплина будет сознательной, инициатива – всеобщей, техническое творчество и коммерческий поиск – массовыми» [4].

После победы на выборах Б. С. Громов в мае 1989 г. на заседании совета трудового коллектива добился решения о подготовке необходимых материалов для перевода завода на арендные отношения с 1 января 1990 г. [9]. Логика и инициатива металлургов вполне понятны. Предприятие являлось крупнейшим в своей отрасли в СССР, а также одним из самых больших в мире. За счет дешевой электроэнергии каскада ангарских ГЭС значительно

снижалась себестоимость получаемой продукции, соответственно росла рентабельность. Поэтому на протяжении многих лет завод вел прибыльную хозяйственную деятельность.

Однако попытка нового директора предприятия оказалась неудачной. Несмотря на его активные усилия, вышестоящие инстанции так и не разрешили сделать этот шаг в направлении реальной самостоятельности завода.

То, что не удалось Б. С. Громову, оказалось успешно реализованным, как минимум с формальных позиций, на Иркутском заводе тяжелого машиностроения. К концу 1980-х гг. завод, обремененный государственным заказом по выпуску большого спектра мелкосерийной продукции, находился в тяжелейшем финансовом положении. Министерство посчитало в этом случае возможным сбросить отстающее предприятие со своих плеч и предоставить ему хозяйственную самостоятельность при сохранении определенных обязательств перед государством. В ноябре 1990 г. было зарегистрировано арендное предприятие «Иркутский завод тяжелого машиностроения». Имущество вновь созданной структуре, по согласованию с Министерством, на основе договора аренды в срочное возмездное владение и пользование передавало ПО «Иркутсктяжмаш» [16].

Однако переведенный на условия аренды завод все равно не смог остановить своего падения. Объективные обстоятельства оказались сильнее стараний коллектива, общий развал в стране и экономике сделал ненужной продукцию завода, а вместе с ней и сам завод. Однако оказались востребованными здания и сооружения предприятия. К концу нулевых годов XXI в. 90 % площади бывшего завода тяжелого машиностроения заняли здания и склады рыночной сети «Фортуна». Арендное предприятие «ИЗТМ» просуществовало до мая 1992 г. и в соответствии с новыми экономическими условиями было реорганизовано в акционерное общество [17]. Однако эта же идея в полной мере была реализована на уровне одного цеха на этом же предприятии. Цех № 14, занимавшийся производством товаров народного потребления (ТНП), систематически не справлялся с планом. Поэтому и было решено на его оборудовании и площадях создать самостоятельное хозрасчетное предприятие по производству ТНП, работающее в условиях арендного подряда. Руководителем предприятия

был назначен известный в городе экономист, кандидат экономических наук В. В. Бронштейн. Предприятие занялось производством простейших товаров бытового обихода, в условиях тотального дефицита конца 1980-х гг. весьма популярных: стойки-вешалки для прихожей, хлебницы, карнизы, струны для штор и др. За первую половину 1988 г. арендный цех произвел ТНП на 1 млн 504 тыс. руб., а за второе – уже на 4 млн 65 тыс. руб. [18].

Экономическая устойчивость предприятия позволила В. В. Бронштейну уже в период рыночной экономики приватизировать часть зданий ИЗТМ, ставших материальной основой успешно развившейся в 1990-е гг. производственно-коммерческой фирмы «Сибатом». Таким образом, В. В. Бронштейн в условиях переходного периода стал в некотором роде символом трансформации части технократической элиты в бизнес-элилу.

В 1988 г. после принятия Закона о кооперации в экономике страны появляется новая хозяйственная структура – кооператив. Документом была определена возможность создания потребительских и производственных кооперативов в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в сфере обслуживания, торговли и других отраслях народного хозяйства [21].

В 1989 г. около 4/5 всех действующих кооперативов было создано при предприятиях и организациях. У них они арендовали около 60 % сырья и материалов. Наибольшее распространение получили кооперативы, занятые в сфере производства товаров народного потребления и бытового обслуживания. Но производство новых хозяйствующих субъектов ограничивалось в основном кустарными вариантами легкой промышленности, т. е. тем, где можно было в максимально короткие сроки окупить вложенные средства [34]. Оставим в стороне причины такой ориентации, она объяснялась не только «стяжательскими интенциями» кооператоров, но и политикой государства.

Средняя выработка на одного работающего в производстве ТНП составляла 8 960 руб., в строительстве – 7 984 руб. Среднее количество работников в производственных кооперативах составляло 23,5 чел., в строительных кооперативах – 39 чел. Исходя из столь «некрупных» показателей, если руководствоваться ранее установленными критериями, руководителей кооперативов никак нельзя причислить к региональной технократической элите. Но и здесь были свои исключения, в том числе и в Иркутской области.

Например, в 1988 г. в Иркутске был создан кооператив «Байкал», главным уставным видом деятельности которого являлось строительство и ремонт автомобильных дорог. Его основателями стали братья В. А. и П. А. Голышевы, до этого приобретшие хороший организационно-технический и финансово-экономический опыт в старательских артелях.

Руководители кооператива сразу взяли курс на диверсификацию деятельности. Помимо строительства и ремонта дорог они занялись организацией сельскохозяйственного производства, строительством жилья, лесозаготовкой и деревообработкой. Объем строительно-монтажных работ только за апрель – сентябрь 1988 г. составил около 2,5 млн руб. [6].

В постсоветское время кооператив «Байкал» трансформировался в производственную строительно-дорожную фирму «Агродорспецстрой», став одной из крупнейших организаций в Сибири и на Дальнем Востоке. Президент фирмы П. А. Голышев в 1994 г. был избран в Совет Федерации РФ. Работая заместителем председателя Комитета Совета Федерации по бюджету, финансовому, валютному и кредитному регулированию, денежной эмиссии, налоговой политике и таможенному регулированию, он уже реально влиял на политические и экономические решения, принимаемые в верхних эшелонах власти [1]. По этим основаниям его вполне можно причислить к последним представителям советской технократической и первым – постсоветской бизнес-элиты.

Таким образом, на рубеже исторических эпох, в период смены парадигм социально-экономического и политического развития под бизнес-элитой можно было понимать все ту же хорошо известную и влиятельную группу региональной технократической элиты. К началу строительства рыночного общества иркутская бизнес-элита состояла из руководителей предприятий и организаций союзного значения: ВСЖД (Г. П. Комаров), Востсибуголь (И. М. Щадов), Иркутский авиационный завод (А. И. Федоров), БЛПК (Э. Г. Евтушенко), УИЛПК (В. Н. Семенов), Иркутскэнерго (В. М. Боровский), Братский алюминиевый завод (Б. С. Громов), Иркутский алюминиевый завод (И. С. Гринберг), Ангарский нефтехимический комбинат (Ф. С. Середюк). На этом этапе достаточно большим политическим и экономическим влиянием еще пользуются руководители строительной отрасли При-

ангарья (В. С. Викулов – Братскгэсстрой, И. Т. Смолянин – Востоксибстрой), ряда машиностроительных заводов (Н. Н. Гуманюк – Иркутский завод тяжелого машиностроения, П. Н. Самушенко – Братский завод отопительного оборудования), (В. Г. Авлов – ПО «Лензолото»).

Небольшими вкраплениями в эти ряды стали наиболее яркие представители принципиально новых хозяйствующих субъектов: В. А. и П. А. Голышевы, Ю. М. Тен, В. В. Бронштейн.

§ 2. Второй этап: 1990-е гг.

В этот период возникает целый ряд крупных и преимущественно частных финансово-промышленных групп (ФПГ). Они, как правило, создавались московскими предпринимателями, базировались в столице и при этом получали тем или иным способом свои наиболее ценные активы в регионах уже на этапе своего создания (как правило, за счет договоренностей с федеральными властями). В это время началось формирование бизнес-групп О. В. Дерипаски, ЛУКОЙЛа, «Норильского никеля» и др.

Формирование бизнес-элиты Иркутской области в этот период проходило под влиянием политических и экономических трендов, задаваемых федеральным центром, а также местной специфики, связанной с доминированием предприятий топливно-энергетического и лесного комплексов, цветной металлургии.

События 19–21 августа 1991 г., ликвидация Советского Союза и новый экономический курс Ельцина – Гайдара коренным образом меняли социально-экономическое и политическое положение предтечи бизнес-элиты – технократической элиты страны. И прежде всего эти изменения произошли в сфере отношений собственности. Переход от стихийной приватизации 1990–1991 гг. к плановой и законодательно оформленной стал нелегким испытанием для центральной и региональной групп технократической элиты. Да и последствия этого процесса для изучаемого нами социального слоя также оказались весьма неоднозначными.

В пространстве советского квазирынка хозяйственные руководители в большей или меньшей степени отвечали тогдашним представлениям о западных бизнесменах. Во-первых, для них был характерен деловой прагматизм, являвшийся доминантой

реальной хозяйственной практики советского руководителя. Вторых, в их деятельности использовался минимум идеологической риторики, достаточный для доказательства политической лояльности и, в то же время, не мешающий управлению производственными процессами. Третьих, в отличие от простого обывателя либо партийного «начетника», хозяйственные руководители хорошо понимали суть терминов «прибыль», «доход», «убытки», «неплатежи», а также других слов из рыночного лексикона. Это было связано с введением в 1966–1979 гг. новых показателей отчетности в деятельности предприятий и организаций, связанных с объемами реализованной продукции, выпуском нормативно-чистой продукции, отчислениями в социальные фонды, планом по прибыли и др.

В советской экономике технократической элите приходилось предпринимать чудеса изворотливости и предприимчивости, чтобы держать предприятия на плаву, выполнять и перевыполнять государственные планы. Следует отметить и неоднократные попытки внедрения инновационных методов в управлении и планировании, исходившие от представителей технократической элиты. На всесоюзном уровне – это экономическая реформа 1965 г., инициированная А. Н. Косыгиным, на региональном – бригадный, участковый, цеховой подряд, поддержанный и подталкиваемый руководителями предприятий.

Несмотря на относительные неудачи технократии в политических баталиях периода перестройки, в плане роста экономической субъектности все выглядело для нее гораздо лучше. Столичная группа технократической элиты смогла стать во главе процессов трансформации союзных и республиканских министерств и ведомств в государственно-монополистические структуры коммерческого типа: ассоциации, концерны, холдинги. Во главе новообразований встали бывшие министры, их заместители, руководители главков и т. д. Так возникли Газпром (Министерство газовой промышленности СССР), ЛУКОЙЛ (весомый кластер Министерства нефтедобывающей и нефтехимической промышленности СССР), Росуголь (Министерство угольной промышленности), Агрохим (Министерство минеральных удобрений СССР), Стройтеплотех (Министерство строительных материалов СССР) и т. д.

Достаточно быстро начали встраиваться в новые экономические отношения хозяйственные руководители. Одним из наиболее ярких и успешных примеров быстрой трансформации типичного представителя региональной технократической элиты в преуспевающего бизнесмена стал генеральный директор ПО «Востсибуголь» И. М. Щадов. На этом посту он проработал до 2001 г. Вынужден был уйти, когда к руководству компанией пришла группа МДМ.

Организационно-экономический задел конца 1980-х – начала 1990-х гг. позволил хозяйственным руководителям принять активное участие в масштабной приватизации 1992–1994 гг. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), более $\frac{3}{4}$ директоров предприятий, разрешенных к приватизации, стали собственниками своих же предприятий, из них 6 % приобрели контрольные пакеты акций [15, с. 40].

Из трех возможных вариантов льгот, предусмотренных программой приватизации, явное предпочтение в России было отдано второму варианту, позволяющему трудовому коллективу получить контрольный пакет акций. Этот вариант льгот избрали 75 % предприятий, ставших акционерными. Изначально предполагалось, что таким образом будет перекрыта возможность установления внешнего контроля над предприятиями и основным вектором станет вариант «народной» коллективной приватизации. На деле все получилось иначе. Началась массовая скупка акций у членов трудовых коллективов либо топ-менеджментом предприятий, либо внешними покупателями (чековыми инвестиционными фондами), черными маклерами, скупавшими за бесценок ваучеры (приватизационные чеки) у населения, жестоко нуждавшегося в деньгах.

Первый этап (чековый) приватизации завершился 31 июля 1994 г. В руки частных владельцев перешло 74 % объектов малой приватизации. Около 40 млн стали акционерами. Было акционировано около 21 тыс. крупных и средних предприятий. Среди тех, кто сумел получить пакеты акций руководимых ими предприятий, оказались и многие хозяйственные руководители Иркутской области: В. С. Викулов (ТПО «Братскгэсстрой»), И. С. Гринберг (Иркутский алюминиевый завод), И. М. Щадов (ПО «Востсибуголь»), Б. С. Громов (Братский алюминиевый завод) и др.

В обширном списке лиц, включенных в новые отношения собственности, отсутствовали руководители предприятий военно-промышленного комплекса, железнодорожного транспорта, топливно-энергетического комплекса и ряда других отраслей. Вследствие этого стабильность командных кадров в этих отраслях на переломе эпох была значительно выше, чем на предприятиях и организациях, подлежащих приватизации. Многие из руководителей еще более 5–10 лет оставались во главе предприятий и освобождали свои кресла либо в связи с повышением, либо с уходом в политику или на пенсию. Например, В. М. Боровский, руководивший РЭУ «Иркутскэнерго» с 1985 г., продолжал возглавлять эту компанию и в 1990-е гг., вплоть до избрания председателем Законодательного собрания Иркутской области [12].

Весьма бережно относились к руководящим кадрам в системе военного авиастроения. Например, на Иркутском авиационном заводе директором с 1980 по 1991 г. был Г. Н. Горбунов. Российские реформы 1991–1992 гг. ничего не изменили в его положении. Он до 1993 г. продолжал оставаться руководителем предприятия, а затем еще на протяжении пяти лет избирался президентом Иркутского авиационного производственного объединения (авиазавод). Преемник Г. Н. Горбунова с 1993 г. А. И. Федоров, с небольшими перерывами, руководил предприятием (ОАО «Научно-производственная корпорация «Иркут») до 2004 г.

Реформы в отношении государственной собственности никак не повлияли на ситуацию с управленческими кадрами на железнодорожном транспорте. Министерство путей сообщения, в отличие от большинства аналогичных структур промышленного и строительного профиля, сохранило свой статус, материально-техническую базу и кадры. Стабильность в конструкции обусловила и стабильность регионального топ-менеджмента. Например, с 1988 по 2000 г. начальником Восточно-Сибирской железной дороги работал Г. П. Комаров. К руководству ВСЖД он пришел в очень сложные, переломные годы, но сумел сохранить дорогу как мощный транспортный, промышленный и социальный комплекс. Организаторский талант и профессиональные компетенции Г. П. Комарова оказались замеченными в Министерстве путей сообщения, потому что в 2000 г. его назначают начальником крупнейшей и важнейшей железной дороги страны – Октябрь-

ской, связывающей две российских столицы: Москву и Санкт-Петербург [37, с. 322].

Несмотря на сложное финансовое положение, в которое попала после 1991 г. геологическая отрасль, ее структурные подразделения – региональные геологические управления, управления по поискам нефти и газа – приватизации не подлежали. Поэтому и здесь руководящий состав практически не изменялся на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. С 1980 до 2002 г. возглавлял Иркутское геологическое управление (ПО «Иркутскгеология», ГФУГП «Иркутскгеология») В. Ф. Дубинин.

Таким образом, мы видим, что для значительной части представителей региональной технократической элиты радикальные экономические сдвиги 1990-х гг. никак не сказались на их карьерных траекториях. И главная причина заключалась в том, что до упомянутых отраслей и секторов народного хозяйства приватизация по лекалам Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса еще не добралась. Кроме того, энергетика, железнодорожный комплекс, ракетно-ядерная и высокотехнологичная часть военно-промышленного комплекса в силу своего стратегического значения для государства оказались более защищенными от разноплановых деструктивных процессов, произошедших в стране в период президентства Б. Н. Ельцина.

Большинство других отраслей таким иммунитетом не обладали. Уже в первые постсоветские годы их коллективам и руководителям пришлось познать все «прелести» приватизации. Российская приватизация стала абсолютно уникальной операцией и по масштабам, и по содержанию. Например, в Англии времен Маргарет Тэтчер передача в частные руки государственного имущества решала задачу повышения эффективности отдельных предприятий. Такая практика была характерна для многих развитых стран мира. В современной России приватизация носила не только экономический, но и, прежде всего, социально-политический характер, так как была призвана обеспечить фактическую революцию в отношениях собственности и преобразовании социальной структуры общества.

В совместной с Е. Гайдаром книге «Развилки новейшей истории России» А. Б. Чубайс заметил, что «в ходе массовой бесплатной приватизации применялись варианты приватизации, ка-

ждый из которых политически уравнивал потенциально взрывные социальные группы – от директоров до членов трудовых коллективов и пенсионеров. Конечно, было бы неверно говорить о том, что они были удовлетворены – скорее каждая из них была одинаково недовольна» [7]. Действительно, хозяйственных руководителей трудно упрекнуть в особом расположении к приватизации. Но в силу различных обстоятельств они были вынуждены активно включиться в новые экономические процессы.

Все предприятия и организации, подлежащие приватизации в рамках первого и второго этапа, никак нельзя было привести к единому знаменателю с позиций инвестиционной привлекательности, востребованности их продукции и услуг на внутреннем и внешнем рынках, эффективности производства и др.

Наибольшей привлекательностью в глазах обладателей ваучеров и финансовых ресурсов пользовались экспортно ориентированные предприятия по добыче и переработке сырья, востребованного за рубежом: цветные металлы (алюминий, медь, никель, золото), нефть, газ и продукты их переработки, древесина, целлюлоза, уголь. Неслучайно именно за обладание ими развернулась ожесточенная борьба, в которую оказались вовлечены и предыдущие руководители предприятий, так называемые красные директора, и быстро набиравший силу криминал, и молодые «приватизаторы» из числа бывших «завлабов» и фарцовщиков.

Гражданское машиностроение, промышленность строительных материалов, некоторые сектора цветной металлургии, электротехническая отрасль, сориентированные на внутренний рынок, в силу общеэкономического кризиса, бешеных темпов инфляции, разрастания масштабов бартерных операций оказались на грани краха.

Примерно такая же участь, только с еще большей скоростью разрушения, постигла строительный комплекс региона. Мощнейшие строительные организации, способные возводить такие объекты мирового уровня, как Братская, Красноярская, Усть-Илимская, Саяно-Шушенская ГЭС, крупнейшие в мире алюминиевые заводы, целлюлозно-бумажные комбинаты, заводы тяжелого машиностроения, топливно-энергетические объекты в Сибири и на Дальнем Востоке оказались полностью разрушенными. И главной причиной этого стали отказ власти от индустриального

строительства и передача промышленной инвестиционной политики в руки частного капитала. Фактически прекратили существование такие гиганты строительной отрасли, как управления строительства «Братскгэсстрой», «Главвостоксибстрой». Оставались их бренды, но за ними стояла лишь маленькая группа руководителей, сумевших сохранить толику собственности в виде зданий управлений, небольшого количества акций подведомственных подразделений.

Говорить о том, что с первых дней 1992 г. началась повсеместная смена собственников на «эффективных менеджеров», было бы неправильно. Биографические данные о технократической элите Иркутской области не подтверждают каких-то радикальных ротаций руководящих кадров на приватизируемых предприятиях. Например, несмотря на большую «войну», развязанную в алюминиевом бизнесе, директора Братского алюминиевого завода (Б. С. Громов) и Иркутского алюминиевого завода (И. С. Гринберг) оставались на своих постах, первый – до 2000 г., второй – до 2011 г. Оба были избраны руководителями предприятий в 1989 г. в непростой борьбе, при неоднозначном отношении к ним со стороны Министерства цветной металлургии, немалом количестве оппонентов внутри производственных коллективов. В 1990-е гг. оба директора проявили себя как талантливые руководители, сумевшие не только сохранить, но и нарастить производство алюминия. По признанию современников, уважение своих коллективов они снискали не только благодаря стабильно выплачиваемым и достойным зарплатам, но и, вниманию к социальной инфраструктуре предприятий. Оба покинули свои посты по причинам, от них не зависящим.

Б. С. Громов, являясь миноритарным акционером Братского алюминиевого завода, оставил кресло директора по решению совета акционеров, где большинство было за представителями компании «РУСАЛ». Менеджмент предприятия во главе с Б. С. Громовым «держал» оборону с 1998 г., но, в конце концов, под давлением О. В. Дерипаски, Р. А. Абрамовича и тогдашнего губернатора области Б. А. Говорина ему пришлось уступить [22].

Феномен более чем двадцатилетнего пребывания И. С. Гринберга на посту генерального директора ИркАЗа объясняется несколькими причинами. Во-первых, Иркутский алюминиевый за-

вод в середине 1990-х гг. стал частью холдинга «Ренова», а затем СУАЛа, контролируемого В. Ф. Вексельбергом и Л. В. Блаватником, отличавшихся интеллигентной манерой ведения бизнеса, уважительным отношением к топ-менеджменту из числа «красных директоров», пользующихся большим авторитетом на местах. Поэтому И. С. Гринберг быстро нашел общий язык с новыми хозяевами. Во-вторых, генеральный директор ИркАЗа, в отличие от руководителя БрАЗа, успешно реализовал себя в политике, на протяжении многих лет входил в состав Законодательного собрания Иркутской области, являлся одним из самых авторитетных представителей политической элиты области. В-третьих, в 2000-х гг. И. С. Гринберг становится одним из лидеров иркутской организации партии «Единая Россия», и проводить какие-либо кадровые движения в отношении такого лица было достаточно рискованно.

Только после того как РУСАЛ стал фактическим владельцем холдинга «СУАЛ» и, соответственно, Иркутского алюминиевого завода, позиции И. С. Гринберга ослабли, и в июне 2011 г. пресс-служба РУСАЛа объявила о назначении нового директора и об освобождении от занимаемой должности прежнего руководителя [5].

По признанию самого руководителя, первая половина 1990-х гг. складывалась и для завода, и для него самого далеко не безоблачно. На завод, как и на другие экспортно привлекательные предприятия, тоже были рейдерские атаки. Криминал пытался взять под контроль товарно-денежные потоки ИркАЗа. Но руководители завода не позволили это сделать. Была создана служба безопасности. В интервью журналисту И. С. Гринберг отмечал, что это было такое время, когда он даже жене запрещал выходить из дома. Выручила в острую кризисную ситуацию компания «Ренова», которая появилась как раз в то время, когда из-за нехватки глинозема завод был вынужден остановить часть мощностей. Компания взяла в аренду часть остановленных корпусов. Благодаря компании «Ренова» администрация рассчиталась с трудовым коллективом. И. С. Гринберг вспоминал: «Тогда они договаривались с правоохранительными органами, везли спортивными сумками сюда деньги, и мы выдавали заработную плату. В Иркутске не было наличных».

Руководитель завода очень внимательно подошел к отношениям с холдингом В. Ф. Вексельберга. Прежде чем заключить

договор аренды, он собрал большое совещание с участием своих заместителей, начальников цехов, на котором обсудили все «плюсы» и «минусы» сотрудничества с компанией «Ренова». Несмотря на то что определенная часть прибыли должна была оставаться у другой организации, менеджмент предприятия согласился на этот компромисс, так как сохранялся коллектив, квалифицированные кадры, не было останова производства [19].

Весьма непросто складывалась ситуация на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности. Неограниченная сырьевая база, достаточно новое оборудование и современные технологии делали ряд предприятий этой отрасли весьма конкурентоспособными, а их продукцию востребованной на внешнем рынке. В Иркутской области это относилось прежде всего к Братскому и Усть-Илимскому лесопромышленным комплексам. Данные факторы обусловили заинтересованность нескольких бизнес-групп в контроле над ними. В публицистике 1990-х гг. много написано о кровавом переделе собственности, о сотнях жертв среди криминалитета, хозяйственных руководителей и других категорий населения, боровшихся за собственность. Однако анализ кадровых ротаций среди хозяйственных руководителей в приватизационный период не подтверждает фактов какого-либо террора в их отношении. В экономике Иркутской области 1990-х гг. известны только два случая убийства хозяйственных руководителей, связанных с борьбой за собственность. И оба произошли на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности.

В 1993 г. под Москвой, во время командировки был расстрелян наемными убийцами Э. Г. Евтушенко – председатель правления концерна «Братский лесопромышленный комплекс». Ни заказчики, ни исполнители так и не были найдены. Основной причиной покушения на хозяйственного руководителя и следственные органы, и коллеги Э. Г. Евтушенко называют его нежелание дробить структуру комплекса и продать контрольный пакет акций сторонним покупателям. Характеризуемый современниками как блестящий хозяйственник, очень порядочный человек, оказавшийся способным совместить качества руководителя советской эпохи и менеджера переходного периода, он мог противостоять рейдерскому захвату, но оказался бессилён перед пулями конкурентов [35, с. 127].

Благодаря созданию концерна Братский ЛПК, в отличие от других предприятий подобного рода, приватизировался с сохранением единства производства, что позволило избежать финансовой и производственной катастрофы, сопровождавшей приватизационные процессы на других предприятиях, например на Усть-Илимском ЛПК.

Другое убийство хозяйственного руководителя, причиной которого была борьба за собственность, произошло в г. Усть-Илимске. Здесь в декабре 1996 г. на пороге своего дома был расстрелян заместитель генерального директора по акционированию и приватизации Усть-Илимского лесопромышленного комплекса А. В. Пуртов. Первой и, в конечном итоге, единственной причиной его гибели следственные органы назвали неприязненные отношения между заказчиком убийства В. В. Дорошком и А. В. Пуртовым, сложившиеся из-за конфликта топ-менеджмента Усть-Илимского ЛПК и владельца ООО «Ксилема» (В. В. Дорошок) [36].

В 1992 г. руководство Усть-Илимского ЛПК решило выделить из состава комплекса малое предприятие «Ксилема», отдав ему в долгосрочную аренду цех по подготовке щепы. Организационно-технологического смысла в искусственном делении единого процесса получения целлюлозы и передаче его отдельной, независимой структуре не было никакого. Вероятно, топ-менеджмент комплекса посредством создания «Ксилемы» пытался увеличить собственные доходы, проигнорировав остальных акционеров. Формальным руководителем «Ксилемы» стал бывший начальник цеха по подготовке технологической щепы В. В. Дорошок, который должен был, получая искусственно созданную прибыль, делиться ею с участниками сговора [38]. Куратором от дирекции комплекса стал ранее упоминавшийся А. В. Пуртов. Но топ-менеджмент ЛПК недоучел, что новый руководитель «Ксилемы» – самодостаточный и сильный характером человек. Он начал свой собственный бизнес и, судя по всему, отказался делиться получаемыми доходами. Руководство комплекса попыталось вернуть переданное «Ксилеме» имущество посредством ликвидации самого предприятия. Ответственным за организацию реквизиционной кампании был определен заместитель генерального директора комплекса по экономике А. В. Пуртов. Че-

рез шесть месяцев деятельности комиссии он погиб. Убийство А. В. Пуртова не остановило активную работу хозяев и топ-менеджмента комплекса по возвращению арендованного «Ксилемой» имущества владельцам. В 1997 г. этот процесс успешно завершился. Следственные органы довольно быстро нашли исполнителей, но заказчика убийства арестованные не назвали. Только через 12 лет правоохранительные органы арестовали бывшего генерального директора «Ксилемы», мэра Усть-Илимска, предъявив ему обвинение в заказном убийстве А. В. Пуртова. Следствие и суд, тянувшиеся четыре года, в конце концов признали его виновным и приговорили к девяти годам колонии общего режима [40].

Ранее мы отмечали, что в наиболее тяжелом положении оказались предприятия глубоких переделов (машиностроение, электротехника, тонкая химия, металлоконструкции), чья продукция потреблялась в основном внутри страны. Финансово-экономический кризис, обесценивание рубля и переход на натуральную продукцию как средство платежей нанесли катастрофический урон машиностроительным и электротехническим предприятиям.

Ведущие промышленные центры Сибири в 1930–80-е гг., в том числе и Иркутск, формировались как центры машиностроительной и перерабатывающей промышленности. Особое ускорение индустриализации административных центров придала Великая Отечественная война. В 1941–1942 гг. на восток были эвакуированы десятки предприятий, ставшие основой «взрывного» развития высокотехнологичной обрабатывающей промышленности. Послевоенные экономические тренды для этих городов и их индустриального окружения опирались на базу, созданную накануне и в годы войны. Предприятия, построенные в Красноярске, Иркутске, Абакане, Ангарске, Ачинске, Братске, Дивногорске, Канске, Назарово, Черемхово, Усолье-Сибирском, других городах региона, удовлетворяли потребности народного хозяйства страны в самой разнообразной технике, оборудовании, комплектующих, продуктах химической, нефтехимической и биохимической промышленности.

В области работали десятки предприятий союзного значения, продукция которых являлась ключевой, базовой для развития отдельных отраслей народного хозяйства. Например, Иркутский завод тяжелого машиностроения выпускал технику и обоору-

дование для золотодобывающей промышленности СССР. Иркутский релейный завод являлся монополистом в производстве отдельных компонентов для авиационной промышленности. Ангарский электромеханический завод решал задачи обеспечения растущей энергетической инфраструктуры Сибири в электротехнической продукции. Крупнейшим предприятием за Уралом по выпуску промышленных и домашних котлов, батарей, радиаторов стал Братский завод отопительного оборудования.

Химическая промышленность региона была представлена такими предприятиями союзного значения, как Ангарский нефтехимический комбинат, производивший целый спектр продуктов от бензина до удобрений и бытовой химии. Усольское объединение «Химпром» снабжало промышленность страны химическими реагентами, без которых остановились бы многие производства: каустическая сода, карбид, смолы, монокристаллы, перекись водорода, другие вещества. Они являлись основой для производства линолеума, лаков, красок, отбеливающих и дезинфицирующих средств, аккумуляторов, приборов радиоэлектроники, шампуней и полимерных изделий.

Предприятия, о которых говорилось выше, в 1991 г. либо успешно работали, либо достраивались и начинали давать первую продукцию.

Системный кризис 1991–2000 гг. привел к обвалу индустриального сектора и кардинальному изменению его отраслевой структуры под влиянием изменившейся формы собственности. Падение производства в 1990-е гг. было самым масштабным в XX в. В 1998 г. в низшей точке промышленного спада ВВП России составлял чуть более половины от предкризисного максимума 1989 г. Иркутская область не осталась в стороне от разрушительных процессов. В Иркутской области ВВП в индустриальной сфере составил всего 49 % от уровня 1989 г. [20, с. 68].

В 1990–2000-е гг. свое существование прекратили заводы карданных валов, радиоприемников, «Эталон». Значительно уменьшили объемы выпускаемой продукции заводы тяжелого машиностроения, релейный, «Радиян» (г. Иркутск), завод горного оборудования (г. Усолье-Сибирское), электромеханический завод (г. Ангарск).

Из-за резкого уменьшения числа потребителей в очень тяжелом положении оказались Братский завод отопительного оборудо-

дования (ПО «Сибтепломаш») и Усольское ПО «Химпром». Для последнего ситуация усугублялась предельной изношенностью оборудования и высоким уровнем техногенных рисков.

Ситуацию социально-экономической катастрофы для ряда предприятий Иркутска очень хорошо описала журналист О. Гордеева. В советское время на заводе радиоприемников работало около 14 тыс. чел. Производство было строго секретным. Здесь выпускались военные радиостанции. Восемнадцать цехов трудились на оборону страны, и только один, девятнадцатый, выпускал бытовые радиоприемники и проигрыватели. Предприятие помимо чисто экономических функций играло очень важную социальную роль для развития города. За счет средств завода в микрорайоне Синюшина Гора возводились благоустроенные дома и общежития, детские сады и школы, магазины и дом культуры. В летнее время дети отдыхали в пионерском лагере «Рекорд» в 28 км от Иркутска. Развал начался в последние годы перестройки. За свой завод и его социальную инфраструктуру отчаянно боролся последний директор предприятия В. М. Барабаш. Он упорно сопротивлялся приватизации, доказывая, что это не спасет производство. Журналист приводит слова директора. «Если я приватизирую предприятие, – доказывал В. М. Барабаш руководству города, – это не спасет производство. Да, я и мой заместитель скажочно разбогатеем. А рабочему человеку какая польза от приватизации»? К 2000 г. от завода ничего не осталось. В результате приватизации территория и здания отошли частным лицам, и теперь на этом месте мощный торгово-развлекательный центр.

Та же участь постигла к другой первоклассный завод Иркутска – карданных валов. В середине 1980-х гг. его директор М. Я. Крутер закупил в ГДР большое количество станков, работавших в автоматическом и полуавтоматическом режиме. Целый цех был укомплектован дорогостоящей импортной автоматикой. Это позволяло во много раз уменьшить количество рабочих и повысить качество продукции. Карданными валами иркутского завода комплектовалась советская тракторная и сельскохозяйственная техника, легковые автомобили. Благодаря хорошему качеству карданные валы пользовались большой популярностью среди потребителей. Экономический кризис начала – середины 1990-х гг. привел к резкому сокращению заказов на продукцию завода.

Окончательно добила его приватизация. Чрезвычайно выгодное расположение предприятия (фактически центр города) способствовало быстрому перепрофилированию заводского имущества в торговый комплекс. В настоящее время на территории бывшего завода карданных валов располагается один из крупнейших торговых центров города – «Иркутский». М. Я. Крутер не мог перенести разорения завода. Когда из цехов стали делать торговые ряды, с ним случился инсульт. Кстати, В. М. Барабаш также в 1990-е гг. перенес два инфаркта, не выдержав фактической ликвидации завода радиоприемников [14].

Нелегкие испытания пришлось пережить в 1990-е – начале 2000-х гг. Ангарскому электромеханическому заводу – лидеру советской электротехнической промышленности по производству электрощитового оборудования. Из 5 тыс. работающих к 2001 г. осталось лишь 500 чел. Предприятие испытало трудности, характерные для производств высокой технологической сложности, работавших на множество других гражданских отраслей страны и оказавшихся невостребованными в период экономического кризиса. Высокая стоимость продукции при относительно невысоком качестве делала ее неконкурентоспособной в сравнении с аналогичными изделиями из КНР, других восточноазиатских стран. Низкий спрос обусловил сложное финансовое положение завода, были накоплены десятки миллионов рублей задолженности по заработной плате, перед Иркутскэнерго, другими поставщиками. Низкая инвестиционная привлекательность предприятия и, в то же время, наличие больших земельных площадей, находившихся в удовлетворительном состоянии корпусов, тепловых коммуникаций, делали предприятие легкой добычей рейдеров. Например, в 2009 г. директором предприятия стал И. Г. Черняев, бывший директор культурно-досугового центра «Пионер», хозяин крупного ангарского казино. Несмотря на все заявления нового руководителя о необходимости спасти предприятие, возможно, что единственной его задачей являлся захват имущества, земли завода и использование их в своих, но не профильных для завода интересах [41].

Весьма неоднозначной выглядела ситуация для технократии в 1990-е гг. и в политической сфере. Центральная и региональная технократическая элиты были глубоко разочарованы результатами выборов на съезды народных депутатов СССР, РСФСР. Для

многих из них шоком оказалась процедура участия в выборах на руководящие должности. Выяснилось, что эгалитарные настроения в рабочих коллективах гораздо сильнее, чем внешняя доброжелательность, а любовь и уважение ближнего окружения – лишь маска, скрывающая честолюбивые намерения вторых и третьих лиц.

Можно сказать, что на заключительном этапе перестройки региональная технократическая элита находилась в глубокой обороне. Этому способствовали полная дезорганизация внутри- и межотраслевых связей, депрессия производства, давление «демократических» кругов, набирающая силу борьба против специальных привилегий. Концентрированным выражением отношения технократической элиты к перестройке стало участие президента Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи А. И. Тизякова в Государственном комитете по чрезвычайному положению.

Нам представляется, что большая часть ожиданий технократической элиты, касающихся ее места в новой системе социально-экономических координат, в ходе радикальной экономической реформы 1990-х гг. не оправдалась.

Однако значительная часть технократической элиты сохранила за собой статус и влияние топ-менеджеров. Уровень политического влияния региональных технократов в 1990-е гг. оставался достаточно высоким. Причем делегировали они своих представителей на самые высокие должности в региональных администрациях и парламентах. Особенно ярко это проявилось в Иркутской области. Например, последним советским лидером и первым губернатором области стал бывший начальник Братскгэсстроя Ю. А. Ножиков. Первым заместителем главы областной администрации был назначен его заместитель по Братскгэсстрою В. К. Яковенко. В администрации следующего губернатора Иркутской области, Б. А. Говорина, на определенном этапе ключевую роль в решении финансово-хозяйственных вопросов играл бывший директор Усть-Илимской ТЭЦ, заместитель генерально-го директора ОАО «Иркутскэнерго» В. Е. Межевич.

После отставки Б. А. Говорина на пост губернатора Иркутской области был рекомендован начальник Восточно-Сибирской железной дороги А. Г. Тишанин. Законодательное собрание Иркутской области большинством голосов поддержало его кандида-

туру. Оставим за скобками причины такового выбора губернатора, но фактом является приход на высший пост исполнительной власти области типичного представителя региональной технократической элиты. Вся карьера А. Г. Тишанина носила производственный характер. Две последних должности до губернаторского поста – заместитель начальника Забайкальской железной дороги и начальник Восточно-Сибирской железной дороги. Двухлетнее правление А. Г. Тишанина выглядело неоднозначным как в глазах простых иркутян, так и местной элиты. Наряду с поддержкой очень интересного и перспективного проекта создания «иркутской агломерации» он поучаствовал в силовом решении вопроса об объединении Иркутской области и Усть-Ордынского автономного национального округа, умудрился рассориться практически со всеми группами иркутской элиты.

Причина преждевременного ухода А. Г. Тишанина с поста губернатора, по-видимому, заключалась в специфике его предыдущей деятельности. Железнодорожное ведомство было и остается до настоящего времени закрытым и полувоенным институтом со специфичными, почти армейскими методами управления. Возможно, А. Г. Тишанину не удалось гармонично совместить два типа управленческой стилистики: железнодорожной и гражданской. Мастером политического компромисса он себя не показал.

Из пяти председателей Законодательного собрания Иркутской области с 1996 по 2011 г. двое являлись выходцами из технократической элиты региона. Это бывший начальник РЭУ «Иркутскэнерго» В. М. Боровский и генеральный директор ПО «Саянскхимпласт» В. Н. Круглов.

В сравнении с составом депутатов Иркутского областного Совета народных депутатов относительное число представителей технократии выросло в два раза – с 10–11 до 22 %. В Законодательном собрании Иркутской области первого созыва 1994–1996 гг. работали руководители многих значимых предприятий и организаций: генеральные директора Иркутского алюминиевого завода (И. С. Гринберг), Иркутского авиационного производственного объединения (А. И. Федоров), Ангарской нефтехимической компании (Ф. С. Середюк), Коршуновского горно-обогатительного комбината (А. М. Постовалов). Былое влияние и авторитет обусловили победу на выборах генеральных директоров Братскгэсстроя В. С. Викулова и Осетровского речного порта М. Ф. Скомарова.

В Законодательное собрание были избраны представители новой группы зарождающейся бизнес-элиты: управляющая Востсибкомбанком Т. П. Царик и председатель совета директоров Братского акционерного народного коммерческого банка Ю. А. Пурденко. Однако, как показали выборы в последующие составы Законодательного собрания, этот тренд носил временный характер и объяснялся только отсутствием на тот момент банков федерального уровня. После краха в середине – конце 1990-х гг. большого количества федеральных и региональных банков, строивших свою деятельность на принципах финансовой пирамиды, местные представители банкирского сообщества так и не смогли стать влиятельными игроками на политическом и экономическом поле. В 1997 г. после краха Востсибкомбанка «закатилась звезда» Т. П. Царик. В это же время подвергся уголовному преследованию за серьезные финансовые и таможенные нарушения президент Русско-Азиатского банка Ф. Г. Бабтракинов [23].

В ходе избирательной кампании 1997–1998 гг. тенденция закрепились: избиратели устойчиво отдавали предпочтение крупным хозяйственникам, руководителям акционерных обществ, больших по региональным меркам предприятий и чиновникам. По итогам выборов 1997–1998 гг. представители директорского корпуса, промышленной и финансовой элиты получили 80 % депутатских мандатов в Пермской области, около 70 % – в Смоленской области, около 60 % – в Пензенской, Тамбовской и Томской областях [27]. В Иркутской области присутствие этой категории делового сектора было менее весомым, но все же весьма существенным – 29 %. Из хозяйственных руководителей в состав Законодательного собрания созыва 1996 г. были избраны И. С. Гринберг (вторично), В. В. Ковальков (Иркутское авиационное промышленное объединение), Ф. С. Середюк (Ангарская нефтехимическая компания), Н. Г. Яковлев (Братский лесопромышленный комплекс). Традиционно присутствовали представители ОАО «Иркутскэнерго» – директор Иркутской ТЭЦ–11 В. А. Маньков.

Несколько изменилось качественное содержание депутатов из числа строительного комплекса. Помимо генеральных директоров Ангарского управления строительства В. Л. Середкина и АО «Промстрой» А. И. Шлойдо, хорошо известных в строительном комплексе Приангарья, в состав Законодательного собрания был избран руководитель финансово-строительной компании

«Новый город» А. С. Битаров. Справедливости ради стоит отметить, что успех последнего объясняется скорее не масштабами строительного бизнеса, а известностью, которую А. С. Битаров получил ранее, организовав одну из самых успешных иркутских медицинских страховых компаний «МАСКИ».

Вновь в Законодательном собрании оказался и банковский служащий – начальник Братского управления АКБ «Ангарский» В. И. Данилов. Однако его политический и деловой бэкграунд (малоизвестный банк, управление разоряющейся Братской швейной фабрикой) не позволял причислить депутата к бизнес-элите Иркутской области.

«Ельцинский» период истории современной России отличался высокой политической активностью в центре и на местах, относительной слабостью вертикали исполнительной власти, повышенным уровнем конкуренции за места в местных законодательных органах. Реальная многопартийность, определенное количество независимых депутатов делали многих народных избранников активными участниками выработки, обсуждения и принятия решений. Но, судя по числу выступлений в прессе, отчетам о заседаниях Законодательного собрания, особой публичной активностью депутаты-хозяйственники не отличались. Можно предположить, что для большинства из них работа в региональном парламенте являлась возможностью пролоббировать либо свои интересы, либо интересы своих корпораций.

В Иркутской области представители финансово-хозяйственного сектора, сферы торговли и услуг наращивали свое присутствие в Законодательном собрании до 2008 г. За этот период их доля в областном парламенте увеличилась с 33,3 до 55 %. Стабильной (от 10,2 до 13,3 %) оставалась доля депутатов из числа топ-менеджеров государственных и частных компаний федерального уровня [33].

Однако в 2008 г., после введения нового порядка формирования регионального парламента по одномандатным округам и спискам партий количество представителей бизнес-элиты несколько уменьшилось. Депутаты из числа хозяйственных руководителей, предпринимателей составили 47 % от общего числа избранных. Вдвое, до 6,5 % упал удельный вес представителей топ-менеджмента. По одномандатным округам победу одержали А. А. Краснощек – начальник Управления ВСЖД и В. К. Круг-

лов – генеральный директор ОАО «Саянскхимпласт». По списку «Единой России» в Законодательное собрание вошел А. А. Вепрев – генеральный директор ОАО «Иркутский авиационный завод».

§ 3. Третий этап: первое десятилетие XXI в.

На этом этапе, во-первых, возникшие ранее столичные бизнес-группы продолжили свою региональную экспансию, покупая или присоединяя в процессе банкротства активы, ранее принадлежавшие региональному бизнесу или подконтрольные местному менеджменту. Зачастую это приводило к масштабному расширению их региональной сети. Во-вторых, сформировались новые бизнес-группы с разветвленными региональными сетями, причем центром их формирования мог быть и какой-либо промышленно развитый регион (группа компаний «Истлэнд», «Байкалфарм»). В-третьих, произошло укрепление государственных и частных компаний, создавших устойчивые и разветвленные сети («Роснефть», «Российские технологии», «Русгидро», «РУСАЛ» и др.). В последнем процессе были активно задействованы федеральные власти, а в первых двух важную роль могли играть власти субъектов Федерации.

В конечном итоге сложилась иерархическая структура российского бизнеса, поделившегося на:

- крупный бизнес федерального масштаба, контролирующий региональные сети, которые могут охватывать различные районы страны;
- собственно региональный бизнес, сосредоточенный в рамках одного субъекта Федерации, но способный играть там очень важную роль, а в отдельных случаях осуществлять и ограниченную внешнюю экспансию;
- местный (локальный) бизнес, связанный с определенными городами.

Процессы приватизации, оформление олигархической группы в составе правящей элиты страны во второй половине 1990-х гг. мало влияли на основной состав бизнес-элиты Иркутской области. Из нее окончательно выбыли руководители предприятий машиностроительного и электротехнического профиля, чья продукция оказалась невостребованной внутренним и внешним рынком (иркутские заводы тяжелого машиностроения, релейный, радио-

приемников, Усольский завод горного оборудования, Братский завод отопительного оборудования, Ангарский электромеханический завод и др.).

По-прежнему недостаточным политическим весом пользовались банковские топ-менеджеры. В 2000 г. в число 50 наиболее влиятельных лиц в Иркутской области вошли лишь два представителя банковской сферы: Ю. Ковалев – вице-президент Альфа-банка (26-е место) и В. К. Яковенко – председатель совета директоров БайкалОНЭКСИМбанка (48-е место). Да и то места во властной элите, занятые ими, объясняются скорее другими ключевыми должностями. Ю. И. Ковалев являлся собственником преуспевающего предприятия «Востсибсантехмонтаж», а В. К. Яковенко – вице-президентом российского холдинга ФПГ «Интерросс» [2].

Во второй половине 1990-х гг. экономику Приангарья продолжали определять системообразующие организации ВСЖД и Иркутскэнерго, а также предприятия цветной металлургии, угольной промышленности, нефтехимии и лесохимии. Экономический вес отраслей очень точно коррелировался со степенью политического влияния их руководителей. Например, четвертое место (и первое среди представителей бизнес-элиты) в рейтинге властной элиты за 2000 г. занял генеральный директор ОАО «Иркутскэнерго» В. М. Боровский. А по объемам выручки в 1999 г. Иркутскэнерго занимало третье место после ВСЖД и Братского алюминиевого завода. Вполне закономерным являлось десятое место в общем списке и второе в списке бизнес-элиты начальника Управления ВСЖД А. М. Касьянова (табл. 1).

Список показывает стабильность состава бизнес-элиты. Из новых лиц, появившихся в ее составе и отражающих новые экономические реалии, следует отметить только С. В. Ерощенко. Руководимая им компания «Истлэнд» позиционировала себя в экономике Иркутской области как генератор серьезных инвестиционных проектов, создатель инвестиционно привлекательных бизнесов. Из крупных, вертикально интегрированных холдингов в Иркутскую область в этот период зашла только Сибирско-Уральская алюминиевая компания (СУАЛ) В. Ф. Вексельберга. Готовились к экспансии структуры, подконтрольные Р. А. Абрамовичу, М. Б. Ходорковскому, О. В. Дерипаске. Следовательно, экономическая и политическая субъектность большинства представителей бизнес-элиты оставалась достаточно высокой.

Таблица 1

Рейтинг бизнес-элиты во властной элите Иркутской области в 2000 г.
(составлен по материалам издания «Кто есть кто в Иркутской области»)

| Место в общем рейтинге/место в рейтинге бизнес-элиты | Ф. И. О. | Занимаемая должность |
|--|-----------------|---|
| 4/1 | Боровский В. М. | Генеральный директор ОАО «Иркутскэнерго» |
| 10/2 | Касьянов А. М. | Начальник Управления ВСЖД |
| 14/3 | Куимов С. В. | Заместитель генерального директора ОАО «Иркутскэнерго» |
| 16/4 | Ерощенко С. В. | Генеральный директор ЗАО «Истлэнд», председатель совета директоров ОАО «Востсибуголь» |
| 17/5 | Межевич В. Е. | Заместитель генерального директора ОАО «Иркутскэнерго» |
| 19/6 | Федоров А. И. | Президент ОАО «Иркутское авиационное производственное объединение» |
| 20/7 | Баранцев А. Г. | Генеральный директор ОАО «Братский алюминиевый завод» |
| 22/8 | Гринберг И. С. | Генеральный директор ОАО «ИркАЗ – СУАЛ» |
| 26/9 | Ковалев Ю. И. | Вице-президент Альфа-банка, управляющий ГУП «Востсибсантехмонтаж» |
| 33/10 | Щадов И. М. | Генеральный директор ОАО «Востсибуголь» |

Начало 2000-х гг. характеризовалось появлением в Иркутской области вертикально интегрированных компаний, зарегистрированных вне Иркутской области и подконтрольных О. В. Дерипаске, Р. А. Абрамовичу, З. Д. Смушкину. Их кадровая политика носила экстерриториальный характер. Поэтому в рейтинге 2002 г. число представителей местной бизнес-элиты уменьшилось до 10 чел. Генеральный директор ОАО «Иркутскэнерго» В. В. Колмогоров (14-е место в рейтинге) приехал в Иркутскую область представлять интересы «Русского алюминия», а О. А. Мисевра, генеральный директор ОАО «Востсибуголь» (15-е место в рейтинге), – интересы МДМ-банка. Конечно, отнести их к региональной бизнес-элите можно только весьма условно.

К 2010 г. структура бизнеса окончательно сформировалась. Длительный процесс передела сфер влияния в экономике области привел к тому, что на роли лидеров вышли РУСАЛ в цветной ме-

таллургии, Роснефть в нефтехимии и группа «Илим» в целлюлозно-бумажной промышленности. Весьма серьезные позиции занимает ОАО «Мечел», владеющее Коршуновским ГОК.

Ключевую роль в экономике региона играет ОАО «Иркутскэнерго», находящееся под контролем ОАО «Евросибэнерго» (50,19 % акций на 31 декабря 2012 г.). Государство через ОАО «Интер РАО ЕЭС» контролирует 40,007 % акций. Однако топ-менеджмент предприятия формируется структурами, подконтрольными Евросибэнерго и лично О. В. Дерипаске.

Еще один вертикально интегрированный холдинг – ОАО «Российские железные дороги» оказывает влияние на экономику области через свой филиал – Восточно-Сибирскую железную дорогу.

Уделом местной, коренной бизнес-элиты оставалась сфера торговли, услуг, лесозаготовки, строительства.

К 2010 г. всю бизнес-элиту Иркутской области можно было разделить на три большие группы. **Первая группа:** технические руководители промышленных предприятий, входящих в холдинги российского уровня. Поставленные собственниками для решения сугубо организационно-технических задач, они были лишены каких-либо политических амбиций либо не стремились их проявлять. Их участие в политической жизни, реализации социальных проектов, публичность сводились к минимуму. Особенно ярко это проявлялось на предприятиях группы «Илим». Традиционные названия: «Усть-Илимский лесопромышленный комплекс», «Братский лесопромышленный комплекс» исчезли из правового и финансово-экономического поля. Их заменили понятием «филиал группы “Илим”». В силу понижения организационно-правового статуса предприятий был снижен и статус их руководителей. Теперь они уже не генеральные директора, а просто директора. Фамилии руководителей филиалов Н. Ю. Наумова (Усть-Илимск) и Л. Хейккинена (г. Братск) практически отсутствуют в публичном пространстве городов. Более того, на официальном сайте группы «Илим» они не упоминаются среди топ-менеджмента компании. Для сравнения вспомним, что в начале 1980-х гг. обоими комбинатами руководили генеральные директора в статусе заместителей министра целлюлозно-бумажной промышленности СССР.

Для руководителей крупнейшего в стране Братского алюминиевого завода и Коршуновского горно-обогатительного комби-

ната А. Ю. Волвенкина и Б. Н. Седельникова собственники в лице РУСАЛа и «Мечела» определили должность «управляющий директор». Несмотря на исключительный экономический вес указанных предприятий для Иркутской области, социально-политическая активность обоих руководителей крайне невысока.

ОАО «Иркутскэнерго» и ОАО «Востсибуголь», аффилированные с РУСАЛом, также возглавляли менеджеры (Е. В. Федоров и Е. А. Мастернак), ранее не связанные своей биографией с Иркутской областью и дистанцирующиеся от публичной политической деятельности. Впрочем, интересы большинства холдингов защищало депутатское лобби. Например, в Законодательном собрании созыва 2004 г. работал генеральный директор ОАО «Илимсиблес» (аффилировано с «Илим-Палп энтерпрайз») В. Н. Долгов. Другой депутат – А. В. Бондаренко, являлся директором дочерней структуры Иркутскэнерго – Братских тепловых сетей.

В Законодательное собрание созыва 2008 г. были избраны сразу два депутата, отстаивавшие интересы предприятий, аффилированных с РУСАЛом: С. А. Дитрих – директор по экологии Братского алюминиевого завода и А. В. Швайкин – заместитель генерального директора Иркутскэнерго. В этом же составе появляются депутаты, связанные с работой в Иркутской области ОАО «ТНК-ВР менеджмент»: заместитель генерального директора ОАО «Верхнечонскнефтегаз» А. И. Соболев и представитель головной организации в Иркутской области А. О. Егоров.

Вторая группа: руководители организаций и предприятий российских холдингов со стопроцентным или преобладающим государственным капиталом: Восточно-Сибирская железная дорога (ОАО «РЖД»), Иркутский авиационный завод (ОАО «Научно-производственная корпорация «Иркут»), Ангарская нефтехимическая компания (ОАО «Роснефть»). Топ-менеджеры этих структур и в советское время, и в постсоветский период были широко представлены в политическом истеблишменте области. В 1990-е гг. в состав Законодательного собрания Иркутской области входили генеральные директора АНХК (Ф. С. Середюк) и Иркутского авиационного завода (А. И. Федоров, В. В. Ковальков). В начале 2000-х гг. депутатами областного парламента избирались начальники и заместители начальника ВСЖД А. М. Касьянов, А. А. Краснощек, В. Э. Каутц, И. В. Милостных, генеральные директора авиационного завода А. И. Федоров, А. А. Вепрев.

Начальник Управления Восточно-Сибирской железной дороги А. Г. Тишанин в 2005 г. стал губернатором Иркутской области. Руководитель Иркутского авиационного завода А. И. Федоров длительное время являлся секретарем политсовета Иркутского регионального отделения «Единой России». Используя понятийный аппарат элитологии, следует отметить, что представители этой группы наиболее точно отвечают представлению о бизнес-элите как в меритократическом, так и в позиционном варианте. Руководя масштабным бизнесом организаций и предприятий, являющихся градообразующими, системообразующими структурами, в силу сложившихся традиций топ-менеджеры неизбежно выполняли политические и социальные функции. Не случайно руководители авиационного завода, железной дороги в начале 2000-х гг., по опросам экспертов, стабильно попадали в число наиболее влиятельных политиков в Иркутской области.

Третья группа: собственники и руководители предприятий и организаций областного значения. Это наиболее диверсифицированная и неоднозначная с точки зрения включения в состав бизнес-элиты группа. Согласно рейтингу влияния властной элиты Приангарья, составляемому экспертами в рамках проекта «Кто есть кто в Иркутске и Иркутской области», представители местных предпринимательских кругов находились за пределами первой двадчатки, в третьем, четвертом и последующих эшелонах политического влияния (табл. 2).

Иначе обстояло дело с представительством местной бизнес-элиты в Законодательном собрании Иркутской области в 1990–2000-е гг. Оно было весомым во всех составах областного парламента (табл. 3).

Многие делегаты из числа предпринимателей отличались высокой политической, законотворческой активностью и по степени упоминаемости в средствах массовой информации не только не уступали, но зачастую превосходили своих коллег из двух первых групп. Например, в составе Законодательного собрания созывов 1996 и 2000 гг. работал генеральный директор ОАО ФСК «Новый город», один из руководителей региональных организаций «Единой России» и «Гражданской платформы» А. С. Битаров. Здесь, будучи генеральным директором ОАО «Востсибэлемент», получил политическую известность руководитель ИРО «Союза правых сил», автор идеи иркутской агломерации А. П. Козьмин (созывы 2000 и 2004 гг.). «Патриарх» и главный

лоббист иркутских аграриев, генеральный директор СХАО «Белореченское» Г. С. Франтенко работал в четырех составах Законодательного собрания – с 1996 по 2012 г.

Таблица 2

Местная бизнес-элита в рейтинге власти Иркутской области

| Год составления рейтинга | Ф. И. О. представителя бизнес-элиты | Должность | Место в рейтинге |
|--------------------------|-------------------------------------|--|------------------|
| 2000 | Ковалев Ю. И. | Управляющий ГУП «Востсиб-сантахмонтаж» | 26 |
| | Яковенко В. К. | Председатель совета директоров БайкалОНЭКСИМбанка | 48 |
| 2002 | Ковалев Ю. И. | Председатель совета директоров АКБ «Классик» | 30 |
| | Базархандаев А. Р. | Генеральный директор телекомпании «АИСТ» | 44 |
| 2004 | Ковалев Ю. И. | Председатель совета директоров АКБ «Классик» | 33 |
| | Соболь А. И. | Генеральный директор ОАО «Восточно-Сибирская газовая компания» | 43 |
| | Франтенко Г. С. | Генеральный директор СХАО «Белореченское» | 46 |
| | Базархандаев А. Р. | Генеральный директор телекомпании «АИСТ» | 49 |
| 2007 ¹ | Базархандаев А. Р. | Генеральный директор телекомпании «АИСТ» | 69 |
| | Середкин В. Л. | Генеральный директор ОАО «Ангарское управление строительства» | 71 |
| | Баймашев Д. З. | Председатель совета директоров ОАО «Иркутский масло-жиркомбинат» | 77 |
| | Тен С. Ю. | Генеральный директор ОАО «Труд» | 79 |
| | Ерощенко С. В. | Генеральный директор ЗАО «Истлэнд» | 94 |

¹ Ни один представитель местного бизнес-сообщества не вошел в число первых пятидесяти лиц рейтинга, поэтому мы отразили результаты второй половины рейтинга.

Таблица 3

Численность депутатов Законодательного собрания Иркутской области – руководителей и собственников среднего бизнеса²

| Год созыва | Промышленность, транспорт, строительство, услуги | Банки и другие финансовые организации | Сельхоз-предприятия | Другие | Общее количество | Доля в общем составе (%) |
|------------|--|---------------------------------------|---------------------|--------|------------------|--------------------------|
| 1994 | 4 | 1 | 3 | 1 | 9 | 20 |
| 1996 | 7 | 3 | 2 | - | 12 | 26,6 |
| 2000 | 6 | 2 | 1 | - | 9 | 18,4 |
| 2004 | 13 | 2 | 3 | 1 | 19 | 38,7 |
| 2008 | 11 | - | 4 | - | 15 | 30 |

В составе Законодательного собрания созыва 2000 г. стал узнаваем и хорошо известен будущий «алкогольный король» Байкальского региона, генеральный директор ОАО «Байкал-фарм» М. Э. Матханов. С поста руководителя компании-нефтетрейдера «Эксиойл» в 2004 г. пришел в Законодательное собрание один из лидеров ИРО «Единой России» С. В. Курилов. Вообще выборная кампания 2004 г. оказалась богатой на новые имена из числа представителей среднего и крупного бизнеса Приангарья. Они заняли почти 40 % мест. Депутатами регионального парламента стали генеральный директор ООО «Спорт-мастер» А. А. Кайдаш, директор одной из крупнейших сетей оптовой продукции алкоголем ООО «Центр» А. В. Чернышев, президент преуспевающего лесозаготовительного и деревообрабатывающего предприятия ООО «ПИК-89» А. К. Плахотник. Вместе с возвращением в экономику области закрепиться в политической сфере смог бывший генеральный директор СП «Игирма-Тайрику» И. Ф. Подашов (руководитель ОАО «Сибэкспортхолдинг»).

Фракция КПРФ в Законодательном собрании (2004–2008 гг.) была представлена не только профессиональными политиками, но и бизнесменами и хозяйственными руководителями. Так, парламентариями стали генеральный директор сельскохозяйственно-производственного кооператива «Усольский свинокомплекс» А. А. Сумароков и бывший первый секретарь Иркутского ОК КПСС, а в начале 2000-х гг. генеральный директор ООО «Сибиряк-И» В. И. Потапов.

² Предприятием среднего бизнеса в России считается такое, которое имеет оборот 12–50 млн долл. в год.

Еще более разнообразным с точки зрения сфер бизнеса, представляемых депутатами, оказалось Законодательное собрание, избранное в 2008 г. В его состав было избрано 50 депутатов по смешанной системе. Половина депутатов избиралась по партийным спискам, другая половина – по одномандатным округам.

Строгая партийная дисциплина, агрессивная пиар-кампания ведущей политической партии обусловили сконструированный, искусственный характер состава Законодательного собрания. Вместе с тем следует отметить, что авторы проекта попытались диверсифицировать его состав не только в части депутатов от социальной и административной сфер, но и представителей бизнес-сообщества. В первом кластере (избранные по одномандатным округам) оказалось сразу 9 представителей местного бизнеса: строительство (В. А. Дмитриев, Т. Р. Сагдеев), сельское хозяйство (П. А. Сумароков, Г. С. Франтенко, А. Н. Иванов), транспорт и дорожные службы (Н. Труфанов, А. А. Кайдаш), торговля (В. С. Ташкинов, А. В. Чернышев). В части депутатского корпуса, сформированного по партийным спискам, также достаточно широко представлен местный бизнес: издательская деятельность и СМИ (В. А. Матиенко, А. И. Тюников), торговля (В. В. Киреев, Н. А. Чекотова, С. В. Шигорин), сельское хозяйство (И. А. Сумароков). И хотя некоторые аналитики считают, что позиция любого депутата зависит от «московских хозяев» (единороссов, коммунистов или самовыдвиженцев), а весь региональный истеблишмент следует рассматривать как единую политическую команду, управляемую из Москвы, такой взгляд представляется несколько упрощенным [39].

Синергетические эффекты в Законодательном собрании Иркутской области первого десятилетия XXI в. создали немало проблем назначаемым губернаторам (А. Г. Тишанин, Д. Ф. Мезенцев). И понимание отношений «федеральный центр – региональные депутаты» как жесткой детерминированной зависимости и вертикали вряд ли уместно. Столь разношерстный состав бизнес-элиты, представленной в законодательном органе области и, по большому счету, мало зависимой от вертикально интегрированных холдингов, является определенным гарантом сохранения сдержек противовесов в системе государственной власти.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите подходы, используемые учеными при определении социальной группы под названием «элита».
2. Какие категории населения можно отнести к региональной правящей элите?
3. Дайте определение региональной бизнес-элиты.
4. Назовите новые хозяйствующие субъекты, появившиеся в стране и Иркутской области в конце 1980-х – начале 1990-х гг.
5. Руководители каких предприятий и организаций в основном составляли иркутскую бизнес-элилу в начале 1990-х гг.?
6. В каких отраслях экономики Иркутской области в 1990-х гг. радикальные экономические сдвиги не сказались на карьерах их руководителей и почему?
7. В чем феномен делового и политического долголетия бывшего генерального директора Иркутского алюминиевого завода И. С. Гринберга?
8. Назовите фамилии руководителей целлюлозно-бумажных предприятий Иркутской области, ставших жертвами борьбы за собственность, и возможные причины их устранения.
9. Назовите нескольких представителей региональной технократической элиты, ставших руководителями органов исполнительной и законодательной власти в Иркутской области в 1990–2010-е гг.
10. Назовите особенности третьего этапа формирования бизнес-элиты Иркутской области.
11. На какие три группы можно разделить бизнес-элилу Иркутской области к 2010 г.?
12. Назовите наиболее ярких представителей местного бизнеса, ставших заметными не только в экономическом, но и в политическом пространстве региона в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

Литература

1. URL: <http://www.garweb.ru/project/sf/1994-1996/reg/031.htm>.
2. URL: <http://www.banki.ru/banks/memory/?query=%C8%F0%EA%EE%EC%F1%EE%F6%E1%E0%ED%EA&where=NAME>.
3. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2012/11/13/n_2614913.shtml.
4. Августовский О. Р. Избран директор // Красное знамя. – 1989. – 18 апр.
5. Амурская Д. Игорь Гринберг больше не директор ИркАЗа // КП-Иркутск. – 2011. – 16 июня.
6. Антоненко А. М. Павел Гольшев, кооператор: «Я за такую работу» // Вост.-Сиб. правда. – 1988. – 13 окт.
7. Арсюхин В. Анатолий Чубайс: «Против приватизации были только директора, работники и пенсионеры, а больше никто» // Комс. правда. – 2011. – 15 нояб.
8. Белов В. В. Теоретико-политологический анализ становления бизнес-элит в современной России : автореф. дис. ... канд. политол. наук / В. Белов. – М., 2009. – 28 с.

9. Братский городской архив (БГА). Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 1470. Л. 9.
10. Братский городской архив (БГА). Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 1471. Л. 1.
11. Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... / Ф. Бурлацкий. – М. : Политиздат, 1990. – 384 с.
12. Волков Н. Виктор Боровский: «В доверии людей черпаю силы» (Интервью с В. М. Боровским) // Вост.-Сиб. правда. – 2001. – 8 сент.
13. Волосов Е. Н. Региональная политическая элита Сибири (опыт статистического анализа) // Вестн. Евразии. – 2003. – № 1. – С. 138–155.
14. Гордеева О. Как иркутские заводы превращались в рынки // Пятница. – 2005. – 30 сент.
15. Горячев М. Красный директор меняет цвет // Моск. новости. – 1992. – № 4. – С. 40.
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 1569. Оп. 2. Д. 1566. Л. 2–5.
17. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 1569. Оп. 4. Д. 3. Л. 51.
18. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 128. Д. 130. Л. 133–134.
19. Еловский Д. Топ-проект Игоря Гринберга // Вост.-Сиб. правда. – 2006. – 29 дек.
20. Ефимкин М. М. Формирование индустриальной базы на Востоке России в XX столетии: необходимость и закономерность // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2009. – Вып. 1. – С. 68.
21. Закон о кооперации в СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-ХІ // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
22. Иванов Н. Руководителю БрАЗа нашли работу / Н. Иванов, Р. Жук // Коммерсант. – 2000. – 30 мая.
23. Климова Э. Л. Дело законно, но точка не поставлена // Вост.-Сиб. правда. – 1997. – 12 апр.
24. Концерн, консорциум, ассоциация (Редакционная) // Экономика и жизнь. – 1990. – № 1. – С. 9.
25. Крыштановская О. В. Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // Социол. исслед. – 2002. – № 8. – С. 17–21.
26. Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Обществ. науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 51–59.
27. Крыштановская О. В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социол. исслед. – 2003. – № 11. – С. 11.
28. Монахов В. В. Развод по-братски // Вост.-Сиб. правда. – 1990. – 5 сент.
29. Мордасов А. А. Новое позиционирование бизнес-элиты в политическом процессе современной России : дис. ... канд. политол. наук / А. Мордасов. – М., 2005. – 172 с.
30. Мохов В. П. Проблемы анализа российских региональных элит в переходный период: к вопросу о методологических основаниях [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.elis.pstu.ru/mokh3.htm>.
31. Мухин А. А. Бизнес-элита и государственная власть: Кто владеет Россией на рубеже веков / А. Мухин. – М. : Гном и Д, 2001. – 208 с.

32. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде // Экон. газ. – 1989. – № 49. – С. 14–15.
33. Подсчитано по материалам сайта «irk.gov.ru».
34. Показатели деятельности кооперативов на 1.01.1990 г. // Экономика и жизнь. – 1990. – № 12. – С. 5.
35. Смолянин И. Т. Сибирь глазами сибиряка. Рассказы о больших стройках / И. Т. Смолянин. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2004. – 200 с.
36. Солоненко С. Мэр на нарах // Пятница. – 2009. – 31 мая.
37. Третьяков В. Г. Рулевые ВСЖД : документально-биографические очерки к 70-летию образования Управления Восточно-Сибирской железной дороги (1934–2004 г.) / В. Г. Третьяков. – Иркутск : Облмашинформ, 2004. – 432 с.
38. Усть-Илимский городской архив (УИГА). Ф. Р-62. Оп.1. Д. 378. Л.163.
39. Федоров Л. Иркутское бытие Саши Хинштейна: решала или шестерка? [Электронный ресурс]. – URL: // <http://newsbabr.com/?IDE=113453> (дата обращения: 10.04. 2013 г.)
40. Фомина Л. Без срока давности // Конкурент – Вост-Сиб. правда. – 2009. – 27 июля.
41. Черняев И. Завод не хомут, а золотое ожерелье [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aemz.biz/news-archive/items/aemz-homut.html> (дата обращения 6 марта 2011 г.).

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

§ 1. Вузы Иркутской области в условиях трансформации государства и общества

1990-е годы явились тяжелым испытанием для российского высшего профессионального образования, в том числе для вузов Иркутской области. Резкое сокращение бюджетного финансирования привело к «замораживанию» проектов расширения и укрепления материальной базы вузов, сокращениям профессорско-преподавательского состава, несвоевременным выплатам заработной платы. В первой половине 1990-х гг. высшая школа находилась на грани выживания. В определенной степени выходом из ситуации стала коммерциализация высшего образования. В эти же годы в городах Сибири, как и по всей стране, стали стремительно создаваться филиалы центральных, прежде всего московских и петербургских, вузов. В состав многих вузов стали включаться средние специальные учебные заведения, в том числе техникумы, большинство из которых преобразовались в колледжи. К концу 1990-х гг. ситуация с финансированием высшей школы в стране в целом несколько улучшилась, замедлился начавшийся ранее отток преподавателей из вузов в коммерческие организации и на государственную службу.

В 1990-е гг. происходило изменение статуса, преобразование бывших педагогических, общетехнических, медицинских и других вузов в университеты. Университеты были открыты в административных центрах субъектов РФ в Сибири: Улан-Удэ, Кызыле, Горно-Алтайске и др. В Иркутске статус университетов приобрели бывший политехнический институт (технический университет), институт народного хозяйства (Байкальский университет экономики и права), педагогический институт (педагогический университет), медицинский институт (медицинский университет), педагогический институт иностранных языков (лингвисти-

ческий университет). Сельскохозяйственный институт был преобразован в сельскохозяйственную академию.

В начале 1990-х гг. прошла переаттестация вузов; некоторые из них значительно повысили свой статус. Иркутский государственный университет по результатам аттестации 1992 г. получил 38-е место в рейтинге ЮНЕСКО среди 74 ведущих университетов мира [15, 1992, 30 сент.]. В целом за 1990-е гг. университет, который стали неофициально называть классическим, претерпел существенные изменения, вызванные потребностями времени. Совершенствовалась структура подготовки специалистов: значительно расширилась гуманитарная направленность учебного процесса, увеличилась доля подготовки специалистов в области права, экономики, управления, социальной и психологической сфер деятельности. Повысился уровень профессиональной и общекультурной подготовки с использованием современных технологий обучения. По итогам 1993 г. из 40 университетов Российской Федерации Иркутский государственный университет занял 11-е место [15, 1994, 15 апр.].

В 1993 г. статус технического университета был присвоен Иркутскому политехническому институту [3, 1993, 27 нояб.]. В этом же году на основе объединения нескольких образовательных структур была создана Иркутская высшая школа МВД РФ (впоследствии Восточно-Сибирский институт МВД России) [3, 1993, 30 нояб.]. В декабре 1993 г. Иркутскому институту народного хозяйства был присвоен статус государственной экономической академии [3, 1993, 18 дек.]. За сравнительно короткий период этот вуз превратился в один из ведущих вузов страны. Из региональных экономических вузов ИГЭА по рейтингам шла сразу же за московскими и петербургскими. В настоящее время это – Байкальский государственный университет экономики и права.

В марте 1995 г. Иркутский медицинский институт был переименован в государственный медицинский университет. Изменение статуса было результатом признания заслуг: за 80 лет существования этого медицинского учебно-научного центра Восточной Сибири в его стенах было подготовлено более 30 тыс. врачей и провизоров. В начале 2000-х гг. Иркутский медицинский университет занимал 10-е место среди медицинских вузов России, в нем реализовался университетский принцип образования, преду-

сма­три­ва­ю­щий не­прерыв­ную гу­манитар­ную под­го­тов­ку в те­че­ние все­го пе­ри­о­да об­уче­ния. В со­от­вет­ствии с при­казом Ми­ни­стер­ства об­ра­зо­ва­ния и на­уки РФ от 23 де­каб­ря 1996 г. «О пе­ре­име­но­ва­нии пе­да­го­гиче­ских ин­сти­ту­тов» Ир­кут­ский го­су­дар­ствен­ный пе­да­го­гиче­ский ин­сти­ту­т ино­стран­ных язы­ков стал име­но­вать­ся Ир­кут­ским го­су­дар­ствен­ным лин­г­вистиче­ским уни­вер­си­тетом [11, с. 170].

В се­ре­дине 1990-х гг. выс­шая шко­ла Ир­кут­ска была пред­став­лена сле­ду­ю­щи­ми го­су­дар­ствен­ны­ми учеб­ны­ми за­ве­де­ния­ми: тех­ни­че­ский уни­вер­си­тет, пе­да­го­гиче­ский уни­вер­си­тет, го­су­дар­ствен­ный клас­сиче­ский уни­вер­си­тет, э­ко­но­миче­ская ака­де­мия, ин­сти­ту­т ин­же­не­ров же­лез­но­до­рож­но­го транс­пор­та, сель­ско­хо­зяй­ствен­ная ака­де­мия, ме­ди­цин­ский уни­вер­си­тет, лин­г­вистиче­ский уни­вер­си­тет, Ир­кут­ский фи­ли­ал Мос­ков­ско­го ком­мер­че­ско­го уни­вер­си­те­та, Вос­точ­но-Си­бир­ский ин­сти­ту­т МВД РФ, воен­ный ави­а­ци­он­ный ин­сти­ту­т. В кон­це 1990-х гг. в Ир­кут­ске были об­ра­зо­ва­ны фи­ли­алы Юри­диче­ско­го ин­сти­ту­та Ге­нераль­ной про­ку­ра­ту­ры РФ и Пра­во­вой ака­де­мии РФ. В г. Брат­ске Ир­кут­ской об­ла­сти ин­ду­стри­аль­ный ин­сти­ту­т был пре­об­ра­зо­ван в го­су­дар­ствен­ный тех­ни­че­ский уни­вер­си­тет, а за­тем – в го­су­дар­ствен­ный уни­вер­си­тет.

В 1990-е – на­чале 2000-х гг. во всех си­бир­ских го­ро­дах, в ко­то­рых су­ще­ство­ва­ла выс­шая шко­ла, ста­ли воз­никать не­го­су­дар­ствен­ные выс­шие учеб­ные за­ве­де­ния. Толь­ко в од­ном Ир­кут­ске на ру­бе­же ве­ков функ­ци­о­ни­ро­ва­ли Бай­кало-Ан­гар­ский не­го­су­дар­ствен­ный э­ко­ло­го-пра­во­вой ин­сти­ту­т, Си­бир­ский ин­сти­ту­т пра­ва, э­ко­но­ми­ки и управ­ле­ния (в­по­след­ствии – ака­де­мия), Рос­сий­ская ме­ж­ду­на­род­ная ака­де­мия ту­ризма, Со­вре­мен­ный гу­манитар­ный ин­сти­ту­т, Рус­ско-Ази­ат­ский ин­сти­ту­т биз­не­са и пра­ва и др. [1, с. 159]. Про­дол­жа­ло рас­ши­рять­ся об­уче­ние на плат­ной ос­но­ве в го­су­дар­ствен­ных ву­зах. На­при­мер, в Ир­кут­ском го­су­дар­ствен­ном уни­вер­си­те­те в 2008 г. на плат­ной ос­но­ве об­уча­лось 58 % сту­ден­тов, а на бюд­жет­ной – 42 % [16, с. 11].

Ди­на­ми­ка чис­ла выс­ших учеб­ных за­ве­де­ний и чис­лен­но­сти сту­ден­тов за 1990-е гг. по Ир­кут­ской об­ла­сти вы­гля­де­ла сле­ду­ю­щим об­ра­зом. В 1991/92 учеб­ном го­ду – 10 ву­зов, в ко­то­рых об­уча­лось 58 319 сту­ден­тов, из них на днев­ной фор­ме об­уче­ния – 34 616, на вечер­ней – 2 589, на заоч­ной – 21 114. В се­ре­дине

1990-х гг. (1995/96 учебный год) число вузов не изменилось, но численность студентов несколько уменьшилась – 53 794, из них на дневной форме обучения – 33 534, на вечерней – 1 539, на заочной – 18 721. В начале 2000-х гг. (2000/01 учебный год) число вузов увеличилось до 11, при этом резко возросла численность студентов. Их стало 82 878, из них на дневной форме – 48 421, на вечерней – 1 848 и на заочной – 32 608 и один – экстернат [4, с. 30]. Таким образом, 1990-е гг. показали резкое увеличение численности студентов (более чем на 70 %), причем на дневной (на 71 %) и заочной (65 %) формах обучения.

Что же было характерно для развития высшего образования в Иркутской области в 1990-е гг.? С какими результатами высшая школа региона вступала в новое тысячелетие? Отметим, что все вузы страны оказались в принципиально иных политических, экономических и финансовых условиях развития. Другими стали общие оценки деятельности вузов. Устоявшиеся традиционные показатели, такие как: общее количество учебных заведений; число и группы учебных заведений по их типам; количество студентов по специальностям; показатели приема и выпуска; количество студентов в пересчете на 10 тыс. чел.; качественный состав преподавателей и др. дополнялись новыми, соответствующими современным реалиям требованиями. Такими показателями явились: соотношение обучающихся на бюджетной и коммерческой основе; материально-техническая обеспеченность вузов, прежде всего новейшими техническими средствами (наличие компьютерных классов); количество президентских и губернаторских стипендий в каждом вузе и др.

Ярко выраженная общероссийская тенденция 1990-х гг. – сокращение количества средних специальных учебных заведений и возрастание количества вузов. В Российской Федерации в 1999/2000 учебном году по сравнению с 1990/91 учебным годом их сократилось с 2 603 до 2 576. Количество государственных вузов возрастало практически ежегодно и составило 590 учреждений, а негосударственных – 349.

В Иркутской области на начало 1999/2000 учебного года было 11 государственных и 10 негосударственных вузов, включая филиалы. Соответственно возрастало и количество студентов: в 2000 г. в 11 государственных вузах области обучалось 82,9 тыс.

чел. Это было более чем в 1,5 раза выше, чем в 1992 г. В расчете на 10 тыс. чел. в 2000 г. в области приходилось 303 студента, включая студентов негосударственных вузов (в 1992 г. – 197). Для сравнения: по России в 2000 г. – 280 чел. По этому показателю Иркутскую область можно было отнести к группе развитых стран.

Кардинально увеличилась численность студентов государственных вузов, обучающихся на коммерческой основе. Если в 1992/93 учебном году их доля составляла всего 4 %, то в 2000/01 учебном году возросла до 36 %. Это были прежде всего студенты, обучающиеся по экономическим, юридическим и психологическим специальностям.

В 1992 г. негосударственных вузов в области не было, а в 2000 г. самостоятельных негосударственных вузов (исключая филиалы) стало 3, в них обучалось 4,2 тыс. студентов. Это составило всего 5 % от общей численности студентов области. Кроме того, в область активно вторгались филиалы центральных негосударственных вузов, которые арендовали помещения в Иркутске, Братске, Ангарске и Саянске [9, с. 25–26, 28].

В последнее десятилетие XX в. в Иркутской области, так же как и в целом в стране, значительно изменилась структура подготовки специалистов. Общее соотношение студентов, обучающихся по инженерно-экономическим, сельскохозяйственным и медицинским специальностям, по отношению ко всем специальностям уменьшилось. Вместе с тем численность студентов государственных и негосударственных вузов, изучающих психологию, увеличилась в 17 раз, юриспруденцию – в 4 раза, экономику и управление – более чем в 4 раза, финансы и кредит – в 2 раза. А например, количество студентов, обучающихся медицинским специальностям, сократилось на 19 %.

В 1990-е гг. – начало XXI в. одной из актуальных задач было сохранение и укрепление материальной базы вузов. Ситуация здесь выглядела крайне противоречиво. В 1990-е гг. в некоторых вузах материальная база не развивалась, а имеющаяся приходила в упадок.

На начало 2000/01 учебного года общая площадь государственных высших учебных заведений составляла 743,6 тыс. кв. м, в том числе площадь учебно-лабораторных зданий составляла 432,7 тыс. кв. м. К имеющимся площадям вузы области дополнительно арендовали 33,2 тыс. кв. м. В результате на одного сту-

дента приходилось 8,1 кв. м. Это составляло всего лишь 45 % от установленного норматива. Ниже средней обеспеченности учебные площади составляли в Иркутском государственном университете – 7,2 кв. м, в лингвистическом университете – 6,1 кв. м и в Иркутской государственной экономической академии – 5,3 кв. м. А в негосударственных вузах этот показатель был еще ниже: 5,1 кв. м. В результате негосударственные вузы арендовали 77,5 % учебных площадей [9, с. 27].

В первое десятилетие XXI в. ситуация стала улучшаться. Значительное укрепление материальной базы произошло в Байкальском государственном университете экономики и права. Только за 2005–2009 гг. в этом вузе было введено в эксплуатацию 4 учебных корпуса, новые помещения Научной библиотеки, Центр коллективного пользования телекоммуникационными и мультимедийными технологиями, Центр коллективного пользования компьютерными сетями с высокоскоростным выходом в Интернет. Существенно увеличился парк компьютеров, объединенных в локальные сети, функционировало 34 инновационных бизнес-инкубаторов, в которых ученые имели возможность осуществлять научно-исследовательскую работу, а студенты – формировать профессиональные знания и умения.

О том, насколько это было непросто сделать, свидетельствует тот факт, что инвестиции, направляемые вузом на развитие материально-технической базы, облагались 20%-ным налогом. Государство практически не имело возможности самостоятельно развивать материально-техническую базу государственных научных и образовательных учреждений и одновременно облагало собственные инвестиции вузов кабальным налогом [24, с. 42–43]. Кроме этого, значительно улучшилась и материальная база филиалов БГУЭП, в которых обучалось более 7 тыс. студентов. В Читинском филиале БГУЭП был построен современный спорткомплекс. В Якутске было принято в эксплуатацию одно здание, а другое заложено под строительство. Университет приобрел здания и переоборудовал их под учебный процесс в Братске и Усть-Илимске [18, с. 11].

Значительно улучшилась материальная база Иркутского института инженеров железнодорожного транспорта (Иркутского государственного университета путей сообщения). В конце 1980-х гг.

вуз располагался в типовом помещении, в стесненных условиях. Несколько учебных групп вынуждены были заниматься в сырых подвальных помещениях, лишенных вентиляции. Ректор института Л. П. Сурков обратился с просьбой к министру путей сообщения РФ Г. М. Фадееву. В 1992 г. коллегия министерства приняла решение об укреплении материальной базы института и строительстве новых учебных корпусов. Строительство проводилось в 1990-е гг., когда в стране была разрушена привычная экономическая система, а цивилизованные рыночные отношения еще не установились. Ректорату института приходилось создавать новую материальную базу, преодолевая огромные препятствия, даже используя бартерные схемы, бороться с бюрократизмом и волокитой. Иногда приходилось действовать на свой страх и риск. Например, на участке, отведенном под строительство, не хватило места для размещения одного из новых корпусов. Для строительства не оставалось выхода, кроме разрушения части здания бывшей школы. Конечно, никто в министерстве такие действия не одобрил бы, поэтому персональную ответственность взял на себя ректор, а за это можно было поплатиться своей должностью.

Строительство происходило на глазах у студентов и преподавателей. В 1997 г. в эксплуатацию был введен первый учебный корпус. Всего же строительство заняло более 10 лет. Огромную помощь в строительстве оказали Министерство путей сообщения и Управление Восточно-Сибирской железной дороги (начальник Г. П. Комаров) [29, с. 33, 48]. В настоящее время университетский комплекс ИрГУПС является архитектурным украшением областного центра.

Увеличение количества государственных и негосударственных вузов в 1990-е гг. привело и к увеличению количества преподавателей. Если численность и доля лиц, имеющих ученую степень кандидата наук, в государственных вузах за это десятилетие изменилась мало: с 2 013 чел. (44 %) в 1992 г. до 2 023 (45 %), то количество докторов наук возросло более чем в два раза, что составило соответственно 3,7 % и 7,7 %. Однако почти половина (46 %) профессоров в составе кафедр были лица в возрасте более 60 лет. В негосударственных вузах доля лиц, имеющих ученые степени доктора или кандидата наук, была выше, чем в государственных. Так, в 2000 г. в них работало, чаще на совме-

щенной основе, 12 % докторов наук и 53 % кандидатов наук. Это объяснялось тем, что руководство негосударственных высших учебных заведений активно приглашало для обеспечения учебного процесса лиц, имеющих ученые степени, из государственных вузов. А количество лиц – обладателей ученых степеней, было одним из необходимых условий аттестации и аккредитации негосударственных учебных заведений.

Как следствие роста и усложнения структуры вузов, существенно увеличилась нагрузка преподавателей. Если в 1992 г. в среднем на одного преподавателя государственных вузов приходилось 11 студентов, то в 2000 г. уже 16. В негосударственных вузах нагрузка была меньшей: на одного преподавателя приходилось 10 студентов [9, с. 27].

Резкое возрастание количества студентов, отсутствие обязательного распределения, как в советское время, актуализировало проблему трудоустройства выпускников вузов страны. Иркутская область не явилась исключением. В 2000 г. самый высокий процент трудоустройства составлял у выпускников Иркутского государственного университета путей сообщения – 96 %. Далее места распределялись следующим образом: медицинский университет – 87 %, сельскохозяйственная академия – 75 %, технический университет – 66 %, экономическая академия – 57 %, педагогический университет – 53 %. Замыкал этот ряд государственный университет: согласно данным, трудоустроиться смогли только 25 % выпускников этого вуза [9, с. 28].

Общей тенденцией развития высшего профессионального образования в стране стала коммерциализация обучения. В условиях резкого сокращения федерального бюджетного финансирования вузы Иркутской области стали расширять перечень образовательных услуг с полным возмещением затрат. Например, уже в январе 1992 г. в педагогическом институте иностранных языков был создан коммерческий отдел; позднее был создан центр по изучению русского языка как иностранного с целью привлечения российских и иностранных граждан для изучения русского и иностранных языков на договорной основе. Это позволило только в 1992 г. пополнить бюджет института на 14,8 млн руб. [11, с. 72].

Необходимо отметить и положительные тенденции в развитии высшей школы в 1990-е гг. Это относится к гуманитаризации

высшего технического образования, в первую очередь в крупных вузах. Наглядно это проявилось в Иркутском государственном техническом университете. Распад Союза ССР, крушение коммунистической идеологии поставили новые задачи перед гуманитарным образованием. Ректорат вуза (ректор – профессор С. В. Леонов) делал все для того, чтобы повышение статуса политехнического института до технического университета сопровождалось увеличением и усилением гуманитарной составляющей в обучении.

В 1990-е гг. в техническом университете был создан цикл гуманитарных наук, который объединял первоначально 5 социально-гуманитарных кафедр. Изменялось содержание прежде преподаваемых дисциплин (история, философия, экономическая теория), появились новые учебные дисциплины (социология, политология, культурология). К концу 1990-х гг. студенты технического университета изучали 9 обязательных гуманитарных наук. Кроме этого, студентам было предоставлено право изучения элективных (свободных) тем по истории, философии и экономической теории. Например: «История инженерного образования в России», «История развития техники», «История российского менталитета» и др. Успешно внедрялась рейтинговая система контроля знаний студентов. Преподаватели кафедр стали использовать компьютерное тестирование, был создан мультимедийный учебник по истории России. Существенно омолодился кадровый состав социально-гуманитарных кафедр.

К сожалению, в дальнейшем многие позиции гуманитаризации высшего технического образования были утеряны. В начале XXI в. в техническом университете был ликвидирован гуманитарный центр, количество кафедр сократилось до трех, к тому же они были распределены по факультетам. А это привело к утрате горизонтальных связей, потере преемственности в изучении гуманитарных наук. Перестали созываться методологические конференции по гуманитарному образованию. Резко сократилось количество элективных курсов, постоянно уменьшается объем часов на изучение предметов гуманитарного цикла [19, с. 390–393].

На рубеже XX–XXI вв. в развитии отечественного высшего профессионального образования действовали как положительные, так и отрицательные тенденции. К положительным можно отнести:

- возрастание востребованности высшего образования среди различных слоев населения;
- рост потребностей в молодых квалифицированных кадрах в производственных и непроизводственных сферах;
- повышение требований к качеству подготовки выпускников вузов со стороны потенциальных работодателей;
- постепенная модернизация системы высшего образования, включающая внедрение новых информационных и наукоемких технологий.

Наряду с этим действовали и неблагоприятные факторы:

- снижение в обществе социального статуса профессорско-преподавательских кадров в отличие, например, от статуса банковских работников или представителей бизнес-структур;
- снижение оплаты преподавателям высшей школы в сравнении с представителями других сфер деятельности;
- снижение побудительных мотивов в совершенствовании качества своего труда.

В 1990-е – начало 2000-х гг. вузы Иркутской области осуществляли подготовку как по традиционным специальностям и направлениям, так и по новым, востребованным сегодняшними реалиями. В Иркутском государственном университете, например, продолжалось обучение по таким специальностям, как математика, прикладная математика, физика, радиофизика и электроника, химия, география, метеорология, гидрология, геология, геологическая съемка, геология нефти и газа, биология, почвоведение, физиология, филология, журналистика, история, юриспруденция. По этим направлениям, преподавание по которым проводилось десятки лет, сложились авторитетные научные школы. Но активно развивались такие направления и специальности, как менеджмент организации, стратегическое управление компанией, математическое обеспечение и администрирование информационных систем, математические методы в экономике, социальная работа, социология, регионоведение, социальный менеджмент, коммерция, товароведение и экспертиза товаров, маркетинг, экология, природопользование, международные отношения, политология, религиоведение, связи с общественностью, социально-культурный сервис и туризм, реклама и др. Всего же в конце первого десятилетия XXI в. Иркутский университет в соответствии с действующей

щей лицензией имел право ведения образовательной деятельности по 26 направлениям и 42 специальностям, магистерской подготовки – по 17 направлениям; послевузовского профессионального образования (аспирантура) – по 51 специальности; дополнительного профессионального образования; повышения квалификации руководящих работников по профилю вуза на базе высшего профессионального образования; подготовки к поступлению в вуз.

В рамках реализации основных направлений Болонского процесса ИГУ осуществлял постепенный переход на многоуровневую систему высшего образования. С 1994 г. началась подготовка бакалавров по направлению «Лингвистика», с 2002 г. – по направлениям «Геология», «Экономика», «Коммерция», с 2005 г. – по направлению «Химия». Подготовка магистров стала осуществляться в ИГУ с 2002 г. Первым направлением магистерской подготовки стала «Геология» с 2002 г., затем «Радиофизика» (с 2003 г.), «Лингвистика» (с 2005 г.), «Химия» (с 2006 г.), «Коммерция», «Физика», «Электроника и микроэлектроника» (с 2007 г.) [27, с. 12–13].

В середине первого десятилетия XXI в. Иркутский государственный технический университет осуществлял подготовку по 82 специальностям технического, экономического, гуманитарного и художественного направлений. Прием в аспирантуру проводился по 42 специальностям технического, экономического и гуманитарного направлений, а в докторантуру – по 12 специальностям горного, геологического, металлургического и экономического профиля. Дополнительное образование, повышение квалификации и профессиональную подготовку проводил Межотраслевой региональный центр повышения квалификации и переподготовки специалистов (МРЦПК) по международным, федеральным и региональным программам. В состав МРЦПК входили: факультет повышения квалификации преподавателей (ФПК), институт дополнительного образования и сибирско-немецкий инженерный факультет. На ФПК ежегодно проходили повышение квалификации около 250 преподавателей ИрГТУ и других вузов по четырем направлениям: овладение новыми информационными технологиями в обучении; освоение вычислительной техники; изучение иностранных языков; менеджмент. В институте дополнительного образования проводилась работа по 41 направлению в

рамках оказания образовательных, консультационных и других услуг [14, с. 3].

Максимально приближенным к практике было поставлено обучение в Иркутском институте железнодорожного транспорта/Иркутском государственном университете путей сообщения. В середине 1990-х гг. подготовка более 5 тыс. студентов осуществлялась по семи специальностям: экономика и управление на железнодорожном транспорте; электроснабжение железнодорожного транспорта; локомотивы; вагоны; организация перевозок и управление на железнодорожном транспорте; автоматика, телемеханика и связь на железнодорожном транспорте; строительство железных дорог, путь и путевое хозяйство. Для подготовки к будущим специальностям был создан специальный центр, в котором отрабатывались все необходимые навыки. Весь процесс ремонта подвижного состава изучался в реальных условиях в учебном мини-депо. В вузе действовал круглогодичный студенческий отряд, в котором студенты работали помощниками машинистов; действовал отряд по ремонту железнодорожных путей, а также отряд проводников [7, с. 20; 29, с. 15]. Таким образом, будущие железнодорожники получали навыки эксплуатации материального парка, приобретали коммуникативные качества, необходимые в будущей деятельности.

Современные методы преподавания были использованы и в Восточно-Сибирском филиале Российской академии правосудия. Филиал был открыт в 2000 г., а в 2005 г. был осуществлен первый выпуск специалистов по заочной форме обучения и в 2008 г. – по дневной форме. Успешно работал факультет повышения квалификации филиала, в котором обучались федеральные судьи, работники федеральных судов общей юрисдикции, мировые судьи и работники аппарата мировых судей, служащие арбитражных судов Российской Федерации. Всего за первые восемь лет функционирования филиала свидетельства о повышении квалификации получили в общей сложности около 3 500 чел. На факультете повышения квалификации помимо привычных лекций и семинарских занятий проводились выездные практические занятия на базе Кировского районного суда г. Иркутска и Арбитражного суда Иркутской области. Проводились круглые столы на темы: «Особенности административного судопроизводства», «Органи-

зация прохождения гражданской службы», «Организация архива на судебном участке» и др. Занятия проводили не только штатные преподаватели филиала, но и приглашенные судьи Иркутского областного суда, районных судов г. Иркутска, Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа, Иркутского областного арбитражного суда, государственные служащие Управления Судебного департамента по Иркутской области [23, с. 8–9]. Такой усиленный преподавательский состав позволял на высоком профессиональном уровне проводить деловые игры по гражданским, уголовным и административным делам с учетом их подсудности.

Сложные условия, в которых оказалась российская высшая школа в 1990-е гг., отрицательно сказались и на развитии вузовских научных исследований. В связи с общим улучшением положения в высшем образовании в 2000-е гг. положительные явления происходили и в развитии научно-исследовательской работы. Усилились и требования ВАК к качеству диссертаций. В 2008 г. была проведена работа по пересмотру сети диссертационных советов. Была прекращена практика открытия разовых диссоветов, ликвидированы резервные советы, была запущена, пока только в пилотном режиме, система «Антиплагиат». В результате проведенных мероприятий количество кандидатских диссертационных советов в стране сократилось в 15 раз.

В отмеченный период значительно активизировалась научно-исследовательская работа в ИГЭА/БГУЭП. В конце 1980-х гг. в составе вуза было открыто 5 диссертационных советов по защите кандидатских диссертаций по экономическим специальностям. В 2005 г. в БГУЭП успешно функционировали два докторских и четыре кандидатских диссертационных совета по 13 научным специальностям. За 1990–2005 гг. значительно увеличилась численность аспирантов и соискателей и составила 882 чел. С 1986 по 2005 г. было защищено 486 кандидатских диссертаций и 71 докторская. Число докторов наук в этом вузе возросло с 12 чел. в 1990 г. до 81 в 2005 г.

В 1994 г. ИГЭА по заказу губернатора Иркутской области как головная научная организация разработала Концепцию развития производительных сил области в условиях перехода на рыночные отношения. В 1995 г. выполнялась региональная межву-

зовская научно-техническая программа «Развитие производительных сил Предбайкальского региона».

С 2000 г. в БГУЭП формировались целевые комплексные программы научных исследований, направленных на координацию деятельности научных сил БГУЭП, повышение эффективности и качества хозяйственных и госбюджетных НИР. В 2000 г. университет в числе 20 ведущих вузов страны выиграл крупный международный грант Национального фонда подготовки кадров (НФПК). Это позволило создать совместимые с вузами Европы и США учебные программы. НФПК позволил пройти стажировку в университетах Западной Европы около 40 % профессорско-преподавательского состава.

В 2002 г. коллектив БГУЭП как головная организация в сотрудничестве с НИИ СО РАН, ВСНЦ СО РАМН разработал первые в стране среднесрочные (2002–2005) программы социально-экономического развития Иркутской и Читинской областей. Всего с 1986 по 2005 г. университет выполнил 586 научно-исследовательских тем, из которых 93 % являлись хозяйственными. В числе фундаментальных работ были выполнены такие, как: «Теоретическое исследование трансформации экономики субъектов РФ», «Проблемы формирования и накопления человеческого капитала», «Развитие межбюджетных отношений на субфедеральном уровне», «Формирование управления финансовой устойчивостью субъектов Федерации в условиях становления бюджетного федерализма» и др. [25, с. 18–19].

В 2008 г. в вузах Иркутской области действовало 25 диссертационных советов. Из них наибольшее количество было в Байкальском государственном университете экономики и права (6), далее – в Иркутском государственном университете и Иркутском государственном техническом университете (в каждом по 5), в Братском государственном университете (3), в Иркутском государственном медицинском университете и в Иркутском государственном университете путей сообщения (2 в каждом) и по одному совету в Иркутском государственном педагогическом университете и в Иркутском государственном лингвистическом университете.

Программные разработки выполнялись на основе координации научных исследований с институтами Иркутского научного центра СО РАН, Российской академии медицинских наук и дру-

гих научных организаций области. При этом, к сожалению, в бюджете Иркутской области до минимума была сведена строка по научным заказам, разработке программы социально-экономического развития региона. Происходило почти полное отторжение от научных исследований крупных вертикально интегрированных корпораций, работающих на территории Иркутской области. Корпорации не финансировали крупные научно-технологические разработки, не проводили тендеры, т. е. не использовали значительный потенциал вузовской науки [24, с. 39, 41–42].

Одной из тенденций развития высшего образования в 1990–2000-е гг. в Сибири, как и в стране в целом, явилось расширение международных связей, выразившихся в установлении постоянных контактов с зарубежными вузами-партнерами. Сибирские вузы сотрудничали с университетами КНР, Республики Корея, Монголии, Германии, Франции, Голландии, США, Японии, Польши и других стран. Сотрудничество выражалось в работе над совместными проектами, участии в международных конференциях и семинарах, научных и языковых стажировках, совместном написании учебников и учебных пособий и совместных научных публикациях.

Широкие международные связи имел Иркутский государственный институт иностранных языков/Иркутский государственный лингвистический университет. Еще в 1990 г. было подписано соглашение между ИГПИИЯ и Университетом Париж-8. К концу 1990-х гг. лингвистический университет сотрудничал уже с 15 зарубежными вузами-партнерами, среди которых Университет Алкола де Энарес (Испания), Университет г. Тьяма (Япония), Педагогический университет г. Далянь (КНР), Университет г. Аньянга (Республика Корея), Педагогический университет г. Ханоя и Центр изучения иностранных языков г. Хайфона (Вьетнам) и др. Кафедра русского языка как иностранного ИГЛУ подготовила телевизионный курс «Так говорят по-русски», который транслировался на весь северо-восточный Китай и занял первое место во Всекитайском конкурсе учебных программ. В лингвистическом университете был создан региональный центр французского языка и культуры, выпускался совместный журнал «Иркутск – Париж» с участием студентов и преподавателей ИГЛУ и Университета Париж-8 [11, с. 97–99].

Успешно развивались международные связи Иркутского государственного технического университета. В 2001 г. при ИрГТУ был создан Региональный центр международного сотрудничества вузов Иркутской области. В 2002 г. в техническом университете был образован сибирско-немецкий инженерный факультет; был подписан договор о кооперации, позволяющий студентам получить два диплома: ИрГТУ и Университетов Касселя и Ганновера. Окончившие этот факультет студенты могли продолжить образование в германских университетах для получения магистерской степени в области машиностроения и архитектуры [14, с. 6].

Иркутский государственный университет в 2013 г. сотрудничал с 61 зарубежными партнерами из Европы, Азии, Северной Америки и Австралии. Например, в реализации ряда образовательных проектов ИГУ сотрудничал с 11 университетами Республики Корея. В рамках образовательного проекта с Корейским фондом (г. Сеул) был создан Центр изучения корейского языка и культуры на базе Международного института экономики и лингвистики ИГУ. Значительно усилилось сотрудничество с вузами КНР: Ляонинским университетом (г. Шэньян), Гуманитарным институтом Северо-Восточного педагогического университета (г. Чанчунь), Чжэнчжоуским университетом, Столичным гуманитарным педагогическим университетом (г. Пекин), Пекинским техническим институтом, Даляньским университетом иностранных языков и др.

Более 20 лет успешно развивается проект ИГУ и Университетского колледжа Мэрилендского университета (США). Эта программа одной из первых в России была аккредитована Комиссией по высшему образованию США и аттестована Министерством общего и профессионального образования РФ. Обучающиеся по программе студенты сибирско-американского факультета менеджмента Байкальской международной бизнес-школы ИГУ по завершении обучения получали два государственных диплома – российский и американский. В 2012 г. ИГУ и Университет им. Кристиана Альбрехта (Германия) заключили договор о присуждении двойного диплома по направлению «Экология и природопользование». Помимо этого университета постоянными европейскими партнерами ИГУ являются: Университет Пассау (Германия), Университет им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша),

Савойский университет (г. Шамбери, Франция), Реннский институт политических исследований (Франция), Швейцарский институт прикладных наук и технологий, Университет Зальцбурга (Австрия) [8, с. 18–19].

В 2003 г. в Сибирском федеральном округе, по официальным данным, функционировало 114 вузов, в которых обучалось более 820 тыс. студентов. Удельный вес СФО по количеству вузов составил 11,1 % (для сравнения: только в одной Москве – 10,7 %). В Уральском федеральном и Дальневосточном федеральном округах этот показатель соответственно равнялся 7,2 % и 5,8 % [2, с. 361]. Таким образом, вновь, как и на рубеже XIX–XX вв., наблюдается тенденция опережающего развития высшего образования в центре страны по сравнению с восточными окраинами.

Какие изменения, кроме вышеотмеченных, произошли в высшем профессиональном образовании в Иркутской области в первое десятилетие нынешнего века?

С 2000 г. в Иркутске открылся Восточно-Сибирский филиал Российской академии правосудия (ВСФ РАП). Академия была образована в соответствии с Указом Президента РФ от 11 мая 1998 г. и Постановлением Правительства РФ от 28 октября 1999 г. в целях реализации федеральной программы «Развитие судебной системы России». Функции учредителей были возложены на Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ. ВСФ РАП призван обеспечить потребности 7 субъектов Российской Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ, в подготовке специалистов для судебной системы.

В соответствии с решениями учредителей 60 % мест финансируется из федерального бюджета, выделяется для целевого приема в академию по направлениям от Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в рамках целевой контрактной подготовки. Все учебные программы РАП и ее Восточно-Сибирского филиала ориентированы на судебную практику [23, с. 1–2].

К сожалению, в первое десятилетие XXI в. высшая школа Иркутской области лишилась одного из старейших высших военных учебных заведений России. 24 декабря 2008 г. Председатель Правительства РФ В. В. Путин подписал правительственное постановление, в котором содержался пункт о реорганизации и передислокации Иркутского высшего военно-авиационного института в г. Воронеж.

Годом основания института считается 1931 г. Тогда был создано военно-авиационное училище, которое позднее стало полнопрофильным заведением военно-воздушных сил, где были сосредоточены все основные факультеты по подготовке авиационных инженерных кадров. Была создана мощная учебно-лабораторная база, сформирован профессионально подготовленный кадровый преподавательский состав. В 1975 г. училище повысило свой статус, оно стало первым учебным заведением в системе военно-учебных заведений ВВС, переведенных из средних специальных в высшие.

Распад Союза ССР, резкое падение престижа военной службы, стремительное снижение уровня благосостояния офицеров в 1990-е гг. отрицательно сказались на положении ИВВАИУ. Из-за отъездов в бывшие союзные республики и увольнений число ученых института уменьшилось более чем на одну треть. Резко снизился конкурс в военный вуз. Тем не менее в 1992 г. был произведен первый набор курсантов по специальности «Эксплуатация и ремонт авиационного вооружения». Вуз вступил в завершающий этап создания полнопрофильного военно-учебного заведения ВВС в восточных районах страны. Большое внимание уделялось научно-исследовательской работе преподавательского состава и курсантов. Несмотря на сложности, в которых оказались общество и армия в 1990-е гг., Иркутское ВВАИУ с 1995 по 1999 г. занимало 2-3-е места среди вузов ВВС и Министерства обороны РФ по научной работе.

Однако в период печальной памяти «сердюковских реформ», названных так по имени тогдашнего министра обороны РФ А. Сердюкова, Иркутское ВВАИУ, в числе других военных учебных заведений страны, прекратило свое существование. На основании указанного выше правительственного постановления 31 декабря 2008 г. была принята директива МО РФ о начале работ по передислокации училища в Воронеж. Основные работы в спешном порядке были проведены до 12 января 2009 г., после чего 77-летняя история ИВВАИУ закончилась. Для Иркутской области и г. Иркутска это явилось невосполнимой потерей. За годы существования Иркутское ВВАИУ подготовило свыше 65 тыс. авиационных специалистов. Среди выпускников училища 14 Героев Советского Союза и один Герой России, 16 генералов,

десятки докторов и кандидатов наук, руководители инженерно-авиационной службы ВВС. После переезда училища в Воронеж около 80 % преподавательского состава остались в Иркутске [20, с. 281–286; 17, с. 99–102].

В 2009/10 учебном году подготовку специалистов с высшим профессиональным образованием в Иркутской области осуществляли 35 образовательных учреждений, в том числе 11 государственных вузов, 16 филиалов государственных вузов, 4 негосударственных вуза и 4 филиала негосударственных вузов. В этих вузах и филиалах трудилось более 5 тыс. преподавателей. Обучалось более 135 тыс. студентов всех форм обучения, в том числе более 108 тыс. составляли студенты государственных вузов (80 %), более 16 тыс. студентов – филиалов негосударственных вузов (12 %) и более 10 тыс. студентов – негосударственных вузов и филиалов негосударственных вузов (8 %). Подготовка осуществлялась в общей сложности по более 200 специальностям и направлениям.

Среди всех студентов около 60 % обучались на платной основе. Показатель численности студентов на 10 тыс. населения равнялся 541, что превышало общероссийский. Ежегодно вузы области выпускали более 20 тыс. специалистов, в том числе более 11 тыс. специалистов дневной формы обучения, по общетехническим, экономическим, естественно-научным, гуманитарным и иным специальностям. По количеству студентов Иркутская область входила в первую тройку по Сибирскому федеральному округу. Область относится к числу субъектов Российской Федерации, в котором специалисты с высшим образованием составляют значительную часть в общем числе занятого трудоспособного населения в регионе [21, с. 12, 15].

На начало 2010/11 учебного года Иркутская область занимала второе место в Сибирском федеральном округе по совокупному количеству вузов, уступая только Новосибирской области. Это соотношение распространялось и на количество студентов в вузах [10, с. 54].

По-прежнему лидирующие позиции среди высших учебных заведений Иркутской области занимали Иркутский государственный университет, Байкальский государственный университет экономики и права, НИ Иркутский государственный технический

университет. В 2010 г. по результатам отбора ИрГТУ была присвоена категория «Национальный исследовательский университет» на 10 лет. Финансирование из федерального бюджета в течение первых 5 лет выполняется в размере 1 800 млн руб.

В 2008 г. в Иркутском государственном университете преподавали более 900 преподавателей, из них 156 докторов наук, 480 кандидатов наук, 4 действительных члена РАН, 2 члена-корреспондента РАН, иностранные преподаватели из КНР, Республики Корея и США. В 2006 г. ИГУ успешно прошел государственную аттестацию и аккредитацию. В соответствии с действующей лицензией ИГУ предоставлено право ведения образовательной деятельности по 26 направлениям и 42 специальностям [27, с. 12–13].

По комплексному рейтингу, который проводился среди экономических и юридических вузов Российской Федерации в 2007 г., БГУЭП занимал 5-е место. Это очень высокий показатель.

В составе вуза насчитывалось 14 факультетов, на которых осуществлялась подготовка по 32 специальностям. В университете действовало 3 самостоятельных юридических факультета: факультет гражданского и предпринимательского права; судебно-следственный факультет и факультет государственного и международного права.

В 2008 г. в Байкальском государственном университете экономики и права обучалось более 25 тыс. студентов. Университет входил в число 5 % вузов Российской Федерации, которые имели численность студентов более 15 тыс. чел. Кроме того, в БГУЭП обучалось около 600 аспирантов. Такую мощную аспирантуру и сеть советов по защите диссертаций в Сибири имели только Томский государственный университет и Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. Каждый год в БГУЭП защищалось около 70–80 соискателей ученых степеней; это был самый высокий показатель в Иркутской области.

Более трех четвертей преподавателей университета имели ученые степени кандидатов и докторов наук. При этом следует отметить, что «остепененные» преподаватели достаточно молоды. Например, средний возраст доктора наук составлял 44 года (по стране – 65 лет), а кандидата наук – 33–34 года [18, с. 7–9].

В 2010 г. в Байкальском государственном университете экономики и права трудилось свыше 1 тыс. преподавателей, из них

117 докторов наук, профессоров (в 1985 г. таковых было всего 6), 475 кандидатов наук, доцентов. В университете обучалось более 27 тыс. студентов и магистрантов, включая обучающихся в филиалах, расположенных в Братске, Усть-Илимске, Чите и Якутске. В аспирантуре и докторантуре обучалось 700 чел. Работало 6 докторских советов, среди них докторский совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук [22, с. 10].

В 2011 г. ИГУ вошел в число 55 вузов Российской Федерации, ставших победителями конкурса Министерства образования и науки РФ по поддержке программ стратегического развития государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования. В университете был создан уникальный телескоп, установленный в Тункинской долине (Республика Бурятия). По количеству опубликованных научных трудов университет опережал другие вузы области в 2 раза. В ИГУ издавались 4 журнала с грифом ВАК. Около 300 студентов получали оксфордские стипендии, а 6 студентов стали стипендиатами Президента РФ.

Братский государственный университет в 2011 г. победил в конкурсе программы «Формирование единой инновационной среды севера Иркутской области и зоны БАМ». Университет получил финансирование в объеме 8,5 млн руб. сроком на 2 года.

По объемам научно-исследовательской работы среди вузов области в 2011 г. на первом месте шли НИ ИрГТУ и ИрГУПС, а по объемам заказов – НИ ИрГТУ и ИГУ. По объемам научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ лидировали ИГУ и Восточно-Сибирская государственная академия образования (ВСГАО). ИрГТУ, ИрГУПС, БГУЭП выполняли объемы НИОКР по заказу отечественных и зарубежных организаций. В каждом вузе области, кроме ВСИ МВД РФ, имелась аспирантура [28].

В 2013 г. Иркутский государственный университет отметил свое 95-летие. Это – первенец высшего профессионального образования не только в Иркутской области, но и в Восточной Сибири. В составе университета находилось:

- 5 учебных институтов (Байкальская международная бизнес-школа; Юридический институт; Международный институт экономики и лингвистики; Институт математики, экономики и информатики; Институт социальных наук);

- 10 факультетов, в том числе имеющие длительную историю (исторический, филологии и журналистики, физический, химический, биолого-почвенный, географический, геологический), а также новые, возникшие в 1990–2000-е гг.: психологии; бизнеса и менеджмента, сибирско-американского факультета менеджмента (оба входят в состав Байкальской международной бизнес-школы), сервиса и рекламы; религиоведения и теологии. В университете обучалось более 13 тыс. студентов. На 101 кафедре трудилось 770 преподавателей, из которых 160 докторов наук, профессоров, 473 кандидата наук, доцента, 4 действительных члена и члена-корреспондента РАН, 27 действительных членов отраслевых и общественных академий, 4 заслуженных учителя РФ [13, с. 3].

Структурными подразделениями ИГУ также являются: Научная библиотека, созданная в 1919 г., в фондах которой находятся более 3 млн единиц хранения; Астрономическая обсерватория, возникшая в 1931 г.; единственный в регионе Ботанический сад, созданный в 1940 г.; Межрегиональный институт общественных наук (МИОН), образован в 2002 г.; Научно-исследовательский центр (НОУ) «Байкал», образованный в 2006 г. в рамках программы «Развитие научного потенциала высшей школы». При этом ИГУ входит в число 7 российских университетов, имеющих в составе одновременно НОУ и МИОН. Кроме этого, в составе ИГУ функционируют центр повышения квалификации и переподготовки специалистов; территориально-распределительная сеть из 10 учебно-научных станций и полигонов на территории Иркутской области, Республики Бурятия и Монголии, а также инфрокоммуникационная сеть, включающая 30 км оптоволоконна, и радиосеть в Иркутске [26, с. 30–31].

Одной из приоритетных общегосударственных задач настоящего периода является переход на инновационное развитие. Эта задача поставлена перед высшими учебными заведениями страны, является одним из базовых показателей эффективности их функционирования.

Инновационное развитие Иркутского государственного университета получило свое дальнейшее развитие. Университет предоставляет широкий спектр инновационных продуктов: научно-

образовательных, гуманитарных, просветительных, технологических и информационных.

Своеобразной площадкой для инновационного пути развития стал Научно-исследовательский Иркутский государственный технический университет. В 2000 г. был создан Технопарк ИрГТУ, призванный решать самые актуальные научно-технические проблемы промышленных предприятий региона. Каков же путь решения этих проблем? Это создание условий для деятельности малого инновационного предпринимательства, привлечение преподавателей вуза к инновационной деятельности, передача разработок инновационных продуктов предприятиям, создание конкурентоспособных и импортозамещающих технологий, товаров и услуг, а также подготовка кадров.

Уже при создании Технопарк ИрГТУ имел сложную организационную структуру. Он включал инкубатор малого бизнеса; предприятия, приглашенные для сотрудничества; малые предприятия, созданные университетом и предоставляющие информационные, юридические, маркетинговые, бухгалтерские и иные услуги; IT-структуры; региональные инновационные структуры; проблемные лаборатории и другие структуры, создаваемые для решения конкретных задач. В состав Технопарка, таким образом, в 2000 г. входило 10 предприятий наукоемкого бизнеса; 5 IT-структур; 6 проблемных, исследовательских и испытательных лабораторий; 8 учебно-научно-производственных центров; 2 проектных бюро [12, с. 2].

Основой инновационного развития стало решение задачи подготовки специалистов, способных создавать и производить конкурентоспособную и рентабельную продукцию, создавать и осваивать новые технологии. В соответствии с этим совершенствовались учебные планы; при этом учитывались уровень развития науки и техники, требования работодателей, внедрялись новые формы и методы обучения.

В дальнейшем структура Технопарка развивалась. Появились корпоративные учебно-исследовательские центры ОАО «ТНК-ВР» и ОАО «Иркутскэнерго», фирменные лаборатории, созданные ОАО «Бурятзолото», ОАО «Ангарская нефтехимическая компания», ЗАО «Алроса», ОАО «Саянскхимпласт», ОАО «Полиметалл» и др. Преподаватели и сотрудники вуза, НИИ и

промышленных предприятий, а также лучшие студенты обучались в школе инновационного менеджмента, созданной при поддержке областной администрации на базе ИрГТУ.

Развитие всей инновационной деятельности происходило на базе Технопарка, который включал в себя: 16 предприятий наукоемкого бизнеса, 8 региональных инновационных структур, 12 IT-центров, центр управления интеллектуальной собственностью, а также учебно-научные производственные центры и сервисные службы университета. Технопарк ИрГТУ, ставший своеобразной визитной карточкой технического университета, успешно решал следующие задачи: проводил маркетинговые исследования; выполнял научные исследования; осуществлял подготовку кадров для инновационной деятельности; создавал наукоемкие технологии; занимался коммерциализацией наукоемких технологий и результатов инновационной деятельности.

Одной из структур, которые осуществляли создание высоких технологий в ИрГТУ, стал Байкальский центр нанотехнологий (БЦНТ). Центр проводил фундаментальные и прикладные исследования в области нанотехнологий; создавал и внедрял новые технологии для развития экономики Иркутской области и Республики Бурятия; готовил специалистов по направлению нанотехнологии – кадровое сопровождение новых технологий; осуществлял использование уникального лабораторного оборудования. При этом деятельность БЦНТ основывалась на интеграции ИрГТУ с академическими институтами Иркутского научного центра СО РАН и Бурятского научного центра СО РАН, институтами Сибирского отделения РАН, высшими учебными заведениями и предприятиями Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края [5, с. 28–29].

Успешной следует признать реализацию программы инновационного развития БГУЭП. В целях перехода БГУЭП на инновационно-образовательные технологии в 2007 г. был создан межрегиональный инновационно-технологический центр социально-экономического проектирования «Технопарк БГУЭП». В его состав были включены основные образовательные подразделения университета (факультеты и кафедры), на базе которых создали бизнес-инкубаторы, в том числе виртуальные, по формированию компетенции студентов и проведения НИР.

Целевой комплексной программой научных исследований БГУЭП предусмотрено расширение участия ученых вуза в международных научных программах, экономических, юридических и гуманитарных исследованиях и образовательных проектах, участие в решении задач социального, научно-технического и экономического развития субъектов Федерации Сибирского федерального округа.

БГУЭП одним из первых вузов Иркутской области начал подготовку нового, более высокого уровня высшего образования – магистратуры. В рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» БГУЭП впервые в стране с 1 сентября 2006 г. начал реализовывать инновационный научно-образовательный проект по подготовке магистров по направлению «Менеджмент» по программе «Управление человеческими ресурсами» на базе педагогического состава директоров, завучей и учителей школ г. Иркутска. Этот проект соответствовал времени и отвечал требованиям Министерства образования и науки РФ [25, с. 12, 20, 22].

Одной из актуальных проблем современного этапа развития высших учебных заведений является проблема взаимодействия с работодателями и трудоустройства выпускников. В 2007 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предоставления права участвовать в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования». В соответствии с законом взаимодействие вузов и работодателей должно происходить в следующих формах: участие представителей работодателей в разработке и экспертизе федерального государственного образовательного стандарта, особенно в части профессиональных программ и компетенций; рейтингование вузов; прогнозирование потребностей в специалистах; целевая подготовка специалистов; создание корпоративных университетов и программ дополнительного образования; прямая поддержка фирмами вузов в части организации учебного процесса.

Другими формами взаимодействия работодателей с администрациями вузов являлись и являются заключение договоров с предприятиями и другими хозяйствующими субъектами на обучение студентов. Например, в ИГУ в 2008 г. действовало 615 таких

договоров, по которым проходило обучение 643 чел., по программам повышения квалификации – 101 договор (обучалось 207 чел.).

Сотрудники Института социальных наук ИГУ в 2008 г. провели экспертный опрос среди работодателей Иркутской области. Исследование показало следующие результаты. Для работодателей наиболее значимыми явились такие качества выпускников:

- профессиональная компетенция – 15 %;
- дисциплинированность – 12,4 %;
- инициативность и творческое отношение к работе – 11,4 %;
- способность работать в команде – 1,1 %;
- коммуникабельность – 10,7 %;
- способность самостоятельно принимать решения – 8,5 %;
- восприимчивость к инновациям – 7,2 %;
- способность к адаптации к новым условиям – 6,8 %;
- исполнительность и умение подчиняться – 6,5 %;
- уровень общей культуры, способность воспринимать межкультурные различия – 4,6 %.

Однако проведенный опрос выявил и весьма тревожную оценку: по мнению работодателей, выпускникам иркутских вузов не хватало, прежде всего, профессиональных знаний для эффективной работы в их организациях. На это указали 29,3 % экспертов [6, с. 212, 217].

Какие же общие факторы в развитии высшего профессионального образования в Иркутской области являются наиболее характерными для современного периода?

Это возрастание роли и требований работодателей к выпускникам вузов, что влечет усиление практической направленности обучения. Следует отметить, что вузы области хорошо понимают эту тенденцию и адекватно на нее реагируют. Хороший пример подает НИ ИрГТУ, который тесно взаимодействует с такими ведущими предприятиями региона, как «Иркутскэнерго», «ТНК-ВР», «Иркутский авиационный завод», «Нитол», «Саянскхимпласт» и другими по вопросам трудоустройства своих выпускников.

Следующий фактор – это повышенный и не всегда обоснованный спрос абитуриентов на такие специальности и направления подготовки, как юриспруденция, экономика и менеджмент. В результате абитуриенты поступают на эти специальности любой

ценой, даже в те вузы и филиалы, которые не имеют достаточных ресурсов (преподавательских, учебно-методических, материальных баз и др.) для качественной подготовки студентов.

Введение ЕГЭ при всех его положительных и отрицательных сторонах привело к тому, что многие абитуриенты с высокими показателями единого экзамена стали предпочитать более престижные вузы других субъектов Федерации, прежде всего Москвы и С.-Петербурга.

Каковы же возможные решения этих и других проблем? Это открытие новых перспективных направлений подготовки бакалавров и магистров в соответствии с потребностями социально-экономического развития Иркутской области и сопредельных регионов (Республика Бурятия, Забайкальский край и др.). Необходимо создавать университетские комплексы непрерывного образования. Актуальной задачей остается разработка и реализация крупных образовательных проектов федерального значения. В связи с усилением требований работодателей к выпускникам вузов необходимо продолжать работу и находить новые формы взаимодействия вузов и работодателей. Целесообразно реализовывать научно-образовательные технологии передовых стран Запада и Востока, используя для этого все формы международного сотрудничества.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие основные изменения в системе высших учебных заведений Российской Федерации и Иркутской области произошли в 1990-е гг.?
2. Какова динамика количественных показателей высшего профессионального образования в Иркутской области в 1990-е гг.?
3. Какие изменения в структуре подготовки специалистов с высшим образованием произошли в 1990-е гг.?
4. Каким образом происходило развитие материальной базы высшей школы в Иркутской области?
5. Какие изменения характеризовали развитие профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений области?
6. Какие положительные и отрицательные тенденции происходили в развитии высшего образования в РФ и в Иркутской области в первое десятилетие XXI в.?
7. Какие новые методы преподавания в учебном процессе применялись в рассматриваемый период? Каким образом осуществлялась реализация основных направлений Болонского процесса? Приведите примеры.

8. Назовите основные показатели, характеризующие научно-исследовательскую работу высших учебных заведений области.

9. На решение каких задач была направлена международная деятельность вузов области? Приведите примеры плодотворного сотрудничества вузов области с зарубежными партнерами.

10. Какие новые вузы (филиалы) появились и какие вузы Иркутской области прекратили существование в начале XXI в.?

11. Назовите основные показатели, характеризующие деятельность вузов области в конце первого десятилетия XXI в. Приведите примеры.

12. Что включает в себя понятие «инновационное развитие» вузов? Приведите примеры успешного инновационного развития.

13. Каким образом решалась проблема взаимодействия вузов с работодателями и трудоустройства выпускников?

14. Какие факторы в развитии высшего профессионального образования в Иркутской области являются наиболее характерными для современного периода?

Литература

1. Абитуриент 2000. Весенний выпуск. – Иркутск, 2000. – 163 с.
2. Водичев Е. Г. Высшая школа на востоке России / Е. Г. Водичев, Н. П. Коробкова, А. В. Литвинов // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – Т. 1. – С. 355–362.
3. Вост.-Сиб. Правда (газета).
4. Высшие и средние специальные заведения Иркутской области. 2001. – Иркутск, 2002. – 52 с.
5. Головных И. М. Инновационный путь развития ИрГТУ // Инновационный форум-2009 : материалы форума-выставки. – Иркутск, 2009. – С. 28–29.
6. Грабельных Т. И. Новая роль университета в инновационном развитии региона и механизмы взаимодействия с работодателями // Инновационный форум-2009 : материалы форума-выставки. – Иркутск, 2009. – С. 210–283.
7. 25 лет. Иркутский институт инженеров железнодорожного транспорта. Летопись. 1975–2000 гг. – Иркутск : [б. и.], 2000. – 118 с.
8. 95 лет ИГУ. Образование на все времена [буклет]. – Иркутск, 2013.
9. Демина А. Л. Состояние высшего образования в Иркутской области в условиях рыночных отношений // Современные проблемы социально-экономической сферы. – Иркутск, 2002. – С. 25–28.
10. Зуляр Ю. А. Проблемы и тренды российского высшего образования, и их иркутские интерпретации // Иркут. ист.-экон. ежегодник-2013. – Иркутск, 2013. – С. 47–57.
11. Иркутский государственный лингвистический университет : ист. очерк. – Иркутск : ИГЛУ, 1998. – 200 с.
12. Иркутский государственный технический университет – университет инновационного типа. – Иркутск : ИрГТУ, 2001. – 80 с.
13. Иркутский государственный университет. 95 лет. Образование на все времена [буклет]. – Иркутск, 2013.

14. Иркутскому государственному техническому университету – 75 лет! // Современный университет: образование, наука, культура : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2005. – С. 3–9.
15. Иркутский университет (газета).
16. Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований) / Т. И. Грабельных [и др.]. – Иркутск : НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. – 120 с.
17. Лежанкина Ю. К истории ИВВАИУ // Иркутск в истории России : материалы студ. науч.-практ. конф. / гл. ред. В. М. Левченко ; отв. ред. А. М. Курышов. – Иркутск, 2011. – С. ??
18. Малакшанов К. Л. Мы все родом из БГУЭП / К. Л. Малакшанов, И. Н. Щербакова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. – 80 с.
19. Наумов И. В. Гуманитаризация высшего технического образования в Иркутском государственном техническом университете в 1990-е гг. // Иркут. ист.-экон. ежегодник-2008. – Иркутск, 2008. – С. 389–393.
20. Островский Г. А. Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище (ИВВАИУ) (1975–1998 гг.) // Иркут. ист.-экон. ежегодник-2007. – Иркутск, 2007. – С. 281–286.
21. Пашков В. И. Роль научно-образовательного комплекса Иркутской области в социально-экономическом развитии региона // Инновационный форум – 2009 : материалы форума-выставки. – Иркутск, 2009. – С. 11–17.
22. Рачков М. П. С юбилеем, дорогой БГУЭП! / М. П. Рачков, Н. Н. Быкова // Ист.-экон. Ежегодник – 2010. – Иркутск, 2010. – С. 6–11.
23. Российская академия правосудия. Восточно-Сибирский филиал. – Иркутск : [б. и.], 2008. – 16 с.
24. Самаруха В. И. Перспективы развития вузовской науки в регионе // Инновационный форум – 2009 : материалы форума-выставки. – Иркутск, 2009. – С. 39–46.
25. Самаруха В. И. Развитие научно-исследовательской деятельности в БГУЭП : ист. аспект // Иркут. ист.-экон. ежегодник – 2010. – Иркутск, 2010. – С. 11–23.
26. Смирнов А. И. Классический университет как инновационный центр для устойчивого развития Байкальской Сибири / А. И. Смирнов, А. В. Аргучинцев // Инновационный форум – 2009 : материалы форума-выставки. – Иркутск, 2009. – С. 30–33.
27. Смирнов А. И. Прошлое, устремленное в будущее: Иркутский классический... / А. И. Смирнов, В. Н. Казарин, Ю. С. Пархоменко // Alma mater: дыхание века : к 90-летию Иркут. гос. ун-та / ред. и сост. С. И. Гольдфарб ; вступ. ст. А. И. Смирнова, В. Н. Казарина, Ю. С. Пархоменко. – Иркутск, 2008. – С. 11–21.
28. Текущий архив Совета ректоров Иркутской области.
29. Устремленный в будущее. Иркутский государственный университет путей сообщения: 1975–2010. – Иркутск : ИрГУПС, 2010. – 197 с.

§ 2. Развитие Иркутского государственного университета на рубеже веков: новые горизонты научной деятельности и международного сотрудничества*

Распад Советского Союза, как уже было отмечено, негативно повлиял на сложившуюся систему высшего образования. С середины 1980-х гг. на государственном уровне предпринимались попытки реформирования высшей школы, включая приведение ее в соответствие с международными стандартами. Так, в связи со сменой внешнеполитических приоритетов в эпоху «нового политического мышления» генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и как итог окончания холодной войны стали интенсифицироваться связи с университетами стран Запада (прежде всего США).

Уже в 1989 г. в соответствии с требованием министерства ученый совет Иркутского государственного университета принимает беспрецедентное в своей послевоенной истории решение о сокращении приема по всем факультетам на 20 % в следующем, 1990 г. [30, с. 206–207]. В итоге резко сократилось число будущих студентов заочной и вечерней форм обучения. Также на заседании ученого совета было высказано предложение о начале работы по подготовке иностранных студентов на компенсационной основе.

Но процессы социально-экономических трансформаций, через которые проходило российское общество, оказывали отрицательное влияние на высшую школу. Как справедливо отмечают иркутские исследователи В. Н. Казарин и Ю. П. Лякутина, «перестроечные явления в середине 1980-х гг., а также начавшиеся процессы реформирования экономики с рыночных позиций в начале 1990-х г., сопровождавшиеся рядом негативных тенденций,

* Раздел подготовлен на основе материалов: Олейников И. В. Иркутский государственный университет в эпоху коренных социально-экономических трансформаций // Очерки истории Иркутского государственного университета : учеб. пособие / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск, 2012. С. 70–81 ; Олейников И. В. Современный университет в первом десятилетии XXI в. // Очерки истории Иркутского государственного университета : учеб. пособие / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск, 2012. С. 81–92.

просчеты во внутренней кадровой политике повлекли для большинства учебных заведений одинаковые нежелательные последствия. Усилившийся переход научно-педагогических кадров в предпринимательский сектор, во властные структуры, а также в другие, более успешные вузы крайне отрицательно сказался на состоянии качественного состава преподавательского корпуса» [15, с. 412].

В связи с распадом Советского Союза, согласно Указу Президента РСФСР от 20 августа 1991 г. № 66, Постановлениям Совета Министров РСФСР от 3 сентября 1991 г. и Государственного комитета по науке и высшей школе РСФСР № 106 от 4 августа 1991 г. «О деятельности учреждений и организаций системы образования на территории РСФСР» Иркутский университет был передан в ведение Государственного комитета по науке высшей школы РСФСР [23, с. 549].

В результате реформы высшего образования вузы РСФСР, в том числе и Иркутский государственный университет, столкнулись с рядом серьезных, системных вызовов, основным из которых было резкое сокращение финансирования высшего образования.

Выходом из ситуации являлись развитие сотрудничества с зарубежными партнерами, открытие новых специальностей и расширение коммерческой составляющей. Дополнительные средства приносила и научная деятельность – для ее осуществления также были необходимы международные контакты – ведь средства на развитие научной базы и финансирование масштабных научных проектов за счет государства в 1990-е гг. привлечь было практически невозможно.

Вышеуказанные причины привели к стремительному развитию научных и образовательных контактов факультетов и институтов Иркутского государственного университета с зарубежными партнерами из стран АТР, Европы и Америки. В данной главе речь пойдет в основном о достижениях ИГУ в сферах международного сотрудничества и научной деятельности – в 1990–2000-е гг. основные успехи приходились именно на эти направления, в то время как масштабные проекты расширения вуза, строительства университетского кампуса в Свердловском районе Иркутска были в основном свернуты.

Так, развивалось сотрудничество с вузами Китайской Народной Республики, прервавшееся в начале 1960-х гг. В целом в 1990-е гг. наблюдается усиление интеграции отечественных ву-

зов в мировое образовательное пространство. Иркутский государственный университет не остался в стороне от динамично развивавшихся процессов [25, с. 70–76].

Особенно богат на визиты иностранных делегаций был 1991 г. – период все нараставшего политического и экономического кризиса в СССР, вылившегося в августовский путч. Равнению на западные образовательные стандарты в сфере высшего образования во многом способствовала эйфория «свободного рынка», преклонение перед американским образом жизни, вслед за Москвой охватившая и Иркутск – научно-образовательный центр Восточной Сибири. С другой стороны, руководством ИГУ двигали и вполне прагматические мотивы – потоки финансовых ресурсов из центра иссякали, а в непростых рыночных условиях необходимо было надеяться лишь на собственные силы.

В этих условиях в конце января 1991 г. ректор ИГУ Ф. К. Шмидт подписал договор с Университетским колледжем Мэрилендского университета о создании первого в истории СССР и США факультета менеджмента, основной задачей которого являлась подготовка профессиональных управленческих кадров на основе программы двойных дипломов [4, с. 1]. Перед процедурой подписания проект совместного советско-американского факультета менеджмента в августе 1990 г. был презентован министру иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и госсекретарю США Д. Бейкеру во время их встречи в Иркутске, а в декабре 1990 г. прошел согласование в высших инстанциях Советского Союза: Верховном Совете СССР, Совете Министров СССР, Внешнеэкономической комиссии при Совете Министров СССР, в Министерстве финансов СССР.

Сотрудничество с вузами США развивалось быстрыми темпами – 13 марта 1991 г. в Иркутск прибыла третья обменная группа американских студентов из Техасского университета, состоялась их встреча с первым проректором ИГУ Н. К. Душутинным [10, с. 1]. Интерес к реформам в СССР, проводимым М. С. Горбачевым, привлекал в столицу Восточной Сибири видных иностранных специалистов. В мае 1991 г. на историческом факультете Иркутского государственного университета состоялась лекция политолога и юриста, профессора Монреальского университета Э. Орбана, организованная при содействии доктора исторических наук Г. Н. Новикова [9, с. 1]. В августе и сентябре

1991 г. состоялись встречи с профессором Техасского лютеранского колледжа Р. Милном и профессором ЦЕРН (г. Женева) Д. Моррисоном. В своем интервью университетской газете профессор Моррисон отметил, что «Иркутский университет имеет как свои преимущества, так и свои недостатки. С одной стороны, это довольно хорошо организованный комплекс, с другой, это кое в чем несовременная, изолированная от мира система. Поэтому мне приходится делать большие усилия, чтобы какая-либо полезная информация дошла до студентов и преподавателей» [18, с. 1].

В сентябре 1992 г. Иркутский государственный университет с рабочим визитом посетил президент университетского колледжа Мэрилендского университета Б. Масси. В ходе своей поездки он ознакомился с работой САФ, встретился с ректором Ф. К. Шмидтом, главой администрации Иркутской области Ю. А. Ножиковым [28, с. 1]. Стороны разработали программу совместной деятельности двух университетов на уровне международных стандартов. Наряду с активизацией взаимодействия в образовательной и научной сфере с США ряд подразделений ИГУ, и прежде всего геологический факультет, развивал и связи с вузами Китайской Народной Республики. Сотрудники геологического факультета доценты А. И. Сизых и А. А. Белоголов совместно с профессорами Китайского геологического университета в г. Ухань Ю Джендуном и Сан Анканом в течение месяца проводили совместные исследования Байкальского региона по теме НИР «Петрология, геохимия и металлогения метаморфических комплексов Восточной Сибири и Китая» [19, с. 1]. Работы выполнялись в рамках договора о совместных научных исследованиях Восточной Сибири. Связи геологического факультета ИГУ с вузами Китая продолжились и несколько позже – в 1993 г., когда с университетами городов Пекина и Уханя был заключен договор о создании Российско-азиатского научно-коммерческого центра [26, с. 3]. В марте 1993 г. сотрудниками геологического факультета совместно с китайскими партнерами была составлена программа, включавшая тематику совместных научных исследований на период 1993–1997 гг.

Об интересе китайских исследователей к развитию сотрудничества с Иркутским университетом говорит и тот факт, что в октябре 1991 г. состоялся двадцатидневный визит в Китайскую

Народную Республику проректора по научной работе ИГУ А. И. Смирнова, зав. лабораторией гидрохимии Г. М. Шпейзера, зав. кафедрой охраны природы А. П. Хаустова и доцента Ю. В. Шаманского [20, с. 3]. Визит представлял собой экспедицию по изучению гидроминеральных ресурсов в провинции Саньси в соответствии с договорами между Уханьским и Пекинским геологическими университетами. Иркутские исследователи также провели переговоры с Чандунским филиалом Академии наук КНР о совместных исследованиях в области охраны природы, химии высокомолекулярных соединений. В ходе визита были изучены семь месторождений термальных вод и два пресных источника. В свою очередь, китайские исследователи выразили готовность принять участие в экспедициях по изучению термальных минеральных вод Байкальской рифтовой зоны и озера Байкал. В заключение визита представителей Иркутского университета в Китай была достигнута договоренность с Уханьским и Пекинским университетами о подготовке в Иркутске высококвалифицированных кадров для Китая, обмене сотрудниками для взаимных научных стажировок, обмене студентами.

Практически через год, в начале 1993 г. уровень сотрудничества ИГУ с китайскими вузами поднялся на новую ступень – в ходе встречи проректора по международным связям В. И. Дмитриева были подписаны программы о сотрудничестве с Хэйлуцзянским и Ляонинским университетами [24, с. 1]. Большой интерес стороны проявили к возможности реализации специальной программы по совместной с Ляонинским университетом подготовке российских и китайских граждан в области изучения языков и делового сотрудничества. Немаловажно, что уже тогда стороны вели переговоры о получении совместного диплома бакалавра двух вузов – китайского, в рамках программы подготовки по международным экономическим отношениям, и российского – по специальности «коммерция». По заданию Совета народных депутатов Иркутской области специалисты Иркутского университета провели консультации с Пекинским центром обучения административных кадров. Был заключен договор на подготовку и переподготовку 50 китайских граждан.

В нелегкое время экономических реформ, в эпоху коммерциализации высшего образования Иркутский университет поми-

мо усиления взаимодействия с вузами Китая начинает развивать образовательные и научные связи с высшей школой еще одной страны Азиатско-Тихоокеанского региона – Республики Корея. В ноябре 1995 г. между администрациями Иркутского государственного университета и Университета Пэ Джэ (г. Тэджон) был подписан рамочный договор о сотрудничестве, предполагавший создание на базе старейшего вуза Восточной Сибири комплексного Сибирско-корейского центра [5, с. 1]. По замыслам организаторов, в его задачи должны были входить координация взаимоотношений между вузами, проведение совместных научных исследований по программам развития Сибири, исследования в сфере экологии, преподавание русского и корейского языков. В следующем, 1996 г. южнокорейский университет Пэ Джэ посетили с ответными визитами декан химического факультета ИГУ профессор Г. А. Калабин и кандидат биологических наук Л. С. Каткова [6, с. 2]. Корейских партнеров особенно заинтересовали исследования НИИ биологии ИГУ, связанные со способами очистки водоемов от загрязнения нефтепродуктами, экологические исследования иркутских ученых. Со своей стороны научные работники университета Пэ Джэ предложили иркутянам собственные наработки в области менеджмента экологических ресурсов. Активизация российско-корейского сотрудничества в сфере высшей школы принесла свои плоды – в 1996 г. в стенах ИГУ под руководством начальника международного отдела Н. А. Богатовой состоялась масштабная презентация Сибирско-корейского центра.

Следует отметить, что сотрудничество Иркутского государственного университета с высшими учебными заведениями стран АТР в первой половине 1990-х гг. было несбалансированным. В это сложное время коренных социально-политических трансформаций оказались практически полностью разрушенными связи вуза с традиционными партнерами из стран бывшего соцлагеря, прежде всего вузами Монголии. Ярким примером служит ситуация 1992 г. со студентами из Лаоса (ЛНДР), прибывшими по специальным программам сотрудничества в Иркутск. В это простое время к текущим сложностям, которые обычно испытывали иностранные студенты – незнание языка, культурный шок вследствие иных традиций, прибавились бытовые проблемы, такие как

покупка продуктов и предметов домашнего обихода, поиск средств на ежедневный проезд на транспорте в условиях гиперинфляции [29, с. 4]. В этих условиях лаосские студенты стремились вернуться на Родину, но их возвращение откладывалось ввиду резко повысившейся стоимости авиабилетов.

В феврале 1998 г. состоялась попытка реанимации традиционного сотрудничества ИГУ с Монголией, ведь долгое время классический университет являлся основной кузницей кадров для некогда братской республики. В Научной библиотеке состоялась рабочая встреча руководства университета с чиновниками областной и городской администраций и представителями Генерального консульства Монголии в Иркутске [11, с. 7]. На встрече также присутствовали руководители структурных подразделений вуза – директора институтов, НИИ, деканы факультетов, научные сотрудники. По результатам встречи были сделаны предложения об организации сибирско-монгольского факультета по прикладной экономике и математике, российско-монгольского гуманитарного центра, развитию библиотечных связей. Однако практически все предложенные инициативы не были реализованы в связи с негативной финансово-экономической ситуацией, последовавшей после августовского дефолта 1998 г.

Отдельно следует остановиться и на европейском направлении сотрудничества, которое реализовывалось Иркутским государственным университетом в описываемый период. Еще в 1994 г. стартовал проект TEMPUS-TACIS, представлявший собой программу европейского сотрудничества в сфере высшего образования между ЕС и странами СНГ. Основной целью программы являлось поддержание процесса реформирования вузов в странах Центральной и Восточной Европы, СНГ и Монголии. Участие ИГУ в совместной программе с Университетом г. Киль (Германия) и Гранадским университетом (Испания) началось с поездки ректора Ф. К. Шмидта и проректора по международным связям В. И. Дмитриева на рабочий семинар «Совершенствование системы управления университетом» [8, с. 1]. Некоторые научные проекты в рамках сотрудничества по линии TEMPUS-TACIS впоследствии реализовывались и на историческом факультете ИГУ.

В рассматриваемый период коренным образом изменилась практика преподавания общественных наук в Иркутском государственном университете. Менялась политическая ситуация в

стране, в этой связи в высшей школе началась трансформация преподававшихся общественных дисциплин в гуманитарные. Ранее обязательные курсы по истории КПСС заменялись на курсы по отечественной истории, а марксизм-ленинизм, научный коммунизм и политэкономия были заменены на философию, социологию и экономические дисциплины. Преподаватели гуманитарных дисциплин должны были в кратчайшие сроки разработать новые программы подготовки студентов.

В этой ситуации происходит создание новых факультетов. Так, в 1993 г. был открыт факультет психологии и социальной работы. Его деканом стал заведующий кафедрой педагогики и социальной работы К. С. Жуков.

На основе подготовительного факультета для иностранных студентов в том же году был создан международный факультет, деканом которого стал Г. А. Мельников [12, с. 2]. Первым студентом, зачисленным на международный факультет, оказалась японская девушка Такако Шибуйа, приехавшая в Иркутск из Токио.

В отчете тогдашнего ректора профессора Ф. К. Шмидта «О работе университета в 1991 г. и задачах на 1992 г.» отмечалось, что, «...несмотря на крайне тяжелое положение с высшим образованием в стране, катастрофическое снижение интереса к обучению, “утечку умов” в коммерческие структуры и за рубеж, ИГУ, по данным Госкомитета по высшей школе, стоит восьмым по рейтингу среди университетов России. Подготовка специалистов осуществлялась на 10 факультетах по 20 специальностям» [30, с. 234–235].

В сложнейшей экономической ситуации крайне трудно было реализовывать масштабные проекты по развитию материальной базы университета, строить жилье для сотрудников, новые корпуса. Снизился спрос производственных предприятий России на научно-техническую продукцию ИГУ – происходила приватизация целых производственных комплексов, разрушались хозяйственные цепочки, что в итоге вызвало резкое сокращение объема хозяйственных научно-исследовательских работ.

В период с 1990 по 1994 г. резко сократился прием студентов в ИГУ по всем формам обучения – с 1 443 до 1 213 чел.

Соответственно, менялась структура подготовки специалистов в пользу гуманитарных направлений – экономики, права, управления, экологического мониторинга.

По справедливому замечанию тогдашнего ректора ИГУ Ф. К. Шмидта, «коммерческая деятельность позволяет зарабатывать дополнительные средства, которые, однако, лишь создают иллюзию возможности обойтись без государственного финансирования. В то же время дефицит государственного бюджета непрерывно растет, что приводит к еще большему отставанию финансирования высшей школы от темпов инфляции» [22, с. 1–2]. К 1994 г. в составе Иркутского государственного университета находилось 12 факультетов, 74 кафедры. Шесть факультетов возглавлялись докторами наук, профессорами, остальные факультеты – кандидатами наук, доцентами [22, с. 1–2].

К началу 1995 г. были открыты новые специальности – «мировая экономика», «математические методы и исследование операций в экономике», открыты новые направления – «Психология» и «Лингвистика» [22]. В первой половине 1990-х гг. ученые Иркутского государственного университета, несмотря на сложнейшие условия работы, продолжали научно-исследовательскую деятельность. Была проведена работа по включению в структуру научно-исследовательской части ряда новых научных центров и лабораторий. Так, в структуру НИЧ вошла лаборатория археологии и палеоэкологии, созданная в рамках партнерства с Институтом истории РАН и возглавляемая доктором исторических наук Г. И. Медведевым. В рассматриваемый период Иркутский государственный университет стал активным участником программы «Университеты России». С 1990 по 1992 г. реализовывался крупный научно-исследовательский проект «Гуманитарные проблемы регионов (на примере восточных регионов Сибири)».

В 1997 г. Иркутский государственный университет стал участником программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.», которая была направлена на расширение взаимодействия между академической и вузовской наукой, на повышение качества образования и сохранение научно-технического потенциала Российской Федерации [23, с. 551]. В рамках данной программы разрабатывались следующие научно-исследовательские темы: «Центр по изучению состояния Байкала как участка мирового наследия. Развитие и поддержка учебно-научного центра «ЛИН-ИГУ» (совместно с Лимнологическим институтом СО РАН), «Учебно-

научный центр солнечно-земной физики: поддержка и развитие научно-образовательного комплекса», «Экология Байкала и Прибайкалья», «Иркутский учебно-научный центр физики кристаллов и радиационной физики», а также ряд др.

В 1997 г. ректором ИГУ был избран доктор химических наук профессор А. И. Смирнов, продолжавший совмещать научную деятельность с административной [7, с. 161–184].

Научная библиотека в середине 1990-х гг. создала под руководством директора Р. В. Подгайченко Информационный центр по правам человека на основе документов, присланных из Страсбурга по инициативе Совета Европы в рамках программ помощи в поддержке демократических реформ в странах Центральной и Восточной Европы [13].

Астрономическая обсерватория ИГУ под руководством директора кандидата физико-математических наук С. А. Язева продолжала проводить наблюдения, своевременно обрабатывать данные для Главного метеорологического комитета, исследовать серебристые облака [30, с. 293]. Однако на работу обсерватории также повлиял сложный период, через который проходил Иркутский государственный университет, – сократилось количество сотрудников, устарело материально-техническое оснащение, были закрыты некоторые темы научно-исследовательских работ.

Вычислительный центр ИГУ проводил масштабные работы по созданию общеуниверситетской компьютерной сети, обеспечению выхода во всемирную сеть Интернет, что было новинкой для Иркутска в середине 1990-х гг. С 1997 г. начал функционировать сайт университета www.isu.ru, на котором была размещена информация о реализуемых научных и образовательных программах вуза.

Таким образом, Иркутский государственный университет в 1990-е гг. поэтапно развивал контакты с иностранными партнерами, что вписывалось в общую логику администрирования высшего образования в условиях рыночной ситуации в СССР/Российской Федерации – централизованные ресурсы постепенно истощались, и региональные вузы стали развивать международные связи в качестве важного фактора выживания в нестабильной экономической ситуации, поддержания научных контактов. В середине 1990-х гг. к партнерам Иркутского государст-

венного университета из США и КНР постепенно добавились вузы Республики Корея и государств Европы. Однако заделы в сфере международного сотрудничества вузов, сделанные ИГУ в советскую эпоху, не получили дальнейшего импульса, а зачастую были обречены на стагнацию. Тем не менее благодаря напряженному труду преподавателей и научно-исследовательской части в 1990-е гг. Иркутскому государственному университету удалось сохранить самое главное – преемственность научных школ, которые продолжили развиваться в первом десятилетии нового, XXI в.

* * *

В первом десятилетии нового, XXI в. старейший университет Восточной Сибири получил дополнительный импульс для развития. В непростые 1990-е гг. были открыты новые факультеты и специальности, востребованные в изменившейся экономической ситуации. Поступательно развивалось международное сотрудничество вуза с научными центрами зарубежной Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, Северной Америки, Австралии.

Основным вызовом, с которым столкнулся вуз в последнее десятилетие, являлось снижение объемов финансирования образования, что, соответственно, вызвало необходимость интенсивного привлечения денежных средств из внебюджетных источников. Среди прочих негативных факторов, влияющих на динамику развития университета, следует выделить проблему «кадрового голода», вызванную появлением новых требований к квалификации преподавательского состава. Начиная с 2005 г. система высшей школы Российской Федерации стала испытывать последствия снижения рождаемости в 1990-е гг. – демографического кризиса, вслед за этим начинает уменьшаться объем бюджетного финансирования. Классический вуз был вынужден бороться и с проблемами коммерциализации высшего образования. В 2000-е гг. коренным образом изменилась структура высшей школы региона – если в 1990 г. в Иркутске существовал только один университет, то уже в 2000 г. в регионе действовали 7 университетов, 3 академии и 1 институт. Все более явно проявлялась конкуренция со стороны негосударственных и непрофильных вузов, что стало представлять реальную угрозу развитию университета [17].

В начале нового десятилетия согласно лицензии Министерства общего и профессионального образования Российской Фе-

дерации № 24 Г-1628 от 12 ноября 2001 г. университет имел право на ведение образовательной деятельности в сфере довузовской подготовки, высшего профессионального образования, послевузовского и дополнительного образования. Учредителем университета по-прежнему являлось Министерство образования Российской Федерации [17].

К 2001 г. в структуру университета входили 2 филиала – в Братске и Ангарске, 3 учебных института, 3 научно-исследовательских института, 11 факультетов, 89 кафедр (среди них 6 общеуниверситетских), центр повышения квалификации и переподготовки кадров, педагогический колледж, лицей, воскресный лицей, подготовительные курсы, научно-исследовательская часть, кафедра водных ресурсов ЮНЕСКО, издательство, издательский отдел, центр новых информационных технологий, астрономическая обсерватория, научная библиотека, ботанический сад, учебные базы практик для студентов [17, с. 14].

В 2008 г. в рейтинге журнала «Деньги», составленном на основе опроса трехсот крупнейших российских компаний-работодателей, Иркутский государственный университет вошел в сотню вузов, заняв 42-е место [27, с. 15].

На протяжении нулевых годов большая часть финансирования, поступающего в рамках НИР, приходилась на фундаментальные исследования. С 1997 г. происходило увеличение объемов НИР – стали реализовываться проекты в рамках конкурсов Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда, а с 2009 г. ученые Иркутского государственного университета стали активно участвовать в конкурсах Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». В 2011 г. сотрудники ИГУ выполнили 47 государственных контрактов с годовым объемом 43,8 млн руб. (в том числе 10 государственных контрактов с руководителями-аспирантами, 11 НИР с руководителями – молодыми кандидатами наук) [1]. Всего же по результатам конкурсов в рамках ФЦП было заключено 60 государственных контрактов общим объемом более 170 млн руб.

Научно-исследовательская деятельность вуза, координируемая научно-исследовательской частью, на протяжении первого десятилетия XXI в. охватывала более 30 основных направлений [27, с. 16]. В рамках настоящей главы возможно будет упомянуть

лишь некоторые из них. Так, следует отметить деятельность доктора физико-математических наук, профессора Н. М. Буднева и доктора физико-математических наук, профессора А. Н. Валла, усилиями которых был создан и введен в постоянную эксплуатацию в 1998 г. Байкальский глубоководный нейтринный телескоп, а в 2000 г. в Тункинской долине была введена в эксплуатацию широкоугольная черенковская установка НИИ прикладной физики ИГУ совместно с НИИ ядерной физики МГУ. Продолжались исследования Байкала, начатые еще профессором М. М. Кожовым, идет изучение структуры, функционирования и эволюции биологических и экологических систем под руководством кандидата биологических наук Л. Р. Измestьевой, доктора биологических наук, профессора В. В. Тахтеева. Аналитические исследования в области геологии и геохимии нефтегазоносных бассейнов Байкальской рифтовой зоны разрабатывает доктор геолого-минералогических наук, профессор В. П. Исаев. Научную школу математической теории оптимального управления возглавляет доктор физико-математических наук, профессор Н. А. Сидоров.

Поступательно развивались научные связи ИГУ с исследователями из Соединенных Штатов Америки, Японии, Канады, Германии, Англии, Италии. Например, археологи исторического факультета начиная с 1997 г. участвовали в комплексной экспедиции, проводившейся совместно с Университетом Альберты (Канада). В начале 2000-х гг., в ту пору, когда федеральное финансирование научных программ являлось крайне недостаточным для выполнения масштабных научных проектов, существенной помощью для ученых университета являлось взаимодействие с зарубежными научными фондами (фондом Дж. Сороса, фондом Форда, фондом МакАртуров (США), корпорацией Карнеги (США), программами INTAS и TEMPUS-TACIS).

В рамках сотрудничества с корпорацией Карнеги в 2002 г. на базе Иркутского государственного университета был создан Межрегиональный институт общественных наук (МИОН) под руководством доктора исторических наук, профессора исторического факультета ИГУ Г. Н. Новикова. Ядро исследовательского коллектива института составили сотрудники исторического факультета. Целью создания МИОН являлось комплексное изучение развития Сибири на региональном, межрегиональном, рос-

сийском и мировом уровнях. Предполагалась и координация деятельности российских и зарубежных ученых [16]. Результаты научных исследований внедрялись в непосредственный учебный процесс. Научным директором иркутского МИОН с 2008 г. является политолог, американист, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Д. В. Козлов.

В 2000-х гг. происходило поэтапное развитие исторического факультета. В 2000 г. произошел первый набор на новую специальность «международные отношения». С 2007 г. по инициативе доктора исторических наук Ю. А. Зуляра начато издание серии «Политология. Религиоведение» научного журнала «Известия Иркутского госуниверситета». Эта серия с 2011 г. включена в список ВАК.

На базе общеуниверситетской кафедры политологии и отечественной истории в 2007 г. было открыто отделение политологии и религиоведения и проведен первый набор на специальность «политология» по заочной форме обучения. С 2010 г. впервые в истории Иркутской области осуществлены выпуски специалистов-политологов, а с 2010 г. начата подготовка политологов по очной форме обучения. Студенты под руководством преподавателей ежегодно принимают участие в олимпиадах по политологии и отечественной истории среди учащихся вузов г. Иркутска, занимая призовые места [14].

С 2007 г. на базе кафедры под руководством доктора исторических наук, профессора Ю. А. Зуляра были организованы ежегодные Байкальские международные социально-гуманитарные чтения, с 2008 г. регулярно проходят всероссийские научно-практические конференции «Проблемы социальной и административной консолидации Сибири».

Под руководством Р. В. Подгайченко развивается Научная библиотека ИГУ, являющаяся основным информационным подразделением университета, одной из крупнейших вузовских библиотек России, зональным методическим центром для библиотек учебных заведений Красноярского края, Забайкальского края, Республик Саха (Якутия), Хакасия, Бурятия, Тыва, членом Ассоциации региональных библиотечных консорциумов (АРБИКОН), корпоративной библиотечной системы Сибири, членом Совета библиотек университетов Восточной Азии [2, с. 23].

На 2012 г. приходится начало реализации масштабной Программы стратегического развития университета ИГУ (ПСР ИГУ), которая получила поддержку в рамках конкурса Министерства образования и науки Российской Федерации 2011 г. [3, с. 3–4]. Иркутский государственный университет стал одним из финалистов конкурса. Программа стратегического развития университета предполагает получение университетами дополнительного федерального финансирования в размере 100 млн руб. в течение трех лет.

В реализации ПСР приняла участие большая часть структурных подразделений ИГУ. В рамках Программы идет модернизация учебного процесса, реализуются шесть укрупненных проектов, связанных как с фундаментальными, так и с прикладными исследованиями и работами: изучаются фундаментальные вопросы астрофизики, физики высоких энергий, астрономии, физики Солнца и солнечно-земных связей; предпринимаются междисциплинарные исследования на основе уникальных природных объектов Восточной Сибири и озера Байкал; анализируется социальная интеграция регионального сообщества, социально-экономических, демографических, миграционных и диаспоральных процессов в Сибири и на Дальнем Востоке России, фундаментальных и прикладных проблем современной филологии [3, с. 4]. Идет поддержка академической мобильности (стажировок) аспирантов и молодых научно-педагогических сотрудников университета, направленная на закрепление молодежи в университете. Благодаря Программе стратегического развития обновляется высокотехнологическое научное и учебное оборудование университета, идет закуп компьютерной, телекоммуникационной и мультимедийной техники. Предусмотрены и модернизация системы управления университетом, формирование новой системы продвижения Иркутского государственного университета за рубежом.

Действительно, в деле подготовки специалистов крайне важна преемственность научных исследований, которая формирует личностные, профессиональные и межпоколенческие связи между студентами, аспирантами и доцентами и профессорами. Масштабная поддержка научных школ позволяла преодолеть негативные тенденции старения профессионалов.

В начале 2000-х гг. интенсивно развивалось международное сотрудничество Иркутского государственного университета с зарубежными партнерами. Были заключены рамочные соглашения о сотрудничестве с Университетом департамента Верхняя Савойя (г. Тамбери, Франция), Институтом гидробиологии (г. Охрид, Македония), Институтом экологии пресной воды (г. Берлин, Германия).

Институты и факультеты ИГУ также активно позиционировали свои научные наработки на международном уровне. Так, химический факультет развивал сотрудничество в рамках договоров с Университетом г. Канадзавы (Япония), Монгольским государственным университетом, Ляонинским университетом (КНР), Оксфордским университетом (Великобритания).

Биолого-почвенный факультет в начале нулевых годов взаимодействовал с Берлинским университетом (ФРГ), Университетом штата Колорадо (США). В 1999–2000-х гг. сотрудники и студенты факультета приняли участие в российско-германской экспедиции по изучению биоразнообразия озера Байкал совместно с Иркутским государственным педагогическим университетом и Университетом г. Оснабрюк.

Юридический институт ИГУ также оперативно включился в процессы международного сотрудничества, заключая соглашения с зарубежными вузами юридической направленности. Состоялся обмен делегациями в рамках сотрудничества с Савойским университетом (Франция). В рамках взаимодействия с профессиональными ассоциациями в начале 2000-х гг. развивалось взаимодействие с Ассоциацией американских юристов, на регулярной основе проводились семинары по проблемам права. На базе Юридического института велась подготовка иностранных аспирантов из Вьетнама, Китая, Монголии и ряда других стран.

Международный факультет ИГУ в рамках прямого соглашения с Ляонинским университетом (г. Шеньян, КНР) продолжает развивать совместную образовательную программу в области коммерции. На новый уровень вышло сотрудничество с Университетом им. Кристиана Альбрехта (Германия), продолжились контакты в рамках корейской программы с Университетом Пэ Джэ (Республика Корея). В начале 2000-х гг. шло согласование проведения языковых стажировок студентов ИГУ в Экономическом университете г. Канадзавы и на гуманитарном факультете

Университета Тойяма (Япония). В середине 2000-х гг. были продлены соглашения с Гуманитарным институтом Северо-Восточного педагогического университета (КНР), заключен договор с Университетом Чжэнчжоу (КНР), Столичным педагогическим университетом (г. Пекин).

Физики ИГУ взаимодействовали с коллегами из Университета им. Кристиана Альбрехта (Германия) по вопросу применения новых информационно-образовательных технологий, а филологи развивали сотрудничество в сфере преподавания русского языка как иностранного, русского языка и филологии.

В декабре 2002 г. было достигнуто соглашение между историческим факультетом ИГУ и Университетом Хоккайдо (Саппоро, Япония) о совместном проведении археологических работ в рамках проекта «Антропоген в Байкальской Азии» под руководством профессора Г. И. Медведева. Развиваются связи исторического факультета и Университета Симанэ (Япония), на регулярной основе проводится летняя практика для студентов ИГУ. Летом 2007 г. был проведен совместный российско-японский семинар с участием иркутских профессоров и студентов. Стабильные учебные и научные контакты существуют между историческим факультетом ИГУ и Реннским институтом политических исследований (Франция).

Активно развивалось сотрудничество между ИГУ и Университетским колледжем Университета Мэриленда. Выпускники сибирско-американского факультета получали двойные дипломы – специалиста от ИГУ и степень бакалавра Мэрилендского университета (США). Согласно достигнутым договоренностям, основная часть учебного процесса проходит в г. Иркутске, а после окончания четвертого курса иркутские студенты выезжают на месячную зарубежную стажировку в США, где проходят производственную практику в американских фирмах и компаниях. Следует подчеркнуть, что до 2000 г. зарубежная практика студентов САФ проходила только в США, а с 2000 г. у них появилась возможность стажироваться в Австралии.

На базе Байкальской международной бизнес-школы ИГУ активно внедрялись технологии дистанционного образования (взаимодействие с Мэрилендским университетом (США) и Университетом Южного Квинсленда (Австралия)).

Иркутский государственный университет является членом Международной и Евразийской ассоциации университетов, Российской ассоциации бизнес-образования, входит в Ассоциацию университетов Северо-Восточной Азии и Российскую ассоциацию университетского корееведения (РАУК), созданную при поддержке МИД Республики Корея. В состав РАУК входят ведущие вузы Российской Федерации – Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Дальневосточный федеральный университет.

Сентябрь 2007 г. был отмечен открытием культурно-образовательного Института Конфуция. Создание этой структуры, способствующей усилению межкультурных и профессиональных контактов между КНР и регионами Байкальской Сибири, стало возможным благодаря взаимодействию посольства КНР в РФ, департамента международных связей ИГУ и руководства Международного института экономики и лингвистики ИГУ. Институт Конфуция является единственным учреждением, принимающим тестирование на сертификат знания китайского языка HSK, необходимый для поступления в вузы КНР.

В 2005 г. был подписан рамочный договор о сотрудничестве между Иркутским государственным университетом и Университетом А. Мицкевича (г. Познань, Польша). На стажировки в Польшу регулярно направляются сотрудники и студенты исторического факультета ИГУ, представители географического факультета и Юридического института.

В 2000-е гг. Иркутский государственный университет стал активным участником программ академических обменов – Немецкой службы академических обменов (DAAD), а также программы Erasmus Mundus («Окно внешнего сотрудничества») (с 2008 г.), направленной на развитие взаимопонимания и сотрудничества в области высшего образования между странами Европейского союза и Россией [21]. Программа предоставляет возможности для обучения, стажировок, проведения научных исследований в вузах ЕС – Финляндии, Бельгии, Испании, Германии, Италии, Португалии и Латвии.

С 2006 г. Иркутский государственный университет является участником программы стипендий фонда «Оксфорд – Россия». По завершении обучения на втором курсе гуманитарных факуль-

тетов студенты, имеющие определенный задел в области научно-исследовательской работы, получают дополнительную ежемесячную стипендию.

В настоящее время в университете обучается более 300 иностранных студентов из Китайской Народной Республики, Республики Корея, Монголии, США, Франции, Австрии, Великобритании и государств СНГ.

Таким образом, Иркутский государственный университет добился значительных успехов в расширении контактов с зарубежными партнерами – вузовскими и научными центрами (в настоящее время их насчитывается более тридцати), что благоприятно сказалось на адаптации зарубежного опыта преподавания и проведения научных исследований к российским реалиям, были привлечены существенные объемы дополнительных финансовых ресурсов.

В 2008 г. в Иркутском государственном университете обучалось 18 тыс. студентов, на бюджетной основе 42 % и 58 % – на платной. В сокращенные сроки обучения вуз осуществлял подготовку по 15 специальностям.

В заключение следует отметить, что Иркутский государственный университет в настоящее время представляет собой важнейший элемент научно-образовательного потенциала Иркутской области и сопредельных территорий. Специалисты вуза принимают непосредственное участие в разработке программ регионального развития, в подготовке областного законодательства, консультациях в сфере промышленного производства. Современный университет обладает многолетними традициями качественного обучения, проведения полидисциплинарных исследований в рамках естественно-научных и гуманитарных направлений. Образовательные программы, реализуемые на базе Иркутского государственного университета, преобразуются в непрерывный цикл бакалавриат – магистратура – аспирантура – докторантура.

Иркутский государственный университет оказывал и оказывает определяющее влияние на процесс формирования региональной политической и экономической элиты. Выпускники ИГУ занимают ключевые посты в государственных структурах, общественных и партийных организациях, финансовых структурах, крупных корпорациях, среднем бизнесе региона. Таким образом,

современный классический университет представляет собой «кузницу кадров» для обширного региона Восточной Сибири, действующую на основе единства научного и образовательного компонентов, обеспечивающих сочетание исследовательских и практических навыков с основательной теоретической подготовкой.

В 2012 г. в Иркутском государственном университете прошла смена поколений руководства вуза. А. И. Смирнов, 15 лет руководивший университетом, не стал выдвигаться на новый срок. В соответствии с регламентом осенью 2012 г. в университете состоялись выборы нового ректора. В ходе напряженной избирательной кампании им стал доктор физико-математических наук, профессор Александр Валерьевич Аргучинцев, занимавший ранее пост проректора по научной работе. Новый ректор полностью обновил ректорат. Пришла новая команда профессиональных администраторов, ориентированная на внедрение новых подходов и технологий управления вузом. Иркутский государственный университет вступил в новую фазу своего развития, успешно отметив в 2013 г. 95-летие со дня основания.

Вопросы для самоконтроля

1. С какими сложностями столкнулся Иркутский государственный университет в начале 1990-х гг.? В чем проявлялось реформирование высшего образования?

2. В чем заключаются особенности выполнения научных исследований на принципах хозрасчета? В чем заключаются положительные и отрицательные стороны такого подхода к оценке научно-исследовательской работы?

3. Перечислите основные направления научно-исследовательской работы ученых ИГУ в 1990-е гг.

4. Какие новые структурные подразделения были открыты в университете на протяжении 1990-х гг.?

5. Какими факторами была вызвана активизация международного сотрудничества Иркутского государственного университета в 1970–80-х гг.?

6. Какие факторы влияли на развитие классического университета на протяжении первого десятилетия XXI в.?

7. Перечислите основные направления научно-исследовательской работы ученых ИГУ в 2000-е гг.

8. Назовите основные зарубежные вузовские и научные центры, с которыми Иркутский государственный университет осуществлял взаимодействие в 2000-е гг.

9. Назовите основные направления Программы стратегического развития ИГУ. Какие преференции получает университет в ходе ее реализации?

10. Почему Иркутский государственный университет является значимым элементом научно-образовательного потенциала Иркутской области? Ответ обоснуйте.

Литература

1. Аргучинцев А.В. О научно-исследовательской работе университета в 2011 г. и перспективах на 2012 г. // Иркут. ун-т. – 2012. – 30 апр. – С. 4–5.
2. Белоус И. П. Золотой фонд сибирской науки // Alma mater: дыхание века: к 90-летию Иркутского государственного университета / ред. и сост. С. И. Гольдфарб. – Иркутск, 2008. – С. 22–25.
3. Григоричев К. В. Первые шаги программы стратегического развития ИГУ // Иркут. ун-т. – 2013. – 31 янв. – С. 3–4.
4. Диогенов А. Первый в Союзе // Иркут. ун-т. – 1991. – № 6.
5. Дмитриев В. И. Еще один шаг // Иркут. ун-т. – 1995. – 30 нояб.
6. Есть контакт! // Иркут. ун-т. – 1996. – 25 мая.
7. Зуляр Ю. А. Университет как призвание и судьба (к 60-летию А. И. Смирнова) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – Иркутск, 2010. – № 1 (4). – С. 161–184.
8. И в Киле, и в Гранаде // Иркут. ун-т. – 1996. – 31 дек.
9. Интервью с канадским ученым // Иркут. ун-т. – 1991. – 11 июня.
10. Иркутск – Остин // Иркут. ун-т. – 1991. – 3 апр.
11. Иркут. ун-т. – 1998. – 28 февр.
12. Иркут. ун-т. – 1993. – 30 апр.
13. Иркут. ун-т. – 1996. – 29 нояб.
14. Исторический факультет Иркутского государственного университета / под ред. Ю. А. Зуляра, И. В. Олейникова. – Иркутск : Отгиск, 2012. – 56 с.
15. Казарин В. Н. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.) / В. Н. Казарин, Ю. П. Лякутина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 483 с.
16. Козлов Д. В. Программа институционального развития Иркутского МИОНа [Электронный ресурс] / Д. В. Козлов. – URL: <http://mion.isu.ru/ru/projects/mionproject.html>.
17. Концепция развития Иркутского государственного университета : проект. – Иркутск, 2002. – 51 с.
18. Куликова А. Это у нас самая чистая в мире вода // Иркут. ун-т. – 1991. – 25 сент.
19. Международные связи геологов // Иркут. ун-т. – 1991. – 2 окт.
20. Международные связи ИГУ. 20 дней в Китае // Иркут. ун-т. – 1991. – 31 окт.
21. Международная деятельность Иркутского государственного университета 2006–2010 гг. [Электронный ресурс] // Иркутский государственный университет : офиц. сайт. – URL: http://isu.ru/ru/about/intern_depart/docs/relation2006_10.pdf.
22. Наука и образование на новом этапе. Отчет ректора, академика РАЕН и МАВШ Ф. К. Шмидта о работе Иркутского университета за 1990–1994 гг. // Иркут. ун-т. – 1995 – 30 янв.

23. Нестерович А. А. Иркутский государственный университет – первенец вузовской науки Восточной Сибири // Иркутский государственный университет (1918–1998). – Иркутск, 1998. – С. 487–590.

24. Новый уровень международных связей // Иркут. ун-т. – 1993. – № 2.

25. Олейников И. В. Развитие международных связей Иркутского государственного университета в 90-х гг. XX в. // Шестые Байкальские Международные социально-гуманитарные чтения : в 3 т. : материалы. – Иркутск, 2012. – Т. 1. – С. 70–76.

26. Связи геологического факультета и Китая // Иркут. ун-т. – 1993. – 30 марта.

27. Смирнов А. И. Прошлое, устремленное в будущее: Иркутский классический... / А. И. Смирнов, В. Н. Казарин, Ю. С. Пархоменко // Alma mater: дыхание века: к 90-летию Иркутского государственного университета / ред. и сост. С. И. Гольдфарб. – Иркутск, 2008.

28. Сотрудничество расширяется // Иркут. ун-т. – 1992. – 30 сент.

29. Учиться стало труднее // Иркут. ун-т. – 1992. – 30 нояб.

30. Иркутский государственный университет (1918–1998). – Иркутск : Агентство «КП-Байкал» ; Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 293 с.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

§ 1. Развитие музейного дела

К началу перестройки Иркутская область имела сложившуюся музейную сеть. Тон задавали два государственных музея – областные краеведческий и художественный. Ведущая роль принадлежала краеведческому музею, который, обладая статусом объединенного, имел филиалы в большинстве районов области. Как в целом по стране, доминировали музеи краеведческого профиля, комплексно представляя природу и историческое прошлое своей территории. Всего к 1990 г. на территории области функционировало 22 таких музея, что составляло 6,6 % от всей музейной сети Сибири и Дальнего Востока [14, с. 107]. По количеству государственных музеев Иркутская область не особенно выделялась среди зауральских регионов. Так, ее ближайшие соседи Красноярский край и Республика Саха располагали соответственно 34 и 27 музеями. Кроме государственных в регионе было несколько десятков ведомственных и общественных музеев, сотни школьных. Во многих сельских поселениях при библиотеках существовали краеведческие уголки, в которых иногда выставляли предметы старины и этнографические коллекции. Значительный ресурс составляли производственные музеи и уголки боевой и трудовой славы. В советский период любое крупное и даже среднее промышленное предприятие или организация обязательно имели собственную музейную экспозицию, рассказывающую об истории предприятия и передовиках производства. В них также выставлялись образцы производимой продукции.

Распад Советского Союза и начало серьезных преобразований в общественно-политической и экономической жизни страны ознаменовали новый этап в культурном развитии региона. Не

могли они не затронуть и музейного дела. Реорганизация системы управления музейным делом и перестройка музейной работы проходили в условиях становления новой российской государственности, радикальных экономических реформ, складывания новых идеологических основ общественной и государственной жизни. Произошедшие перемены поставили перед музеями задачу деидеологизации, переосмысления своей роли и места в обществе, поиска новых форм и направлений деятельности. Наследуя традиционные функции хранения, изучения и представления обществу исторических артефактов, музеи должны были существенно расширить сферу и формы своей деятельности, осваивая отечественный и зарубежный опыт, и тем самым соответствовать требованиям времени.

Наиболее сложным периодом стало начало 1990-х гг. Серьезные изменения затронули краеведческие музеи, идеологически связанные с ушедшей эпохой. В первую очередь пострадали музеи и комнаты пионерской и комсомольской славы, историко-революционные, такие как музей В. В. Куйбышева в Жигаловском районе, музей истории политической ссылки в Братске и др. Во многих краеведческих музеях закрылись экспозиции по истории советского общества и местных партийных организаций. Музейные работники были вынуждены пересматривать концепции основных экспозиций, заметно снизился уровень научной и массовой работы. Но наиболее тяжелая ситуация, связанная с сокращением бюджетного финансирования сложилась в материальном обеспечении музейного дела. Это привело к ликвидации некоторых музеев, прежде всего ведомственных и школьных, организационным и кадровым трудностям, проблемам с выплатой заработной платы, сокращению объемов услуг, старению материальной базы. К этому можно добавить также резкое сокращение числа посетителей музейных выставок и экспозиций, что было вызвано общей финансовой ситуацией в обществе [8, с. 229].

Наиболее серьезно пострадали производственные и ведомственные музеи, часть из которых просто прекратила свое существование, а их фонды были частично или полностью утрачены. Закрытие и реорганизация многих предприятий и учреждений приводила к тому, что созданные при них музеи и комнаты трудовой и боевой славы становились бесхозными и в итоге растаскивались или просто уничтожались. Так, исчезли богатейшие

коллекции музея завода тяжелого машиностроения им. Куйбышева, радиозавода и ряда других предприятий. Показательна история музея Иркутской чаеразвесочной фабрики. После ее банкротства музей был ликвидирован, часть фондов была спасена и передана в Музей истории г. Иркутска, но многие ценные экспонаты оказались в частных коллекциях.

Не менее печальна судьба музея Хайтинского фарфорового завода в пос. Мишелевка. Старейший в Сибири завод, основанный еще в 1869 г. братьями Переваловыми, не выдержал испытаний перестроечного времени. В 2003 г. предприятие прошло процедуру банкротства. Сначала завод перешел в ведение области, а вскоре после продажи в частные руки вообще остановился. Музейная коллекция изделий из фарфора, оцениваемая в 2 млн долл., оставалась бесхозной и выжила чудом. Спасением стала передача почти 5 тыс. экспонатов в областной художественный музей. Эта коллекция стала основой создания специализированного музея фарфора, который был открыт в 2009 г. в филиале музея – мемориальной усадьбе В. П. Сукачева [5].

Больше повезло музеям крупных промышленных предприятий, сумевших выстоять в эти смутные годы. Свои музеи сумели сохранить Восточно-Сибирская железная дорога, управления Иркутской и Братской ГЭС, Иркутский алюминиевый завод (г. Шелехов), Иркутский аэропорт, областное управление связи и некоторые другие. Примером может служить история музея Иркутского авиазавода. Завод при всех его реорганизациях не только сохранил свои производственные мощности, но и превратился в ведущее российское промышленное предприятие. Руководство завода уделяет своему музею большое внимание и достойное финансирование. Специально для музея было построено отдельное помещение. Заметно обновились экспозиции музея, рассказывающие об основных этапах развития завода и ветеранах. В витринах представлены модели всех типов самолетов, выпущенных и выпускаемых авиазаводом. Музей продолжает проводить активную популяризаторскую и экскурсионную деятельность.

Успешно сложилась и судьба музея связи, который был создан еще в 1977 г. и долгие годы считался единственным научно-техническим музеем данной отрасли на всей зауральской территории. Однако по-настоящему он заработал для широкой публики только с 1991 г., после того как был переведен в только что от-

реставрированный каменный особняк, входивший когда-то в состав усадьбы известных иркутских купцов и меценатов Басниных. В новом помещении открылись экспозиции: «В. Н. Баснин – купец, меценат», «Иркутский телефон» и «Иркутский телеграф», «С Сибирью связанные судьбы», «История сибирской почты», «История развития иркутского радио и телевидения». В 1995 г. в музее открылся новый зал современных средств связи с выходом в Интернет. Совместно с Иркутским государственным университетом начала работу «Малая академия», в рамках которой проводятся конференции и семинары для школьников и студентов [12, с. 72–73].

Удачным решением для музея связи стала популяризация имени бывших хозяев усадьбы иркутских купцов Басниных и возрождение традиций музыкально-литературных салонов, которые проходили в стенах этого дома. Это позволило преодолеть узкую ведомственную направленность музея, сделать его открытым для широкой аудитории. Пришло и признание. В 2007 г. Иркутский музей связи за свою разнообразную деятельность удостоился награды «Музей года». Событием в городе стало издание по инициативе музея в 2008 г. книги «Связь времен. Баснины в истории Иркутска», ставшей первым опытом комплексного изучения купеческой династии.

Несмотря на отмеченные негативные процессы начала перестройки, в регионе удалось сохранить большинство государственных и муниципальных музеев. Среди музейного сообщества на первых порах были опасения, что при скудном бюджетном финансировании музеи будут либо закрыты, либо приватизированы. К счастью государственные структуры сохранили ответственность за учреждения культуры и не допустили их разгосударствления. Среди ведомственных музеев наиболее устойчивыми оказались вузовские. Они не только сохранились, но и содействовали появлению новых музейных кабинетов и уголков. Заметную роль в их консолидации и сохранении сыграл научно-методический совет ведомственных музеев при Совете ректоров вузов Иркутской области. К сожалению, музей ведущего вуза региона Иркутского государственного университета, с таким трудом созданный и открытый к 75-летию юбилею в 1993 г., просуществовал недолго. В конце 1990-х гг. помещение, в котором

он находился, было закрыто на ремонт, после чего передано под зал заседаний ученого совета. Лишь небольшая часть материалов музея сохранилась на кафедре политологии и истории исторического факультета ИГУ [6, с. 80]. Небольшие учебные музеи остались лишь на некоторых факультетах классического университета.

На протяжении исследуемого периода для всех музеев области остро стояла проблема поиска финансовых источников существования в новых рыночных условиях и привлечения в музеи посетителей. При всех сложностях музеи сумели изыскать дополнительные источники финансирования кроме государственного бюджета и платы за вход. Внебюджетные средства государственных музеев складывались из доходов от предпринимательской деятельности (доходы от закрепленного за музеем недвижимого имущества; от использования музейного фонда), благотворительных пожертвований и спонсорских взносов, участия в российских и международных конкурсах и программах. Дополнительные источники финансирования помогли музеям Иркутской области не только выжить в условиях кризиса, но сохранить кадры сотрудников и расширить деятельность.

Несмотря на неустойчивое бюджетное финансирование, начиная с середины 1990-х гг. музейная деятельность в стране стабилизировалась. Окрепили старые музеи и музейные комплексы, стали возникать новые музеи. Правовое положение и условия деятельности музеев в изменившихся условиях определил принятый 24 апреля 1996 г. Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». Совершенствовалась и правовая база музеев на региональном уровне. Еще в 1997 г. был принят Закон «О музейном деле в Иркутской области», а в 2007 г. – «О государственной поддержке культуры в Иркутской области».

Ведущие музеи Иркутской области – областной краеведческий (ИОКМ) и художественный (ИОХМ) – по-разному пережили «лихие» 1990-е. Большой проблемой для последнего стала передача в 1994 г. Собора Богоявления, где размещался отдел сибирского искусства, в Иркутскую епархию. Но взамен музей получил после реставрации большой двухэтажный особняк в центре города, куда был переведен отдел и открыты новые выставочные залы. Это позволило заметно увеличить количество выставок, в том числе привезенных из других городов страны и зарубежных

стран. Все эти годы музей оставался душой современной художественной жизни региона, а также одним из наиболее известных за пределами области музейных учреждений. С 2004 г. в нем успешно реализовывался проект «Эрмитаж в Сибири», что позволило познакомить иркутян с шедеврами мирового искусства. Иркутский художественный музей обладает одной из наиболее значительных за Уралом коллекций произведений искусства и с 1990 г. по праву носит имя своего основателя – В. П. Сукачева. Его фонды насчитывают свыше 22 тыс. произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. Ежегодно музей посещает около 130 тыс. чел. С 1992 г. при музее открыта научно-реставрационная мастерская, ставшая единственным подобным подразделением среди сибирских музеев. С 1986 г. музеем принадлежит и великолепная усадьба основателя музея В. П. Сукачева, расположенная в прекрасном парке, занимающем 3,2 га. В феврале 1995 г. Указом Президента РФ усадьба В. П. Сукачева была отнесена к числу памятников федерального значения. При практически полном отсутствии в Сибири дворянских усадеб этот комплекс, наряду с мемориальными музеями декабристов, принял на себя задачи возрождения светской культуры и нравственных ценностей, сходные с теми, которые выполняют в Европейской России историко-мемориальные музеи-заповедники. Реставрация комплекса усадьбы затянулась более чем на десятилетие. Только в 2000 г. музеем был передан первый отреставрированный объект – дом для гостей. К 2009 г. в усадьбе были отреставрированы еще три здания. В настоящее время в усадьбе размещено несколько выставок, рассказывающих о традициях и быте семьи Сукачевых.

Наряду с выставочной деятельностью в последние годы художественный музей стал заметным центром искусствоведческой и научной работы. При финансовой поддержке созданного при музее попечительского совета и благотворительного фонда «Меценат» были подготовлены к изданию десятки каталогов, путеводителей и альбомов, которые по праву заслужили высокую оценку специалистов на общероссийском уровне. Немало внимания уделяет музей просветительской работе, прежде всего с детской и юношеской аудиторией, проводя многочисленные экскурсии, лекции, консультации, различные культурно-массовые мероприятия.

В более серьезной ситуации оказался старейший в Сибири Иркутский областной краеведческий музей. Ему было гораздо труднее выйти из идейного кризиса, поскольку в советское время именно он был основным проводником советской идеологии в музейной сфере на территории области. Пересмотр концепций и форм деятельности музея, особенно в выставочной, научно-исследовательской и массовой работе, затянулся почти на десятилетие. Потеря региональных филиалов и статуса объединенного музея также не прошла бесследно. Проявлением затяжного кризиса стало выделение из состава музея его филиалов и преобразование их в самостоятельные музейные учреждения.

Первым с 1994 г. в самостоятельное плавание рискнул отправиться архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Решение о строительстве музея было принято еще в 1966 г. в связи с необходимостью спасения уникальных объектов деревянного зодчества из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС. С 1980 г. он начал действовать в виде филиала Иркутского государственного объединенного музея. В то время в нем было представлено всего четыре экспозиции. В 1990 г. было принято решение о репрофилировании музея деревянного зодчества в архитектурно-этнографический. Таким образом, он получил возможность стать центром сохранения традиционной культуры народов Восточной Сибири. Став самостоятельным, АЭМ «Тальцы» достаточно быстро превратился в один из крупнейших и активно развивающихся музеев-заповедников Сибири. В 1995 г. Указом Президента РФ музейный комплекс был отнесен к объектам исторического и культурного наследия федерального значения. В том же году молодой музей организовал и успешно провел международную научно-практическую конференцию «Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях». В последующие годы в музее активно велись реставрационные работы, определялась стратегия его деятельности, создавались новые экспозиции. Уже в 1999 г. музей, ранее функционировавший лишь в летний туристический сезон, перешел на круглогодичную работу. В этом же году он стал методическим центром Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля. Сегодня «Тальцы» – это не только место сохранения памятников народной архитектуры, но и попу-

лярный туристический центр, в котором бывает большое число как иркутян, так и гостей нашего города. Сейчас здесь, на территории в 70 гектаров, собрано более 80 уникальных памятников старой сибирской архитектуры, работают 17 экспозиций.

Следует отметить, что в России явно наблюдается дефицит музеев-заповедников. Из 103 музеев-заповедников и 41 музея-усадьбы за Уралом представлено всего 13 (т. е. 9 % от музеев подобного типа) [2, с. 9]. Иркутская область на этом фоне выглядит даже лучше других. Кроме АЭМ «Тальцы» в области функционирует архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня» в Братске (начало создания – 1975 г., открытие – 1990 г.), входящий в состав Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары. Основной его задачей является показ историко-культурной среды Среднего Приангарья. В последние годы по инициативе муниципальных образований и при методической поддержке сотрудников музея «Тальцы» на территории области проводится музеефикация отдельных усадеб или целых комплексов историко-этнографического направления. Они действуют при Национальном музее Усть-Ордынского Бурятского округа, в Заларинском районе (усадьба Гимборна – представителя этнической немецкой группы голендров в с. Пихтинск), в с. Вершина Боханского района (музей-усадьба польского поселенца), в с. Анга Качугского района (дом-музей Иннокентия Вениаминова). Администрация Казачинско-Ленского района выступила с инициативой создания в пос. Ключи этнографического музейного комплекса «Ленская деревня» [9, с. 104–107].

В 2000 г. в самостоятельное государственное учреждение культуры выделился Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов. Мемориальный комплекс представляет собой две усадьбы декабристов С. Г. Волконского и С. П. Трубецкого, расположенные неподалеку друг от друга в исторической части города. Для Сибири, где практически не было дворянских усадеб, подобные архитектурные ансамбли представляют исключительную ценность. Реставрация мемориальных комплексов началась еще в конце 1960-х гг. Уже в 1970 г. в доме С. П. Трубецкого был открыт филиал краеведческого музея, с 1985 г. принял первых посетителей дом-музей Волконских. Став самостоятельным, историко-мемориальный музей декабристов сохранил и значитель-

но расширил научно-исследовательские и массовые формы работы. Большую известность приобрели музыкальные вечера в салоне М. Н. Волконской, домашний театр, образовательные курсы по дворянской культуре и этикету. Музей уже много лет организует областной фестиваль «Декабристские вечера». В эти дни проходят концерты в областной филармонии, литературно-музыкальные салоны в домах Волконских и Трубецких, литературные вечера в областных и городских библиотеках, выездные мероприятия в близлежащих городах, а также в «декабристских» селах: Урике, Олонках, Усть-Куде, Оеке, Елани и др. Также в рамках фестиваля в последние годы проводятся научно-практические конференции для школьников.

Сохранил музей и творческие контакты с учеными-декабристоведцами страны и профильными музеями Сибири. Большую роль для превращения музея в научный центр изучения проблемы «Декабристы в Сибири» сыграло возобновление известной декабристоведческой серии «Полярная звезда». С 2000 г. право на ее издание получил музей, и с тех пор вышло 6 новых томов. Кроме того, музеем было издано несколько прекрасных альбомов и сборников статей. В 2011 г. вышел первый номер вестника музея «Декабристское кольцо». В последние годы в музее появились новые выставки и экспозиции. В 2011 г., например, после полной реставрации возобновил свою работу дом-музей С. П. Трубецкого, представив значительно обновившуюся экспозицию.

Потеря филиалов заметно сократила экспозиционные площади Иркутского областного краеведческого музея. К тому же с 1991 г. отдел природы был закрыт на капитальный ремонт. Только в 1996 г. был открыт первый зал, полностью же обновленная экспозиция отдела была представлена посетителям в декабре 2000 г. Потери площадей продолжались и в нулевые годы. В 2006 г. Спасская церковь, где размещались выставочные залы музея, была передана в ведение Иркутской епархии. И все же именно в эти годы ведущий музей области начинает выходить из кризиса, расширять свою деятельность, представлять населению новые услуги. Активизировалась экскурсионная работа музея по различным направлениям. В частности, был разработан маршрут по местам, связанным с пребыванием в Иркутске А. В. Колчака. В развитие этой темы музей совместно с администрацией следст-

венного изолятора № 1 Иркутска открыл музей «Тюремный замок», центром экспозиции которого стала камера, где провел свои последние дни «Верховный правитель» России.

В 2005 г. в здании музея была открыта музейная студия. Кроме показа коллекций и различных выставок в ее стенах проводятся научно-практические конференции и семинары, встречи с представителями творческой интеллигенции и гостями города, а также концерты народной и классической музыки. В рамках празднования юбилея Иркутска в 130-м квартале был открыт новый филиал музея – «Окно в Азию». Он представляет собой комплекс из нескольких отреставрированных зданий, в которых разместились экспозиции, рассказывающие о роли Иркутска в изучении и установлении политических, экономических и культурных связей со странами Азиатского континента. Отличительной особенностью новых экспозиций является активное использование новых технологий – сенсорных экранов и другого цифрового сопровождения. Еще одним филиалом музея стал культурный центр Александра Вампилова, открывшийся в Иркутске в 2012 г. к 75-летию драматурга.

ИОКМ по-прежнему остается ведущим научно-методическим центром для муниципальной музейной сети региона, консультирующим и помогающим строить новые экспозиции и музеи. С 2002 г. на его площадях стали регулярно проходить музейные «маевки», приуроченные к Международному дню музеев. В рамках этого музейного фестиваля проводятся семинары и знакомство с современными музейными технологиями, музеи обмениваются опытом, представляют свои презентации, наработки, планы, обсуждают текущие проблемы.

Таким образом, Иркутский областной краеведческий музей продолжает оставаться ведущим музеем региона. Его фонды насчитывают ок. 250 тыс. ед. хр. основного фонда и около 160 тыс. вспомогательного. В них представлены предметы, документы, фотографии, характеризующие быт, материальную и духовную культуру народов Сибири, Дальнего Востока и стран Юго-Восточной Азии. Книжное собрание включает 80 тыс. книг, газет и журналов. Ежегодно на экспозиционных площадях музея проходят более 50 выставок, а количество посетителей составляет до 300 тыс. чел. в год.

В постперестроечное время обнаружился явный дефицит знаний истории локальных поселений, малых городов и сел. С демократизацией общества и тенденцией более самостоятельного развития отдельных регионов страны значение краеведения становится все очевиднее. Возрождение интереса к местному краеведению в 1990-х гг. было вызвано тем, что в ситуации резкого ослабления центральной власти и распада советской империи многие территории стремились опереться на собственные ресурсы, в том числе традиции и исторический опыт. Проявлялось стремление осознать себя как субъекта через то особенное, что отличало социально-экономический, физико-природный и историко-культурный облик края. Одним из проявлений общественной необходимости осмысления уроков прошлого, осознания своей сопричастности к историческому процессу стало появление городских и поселковых музеев. В отличие от государственных они имели возможность сосредоточиться на историческом опыте небольших территорий, показать роль и место конкретного поселения в развитии региональных административных, хозяйственных и культурных связей.

Развитию музейного дела в стране содействовали реформа местного самоуправления и перераспределение полномочий в сфере культуры между региональными и местными властями. Муниципальные образования всех уровней получили право организовывать и содержать музеи, отражающие специфику своей территории. В результате за 1990-е гг. заметно возросло количество муниципальных музеев в Иркутской области. Прежде всего рост происходил за счет того, что областной краеведческий музей перестал быть объединенным, и на базе его филиалов образовались самостоятельные районные и городские музеи. В Иркутске, Шелехове, Заларях, Зиме, Усть-Илимске и некоторых других муниципальных образованиях появились новые музеи краеведческого типа. В результате уже в начале 2000-х гг. в области действовали 38 муниципальных музеев с шестью филиалами [3, с. 75]. Правда, далеко не всегда развитие местного самоуправления имело для музеев столь ощутимый результат. В ряде случаев «оптимизация» бюджетной сети на муниципальном уровне обернулась фактической ликвидацией музеев путем преобразования

их в структурные подразделения поселенческих и межпоселенческих многопрофильных культурно-досуговых центров.

Среди муниципальных музеев региона особое место занимает Музей истории г. Иркутска. Его открытие в 1996 г. стало заметной вехой в культурной жизни города. В отличие от других музеев областного центра, имеющих более значительные фонды и традиции, городской музей выбрал в качестве основного объекта своего внимания историю города в самом широком ее понимании. Он знакомит посетителей с эволюцией городского пространства, развитием архитектурной самобытности, памятниками истории, архитектуры и культуры. Но в центре внимания – повседневная жизнь жителей города. Жизнь иркутянина представляется на различных исторических отрезках как бы изнутри, через быт, традиции, семейный уклад. Не случайно героями и главными участниками экспозиций музея являются сами горожане. «Мы с вами и для вас» – таков девиз музея [13, с. 72–73].

Основой деятельности любого музея являются его фонды. Несмотря на молодость, городской музей хранит в своих запасах более 70 тыс. фотографий, документов, вещественных коллекций. Основными источниками пополнения фондов выступают подарки населения и поисковая работа сотрудников музея. В разное время в фонды поступили коллекции музеев сибирской фотографии, чаеразвесочной фабрики, строительства Иркутской ГЭС, радиокомитета, лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета, народного художника России, почетного гражданина города В. С. Роголя. С помощью старожилов и коллекционеров собираются уникальные материалы, отражающие общественный и культурный быт иркутян.

Музей города удивительно быстро смог занять достойную нишу в культурном пространстве Иркутска, успешно конкурируя с областным краеведческим музеем по количеству выставок, разнообразию форм и методов научной и массовой работы. Многие из его многочисленных выставок и экспозиций стали первым опытом музейного обращения к малоизвестным страницам истории города. Музей имеет статус комплексного городского музея, что позволяет вести не только историко-краеведческое направление, но и устраивать выставки художников и фотохудожников, мастеров прикладного искусства, проводить массовые мероприя-

тия, литературно-музыкальные вечера и краеведческие салоны. Очень быстро музей начал обрастать новыми филиалами. С 1999 г. открыл свои площадки для художников, фотохудожников и мастеров прикладного искусства филиал музея – городской выставочный центр им. В. С. Рogaля, через пять лет был открыт филиал «Солдаты Отечества», ставший центром военно-патриотического воспитания молодежи. Особенно заметное расширение площадей музея произошло в последние годы. В 2009 г. музею после реставрации был передан комплекс из двух каменных зданий – бывшее начальное училище Кладищевой (Сибиряковой). В нем разместился отдел истории и еще один филиал – «Дом ремесел». Тогда же музею были переданы еще два старинных деревянных особняка, в которых были открыты Музей городского быта и Музей чая. Наконец, в 2013 г. на баланс музея города были переданы Московские ворота, воссозданные в новоделе к юбилею Иркутска.

Современный опыт музейной деятельности настоятельно требует выхода за пределы традиционных форм работы. Музей истории г. Иркутска также не ограничивается только культурно-просветительской работой. Он превратился в место массового досуга и общественных встреч, стал образовательным и издательским центром. Традиционными стали конкурсы и викторины, передвижные выставки, литературно-музыкальные вечера. Одно из приоритетных направлений музея – развитие интереса и любви к родному городу. Программа школьного краеведения включает проведение ежегодной научно-практической конференции «Мой город», организацию детских археологических и эколого-краеведческих лагерей на Байкале, развитие международного детского сотрудничества. При музее в разное время были созданы детско-юношеская организация «Иркутск – Форт-Росс», активно участвующая в развитии связей со школьниками и молодежью США, клубы «Встреча» для бывших репрессированных и членов их семей, «Почетные граждане города Иркутска» и любителей бальных танцев «Ностальгия».

Отдельного разговора заслуживает научно-исследовательское направление музея. В последние годы он превратился в настоящий центр изучения процессов городского развития и купеческих династий Иркутска. Эта тенденция проявилась в присвоении музею имени крупнейшего сибирского предпринимателя, ученого и

мецената А. М. Сибирякова. С 2011 г. по инициативе музея проводятся «Сибиряковские чтения», издается печатная продукция, посвященная истории сибирского предпринимательства и развитию городского сообщества. Заметным событием стало появление книг о почетных гражданах Иркутска, женщине-иркутянке, истории школьного образования. Признание в научном сообществе Сибири получил сборник статей «Сибирский город в XVIII – начале XX в.» (издано 9 выпусков). Вкладом музея в расширение круга источников по истории Иркутска стало издание воспоминаний Л. И. Тамм, Г. М. Бутакова, Б. А. Демьяновича и других известных иркутян.

Еще один самобытный муниципальный музей появился в эти годы в Шелехове. По инициативе общественности города и молодежного туристско-краеведческого объединения «Наследники» в середине 1990-х гг. был учрежден музейно-выставочный центр им. Г. И. Шелихова. Почти пять лет он не имел своего помещения, базируясь то в доме культуры, то в библиотеке, проводя большую популяризаторскую работу и собирая коллекции по истории города и района. Заметной вехой в его развитии стало установление тесных связей с родиной Г. И. Шелихова – г. Рыльском, а также участие в организации большой научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня смерти «Колумба Росского». В ней приняли участие ведущие специалисты по истории Русской Америки из Москвы, Петербурга, Рыльска, Красноярска и Иркутска, а также гости из США.

В феврале 2000 г. музейно-выставочный центр им. Г. И. Шелихова был реорганизован в музей Г. И. Шелихова. В своем концептуальном аспекте музей Г. И. Шелихова уникален. Он является единственным в стране музеем, рассказывающим о жизни и деятельности основателя постоянных русских поселений в Северной Америке, инициатора создания Российско-Американской компании. Основными задачами музея стали изучение истории Русской Америки и деятельности Г. И. Шелихова, формирование музейных коллекций об истории города, Шелеховского района, сохранение, изучение и развитие историко-культурного наследия родного края.

Музей расположен в специально построенном двухэтажном доме с просторным холлом. В нем разместились шесть залов, в

экспозициях которых находится более 3 тыс. экспонатов. Один из залов рассказывает о том, как рождался молодой город и строился алюминиевый завод. Здесь же – жизнь современного Шелехова, его люди, славные события и памятные дела. Особое место отведено побратимским связям города с японским Неагари. На втором этаже царит атмосфера XVIII в. – здесь разместился зал, посвященный Г. И. Шелихову. Специально для этой экспозиции изготовлена диорама побережья Алеутских островов. Еще один зал рассказывает об истории Русской Америки и подвижнической жизни апостола Аляски Иннокентия Вениаминова.

Еще один оригинальный муниципальный музей находится в Ангарске. Единственный в России музей часов был открыт еще в 1968 г. при местном краеведческом музее. Основой для его создания послужила частная коллекция П. В. Курдюкова, насчитывавшая около 700 экспонатов. В 1993 г. экспонаты были перенесены в специально реконструированное для этой коллекции здание, после чего музей часов зажил новой жизнью. В настоящее время в музее собрано более 1 500 экспонатов. Экспозиция музея часов подчинена теме «У каждого времени свои часы» и располагается в 10 залах. В музее представлены часы XVIII–XX вв. стран Западной Европы, России, Японии в корпусах из бронзы, мрамора, фарфора и дерева. В коллекции есть уникальные экспонаты – часы Франции, Англии XVII–XIX вв., русская диковинка мастеров Бронниковых (карманные деревянные часы), настоящие космические часы, которые когда-то находились на борту орбитальной станции «Салют-6», подаренные космонавтом Георгием Гречко. Очень редкие часы – с изображением греческой богини Афины Паллады, подобных часов в России больше нет. Самые большие часы – напольные – достигают высоты 2,5 м, самые маленькие – изящные часы высотой всего лишь 2,5 см. Музей часов пользуется большой известностью, и сюда приезжают не только из областного центра и близлежащих городов, но и из других мест нашей страны.

В последнее десятилетие XX в. общемировой тенденцией стало создание естественно-научных музеев, связанных с изучением и популяризацией природного мира и экологических проблем. Большую популярность приобрели музеи-заповедники с живыми экспозициями: музеи-аквариумы, террариумы, дендра-

рии, различные модификации зоопарков и ботанических садов, экологические тропы и т. п. Активизация этих музеев связана с повышенным интересом специалистов и широкой общественности к проблемам охраны живой природы, целостности экосистем и возрастающей популярностью отдыха на лоне природы, массовым увлечением населения любительским садоводством, цветоводством, содержанием домашних животных и т. п. [4, с. 186].

В Иркутской области подобных музеев пока очень немного. Можно назвать отдел природы областного краеведческого музея, музей охотоведения при Сельскохозяйственной академии, Ботанический сад Иркутского государственного университета. Но наиболее интересен опыт Байкальского музея в пос. Листвянка, одного из трех существующих ныне в мире музеев озер. Он был создан в 1993 г. как структура Лимнологического института, а с 2009 г. является единственным самостоятельным музейным научным учреждением в СО РАН. Выполняет фундаментальные научные исследования и прикладные разработки, связанные с особенностями эволюции озера Байкал, формированием научных фондовых коллекций и банка данных байкальской экосистемы, просвещением и образованием широких слоев населения. Музей располагается в трехэтажном здании на берегу Байкала. Его фонды насчитывают около 17 тыс. единиц хранения, коллекции – 5 899 видов. Музей выступает как важнейший элемент системы формирования и трансляции научных знаний о Байкальском регионе. В последние годы заметно изменились его экспозиции и информационное пространство на основе новейших музейных технологий. В музее создана единственная в мире экспозиция, состоящая из 11 аквариумов (объемом 5–37 куб. м) и являющаяся одновременно частью природного водоема с живыми представителями байкальской фауны – от губок до млекопитающих. Вокруг музея сформирована живая экспозиция уникальных ландшафтов Байкальского региона – дендропарк площадью в 4 га. Для посетителей музея функционируют интерактивные экспозиции «Батискаф», «Удаленный мониторинг байкальских организмов в режиме реального времени» и другие новейшие технологии. При музее действует экологический образовательный центр, в котором проводятся научно-практические конференции, летние школы и олимпиады по байкаловедению.

Байкальский музей стал местом обязательного посещения для российских и иностранных туристов, приезжающих на озеро Байкал. В год его посещают до 150 тыс. чел. В ближайших планах создание здесь Байкальского музея-аквариума и превращение Байкальского музея в Музей естественной истории, что существенно повысит престиж Иркутской области и Сибирского региона в целом [11, с. 142–146].

Появление частных музеев стало реальным выражением произошедших в стране перемен. При отсутствии поддержки со стороны государства многие частные музеи создаются настоящими энтузиастами и подвижниками, стремящимися музеефицировать собственные коллекции или реализовать оригинальные и актуальные проекты. При этом они меньше всего связаны с музейными структурами, законодательством и основными формами массовой деятельности. В результате за счет небольших, но интересных проектов энтузиастов в сферу частных музеев может приходиться как малый бизнес, так и состоятельные бизнесмены – владельцы серьезных коллекций антиквариата и предметов искусства, а также меценаты. В начале 1990-х гг. частные музеи стали постепенно возвращаться в музейный мир России, причем не только в столицах, но и в провинции. Большинство из них не имеет юридической регистрации, а их фонды сложно поддаются учету.

Первый в России частный музей минералов был открыт в г. Слюдянка Иркутской области в мае 1990 г. Основу коллекции музея составили минералы, собранные в окрестностях города и на Хамар-Дабане. В настоящее время в музее экспонируется более 10 тыс. образцов многих месторождений бывшего СССР и из-за рубежа. При музее действует туристический комплекс для желающих более близко познакомиться с южным Прибайкальем. А один из последних частных музеев появился в Иркутске в 2012 г. Это первый в России частный музей кладоискателей, созданный Р. Кавчиком, президентом клуба «Кладоискатель и золотодобытчик». Основу коллекции составили находки, обнаруженные членами клуба на территории Иркутской области. Также в музее экспонируются артефакты, привезенные из Бурятии, Забайкалья и европейской части страны. Посетители могут увидеть уникальные вещи, такие как: станок фальшивомонетчика начала прошлого века; кованые ножницы XIX в., обнаруженные на месте усадь-

бы декабриста С. Г. Волконского в с. Урик; различные сибирские и российские монеты, старинные монгольские и китайские вещи [10].

Среди частных музеев значительную часть составляют картинные галереи. Иркутск также не исключение. Первая частная галерея «Палитра» (сейчас она называется LeArt) Лины и Дмитрия Ермонтович появилась в Иркутске в 1996 г. и почти сразу стала получать заказы на составление художественных коллекций для организаций, бизнес-структур и частных лиц. Арт-галерея DiaS Дианы Салацкой существует всего несколько лет, но активнее других участвует в художественной жизни Иркутской области, проводя выставки иркутских художников не только в своем зале, но и на других площадках, включая музейные. DiaS работает как с мастерами – народными и заслуженными художниками России, так и с молодежью, поэтому на выставках, проводимых галереей, можно встретить самые разные имена.

Картинная галерея известного иркутского предпринимателя Виктора Бронштейна выросла из его коллекции, которую он собирал около 20 лет. Сегодня его коллекция живописи и скульптуры – одна из самых больших в Иркутске и насчитывает около 700 произведений искусства. Многие из них экспонировались в различных музеях, на зональных и областных выставках. Весной 2011 г. коллекция была выставлена в его собственной галерее. В планах мецената строительство частного музея современной иркутской живописи. Кроме указанных в городе действуют «Галерея Революция», картинная галерея художников Муравьевых, галерея молодежного объединения «Ноосфера». Еще одна частная галерея появилась в пос. Листвянка в 1995 г. Построенная архитектором, поэтом и художником В. Пламеневским, она быстро превратилась в своеобразную творческую дачу для его друзей и коллег.

Музейное дело является одним из важных аспектов культурной жизни Иркутской области. Регион всегда отличали богатые музейные традиции. Несмотря на некоторые трудности, музейная сеть области достойно выдержала испытание временем и продолжает успешно функционировать. В настоящее время в Иркутской области насчитывается 5 государственных и 40 муниципальных музеев. Таким образом, количество музеев данной группы за два последних десятилетия выросло в два раза. По своему

профилю из 45 музеев государственного и муниципального подчинения 36 музеев историко-краеведческие, 2 – художественные и 1 – мемориальный. Многие музеи имеют свое, только им присущее, направление – от музея соли в г. Усолье-Сибирском или единственного в стране мемориального музея выдающегося советского конструктора ракетно-космических комплексов М. К. Янгеля в г. Железногорске до открытого в 2011 г. на родине Е. Евтушенко музея поэзии в г. Зиме. Ежегодно их посещают до 1 млн чел. Основной фонд государственных и муниципальных музеев насчитывает 580,2 тыс. единиц хранения, еще 376, 8 тыс. ед. составляют экспонаты научно-вспомогательного фонда [1, с. 9]. Музеи области не только хранят коллекции, но активно их изучают и популяризируют. Ежегодно в них проводится в среднем 1 100 выставок, свыше 15 тыс. экскурсий.

В регионе действуют свыше 30 ведомственных и более 300 школьных музеев. Все они, большие и маленькие, открыты для посетителей и вместе организуют музейное пространство региона. В начале нулевых годов заметно выросло количество школьных музеев. Если в 2000 г. в области насчитывалось 162 школьных музея и уголка, то в 2009 г. их было уже 302 [7, с. 123]. Надо заметить, что колебания их численности зависят не только от финансирования. Большое значение имеет отношение к ним со стороны администраций регионов и школ, наличия или отсутствия энтузиастов среди учителей. Школьные музеи и их коллекции беззащитны от хищений, равнодушия администрации, элементарной безхозяйственности. Заметной частью музейной сети становятся частные музеи.

Общие статистические данные о государственных и муниципальных музеях приведены в табл. 1.

В музеях Иркутской области традиционно проходит много культурно-массовых мероприятий по популяризации музейных фондов, разнообразных по формам и составу участников. Это праздники и фестивали, краеведческие викторины, конкурсы, мастер-классы и т. п. Культурно-образовательная и культурно-просветительская деятельность музеев становится все более открытой, доступной и социально ориентированной. Становятся традиционными такие мероприятия, как международная музейная акция «Ночь в музее», областной проект «Музейный фести-

валь «Маевка»», музейно-образовательный проект по школьному краеведению «Ревякинские чтения» на Ольхоне. Очевидно, что музейная деятельность приобретает все большее общественное значение, возрастает роль музеев в сохранении и интерпретации историко-культурного наследия региона, образовательном процессе и организации досуга. Современные музеи де-факто становятся центрами образования, коммуникации, культурной информации и творческих инноваций. Приметой последнего времени стала компьютеризация музеев, в наиболее крупных из которых появились собственные достаточно информативные, с неплохим дизайном сайты. Информация о государственных и некоторых муниципальных музеях вошла в информационный портал «Музеи России».

Таблица 1

Музеи Иркутской области в начале XXI в.*

| Год | 2007 | 2009 | 2010 | 2011 |
|---|-----------|-----------|------------|------------|
| Число музеев | 43 | 43 | 49 | 45 |
| Объем музейных фондов | 526 799 | 924 563 | 930 104 | 968 563 |
| Общая площадь музеев (кв. м) | 73 528,75 | 78 698,42 | 42 230,58 | 43 212,75 |
| в том числе экспозиционная | 57 668,2 | 60 650,15 | 21 727,15 | 22 349,06 |
| в том числе под хранение фондов | 5 046,2 | 5 381,12 | 5 297,91 | 5 580,59 |
| Число строений | 152 | 277 | 277 | 286 |
| Общее число посетителей (тыс. чел.) | 818,6 | 876,4 | 861,5 | 846,5 |
| Число экскурсий | 13 851 | 15 052 | 16 154 | 15 494 |
| Число выставок | 857 | 1 234 | 1 130 | 1 230 |
| Численность работников | 969,5 | 1 007 | 990 | 966 |
| Сумма бюджетного финансирования (тыс. руб.) | 162 036,4 | 183 252 | 206 559,16 | 331 111,16 |
| Иные источники финансирования | 18 759,5 | 24 819,9 | 29 252,8 | 52 381,1 |
| Средняя заработная плата (тыс. руб.) | 6,13 | 9,2 | 10,4 | 16,7 |
| Число музеев, имеющих компьютеры | 30 | 42 | 44 | 44 |
| Число музеев, имеющих выход в Интернет | 18 | 22 | 33 | 33 |
| Число персональных компьютеров | 168 | 258 | 284 | 319 |

*Таблица составлена на основе статистических отчетов музеев в Министерство культуры и архивов Иркутской области.

С целью расширения музейного пространства и более широкого охвата населения с сентября 2010 г. Иркутский областной краеведческий музей запустил новый ежегодный проект «Музейный экспресс», в рамках которого специальная бригада музейных работников выезжает в города и села Иркутской области с лекциями, мастер-классами и передвижными выставками на заранее выбранную тему. Так, в преддверии юбилея областного центра жителям области были представлены сразу несколько передвижных выставок: «Путешествие по городу Иркутску» с картами, схемами и фотографиями города конца XIX в., «Духи предков в звуках бубна» с предметами шаманского культа, а также выставка «Возможно быть другим», рассказывающая о толерантных отношениях. Посетителям была представлена возможность прикоснуться к уникальным историческим реликвиям, которые хранятся в областном музее.

Развитию интереса к историческому прошлому края должны были способствовать не так давно прошедшие юбилеи – 350 лет Иркутску (2011 г.) и 75 лет Иркутской области (2012 г.). В связи с ними были открыты новые филиалы музеев в Иркутске, проводились десятки выставок и других массовых мероприятий. Далеко не все задуманное в итоге удалось реализовать. Главным событием юбилейного года стало открытие 130-го квартала, который, по замыслу проектировщиков, должен был воссоздать историческую деревянную застройку Иркутска и наполнить ее соответствующим содержанием. Однако из музеев там появились лишь музейный комплекс «Окно в Азию» и картинная галерея Муравьевых. Возможно, появится частный музей «Ноосфера» с планетарием, но его открытие отложено на неопределенное время. Все остальное пространство «Иркутской слободы» – так официально называется 130-й квартал, заполнено торгово-развлекательными заведениями, кафе и ресторанами.

К большому сожалению, юбилейные мероприятия не смогли заметно расширить научно-краеведческий потенциал региона. Особенно обидно за областной краеведческий музей, который так и не смог стать «застрельщиком» новых краеведческих изданий по истории города и области и объединить творческие силы города на сколько-нибудь серьезное обсуждение исторических традиций и опыта региона. Более активны были другие музеи. Так,

Музей г. Иркутска совместно с кафедрой истории классического университета успешно провел Всероссийскую конференцию «Иркутску 350 лет – история и современность» и издал ее материалы. Весьма плодотворной стала идея Музея города разместить музейные выставки непосредственно в общественном городском пространстве. Совместно с благотворительным фондом «Наследие иркутских меценатов» на площадях Иркутска были размещены экспозиции «Дорога к храму» и «Лики Иркутска», а в последующие годы – выставки «Иркутск и Русская Америка» к 200-летию русской крепости Форт-Росс в Калифорнии, «Иркутск и война 1812 г.», «400 лет дома Романовых», вызвавшие большой интерес и признание иркутян и гостей города.

Подводя итоги, несколько слов хотелось бы сказать о тех проблемах, которые сдерживают возможности развития музейного потенциала Иркутской области. По-прежнему оставляет желать лучшего материальная база музеев, крайне мало площадей для хранения музейных коллекций. Только 7 музеев в регионе размещены в специально построенных помещениях. Здания, в которых расположено большинство музеев, требуют реконструкции и реставрации. По данным на 2011 г., в области насчитывалось 7 строений в аварийном состоянии и 65 строений, требующих капитального ремонта [1, с. 10]. В самом зачаточном состоянии находится работа по оцифровке музейных коллекций и созданию их виртуальных каталогов. В области практически полностью отсутствуют реставрационная база и специалисты этого профиля, поэтому значительная часть музейных предметов находится в плохом состоянии и со временем просто может погибнуть.

Недостаточное финансирование сдерживает внедрение новых инновационных форм и использование цифровых технологий в экспозициях даже государственных музеев. Нет должной поддержки городских и областных властей в расширении таких сфер музейной деятельности, как научно-исследовательская и издательская. Богатейшие ресурсы областных музеев должны более активно вовлекаться в развитие краеведческого и патриотического воспитания. Серьезной проблемой является недостаточная квалификация большинства музейных работников, что приводит к определенной инерции мышления, слабому внедрению в практику новых музейных методик и технологий. Частичным решени-

ем проблемы может стать подготовка специалистов музейного дела в Иркутском лингвистическом университете, а с 2013 г. – на историческом факультете классического университета.

Несмотря на разнообразие музейной сети региона, существуют неплохие возможности для дальнейшей музеефикации отдельных объектов и направлений. Уже многие годы ставится вопрос о создании музея-заповедника «Шишкинские писаницы» в Качугском районе. Только музеефикация этого уникального комплексного археологического памятника может спасти его от гибели. Настоящим событием в музейном деле и развитии рынка туристических услуг могло бы стать создание «Музея байкальской археологии и изучения человека» на базе всемирно знаменитого Глазковского некрополя в Иркутске. Возраст уникального неолитического могильника достигает 8 тыс. лет, и подобные погребальные комплексы на сегодняшний день в России неизвестны. Вопрос о консервации объекта и создании археологического музея поднимался на уровне администрации области еще в начале 1990-х гг., активно обсуждался в последние годы, но практического разрешения так и не получил. При этом есть серьезные наработки и расчеты, и даже эскизный проект его строительства.

В истории Иркутска одним из наиболее заметных событий стало участие иркутских купцов в открытии и освоении островов в северной части Тихого океана и создании Российско-Американской компании. Учитывая, что в России практически отсутствуют музеи, связанные с этими страницами истории, а в Иркутске сохранилась не только духовная, но и материальная память о «Колумбах Росских», вполне естественно выглядит предложение о создании в городе музея истории Русской Америки. Еще один уникальный для Сибири музей авиации Иркутской области уже создан, но из-за проблем с землей и необходимости реставрации техники его открытие отложено на неопределенное время. Вовлечение этих и других исторических и ландшафтных объектов в туристическую индустрию Байкальского региона будет стимулировать развитие рынка услуг в сфере культуры, содействовать возрождению исторических промыслов, в том числе коренных народов Сибири, а также развитию производств, сопутствующих основным видам деятельности музеев: реставрации и экспонированию исторических артефактов, производству сувенирной про-

дукции, изданию научной и краеведческой литературы. Дело за малым – пониманием и доброй волей администрации Иркутской области и соответствующим финансированием.

Таким образом, в Иркутском регионе есть все необходимые условия для дальнейшего совершенствования и развития музейного дела, отвечающего требованиям XXI века.

Вопросы для самоконтроля

1. Как кризис 1990-х гг. сказался на положении музейной сети Иркутской области?
2. Охарактеризуйте основные проблемы развития музейного дела региона на современном этапе.
3. Какую роль в развитии музейного дела играют частные музеи? Какие из них вы знаете?
4. Считаете ли вы достаточной современную музейную сеть Иркутской области?
5. Расскажите о наиболее оригинальных музеях Иркутской области.
6. В чем причины слабого развития сети музеев-заповедников в Сибири и в Иркутской области в частности?
7. Почему муниципальный Музей истории г. Иркутска быстро приобрел известность и занял достойное место в культурном пространстве региона?
8. Роль и место школьных музеев в патриотическом воспитании молодежи.
9. Какие новые музеи появились в Иркутской области в последние годы?
10. В чем причина выделения филиалов Иркутского областного краеведческого музея в самостоятельные учреждения культуры?
11. Что такое «Музейный экспресс»?
12. Какие новые музеи и музейные комплексы могут появиться в регионе в ближайшем будущем?
13. Какие формы музейной деятельности вы считаете наиболее актуальными?
14. Дайте сравнительную характеристику сайтов государственных музеев Иркутской области.
15. Почему в последние годы наибольшей популярностью у молодежи пользуется акция «Ночь в музее»?

Литература

1. Барышников В. В. Музеи Иркутской области: потенциал развития и первоочередные задачи // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2 (3), ч. 2. – С. 7–11.
2. Веденин Ю. А. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев заповедников в Российской Федерации / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин, О. Е. Штеле // Наследие и современность. – М., 2006. – Вып. 13. – С. 4–100.

3. Муценек Э. А. Проектная деятельность музеев Иркутской области: из опыта работы // Краевед. зап. – Иркутск, 2008. – Вып. 15. – С. 74–80.
4. Никишин Н. А. Естественно-научные музеи. В 2 т. // Российская музейная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 1. – С. 186–188.
5. Оккерт Д. Что случилось с легендарным хайтинским фарфором? // СМ Номер один. – 2012. – 5 апр.
6. Олейников И. В. Музей истории Иркутского государственного университета: утраченные возможности или новые шансы для возрождения традиций? // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2 (3), ч. 2.
7. Сапигев М. Н. История рождения и смерти музеев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2 (3), ч. 2.
8. Современная история Иркутской области: 1992–2012 гг. : учеб. пособие / под ред. Ю. А. Зуляра. – Иркутск, 2012. – Т. 1. – 279 с.
9. Тиханов В. В. Этнографические музеи под открытым небом: перспективы Прибайкалья // Проект «Байкал (Project Baikal)». – 2009. – № 22.
10. Труфанова Е. В Иркутске открылся музей кладоискателей // Обл. газ. – 2012. – 26 марта.
11. Фиалков В. А. Байкальский музей Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН: история, современность, будущее / В. А. Фиалков, В. И. Галкина, Н. Е. Вотякова // Науч.-ист. и культ.-образоват. потенциал сиб. музеев : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. М. Щербин. – Новосибирск, 2010. – С. 142–146.
12. Чебыкина В. Н. 35 лет Музею связи! // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2 (3), ч. 2.
13. Шахеров В. П. Социокультурные особенности сибирского города и их музейная интерпретация : из опыта работы музея истории города Иркутска // Музейная интерпретация исторических процессов. Модели XXI в. : материалы Междунар. науч.-практ. конф. гор. музеев. – М., 2001. – С. 72–77.
14. Шелегина О. Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 346. – С. 103–110.

§ 2. Охрана объектов историко-культурного наследия

Байкальский регион издавна был местом формирования и развития межнациональных и межгосударственных миграционных, экономических и культурных связей. Древнейшее прошлое края представлено крупнейшими палеолитическими стоянками Мальта, Буреть, неолитическими захоронениями глазковской и китойской культуры, наскальными рисунками в Качугском районе (Шишкинские писаницы). Так, Глазковский некрополь, открытый в Иркутске еще в 1887 г., является одним из древнейших и обширных по занимаемой площади могильников на территории Северной Азии.

На самобытность и уникальность культурного наследия Иркутска наложила отпечаток его роль форпоста на востоке России. Этот город с самого своего основания был истинно российским, хотя близость к Китаю и монгольским степям всегда придавала ему своеобразие и особый колорит. Со временем Иркутск превратился в крупнейший административный, экономический и духовно-культурный центр обширной территории от Енисея до берегов Тихого океана. Более того, он стал основной базой продвижения россиян к территориям Русской Америки.

Многообразие историко-культурных памятников региона, близость его к всемирно известному озеру Байкал делают Иркутск заметным центром туризма, в том числе международного. «Паломничество на Байкал со всего света, – отмечал В. Г. Распутин, – паломничество, то ослабевающее во дни российских неурядиц, то снова усиливающееся, идет через Иркутск. Он невольно является предуготовителем главного события накануне встречи с Байкалом, роли которого должен соответствовать, и он же принимает остывающие впечатления, которых нельзя испортить. Красота и дух Байкала должны достойно перетечь в красоту и дух Иркутска» [4, с. 543].

Иркутская область, и прежде всего г. Иркутск, обладают уникальным историко-культурным наследием, имеющим не только региональное и всероссийское, но и мировое значение. Наследие это включает в себя памятники археологии, истории и архитектуры, исторически сложившуюся планировочную структуру поселений, историко-культурные ландшафты. Сохранившаяся овеянная память является основой для возрождения исторических традиций, патриотизма и духовности в регионе, особенно среди молодежи. Актуальность сохранения и комплексной реконструкции историко-культурного наследия особенно возросла в настоящее время, когда этот ресурс приобрел экономический интерес.

Всего на территории региона насчитывается более 8 тыс. памятников. Среди них 3 924 объекта археологии и 4 496 объектов архитектуры и истории. Девять поселений области отнесены к категории исторических городов и мест Российской Федерации, в том числе города Иркутск, Нижнеудинск, Киренск, Усолье-

Сибирское, села Александровское, Бельск, Верхоленск, Урик и Усть-Куда [6, с. 64].

По данным ГИВЦ Минкультуры РФ, по количеству объектов культурного наследия Иркутская область занимает одно из первых мест по Сибири и Дальнему Востоку. В ней насчитывается около 37 % от всех памятников Восточной Сибири, или 2,2 % всего наследия России [2, с. 110–126]. Обобщенные данные о количестве объектов культурного наследия (памятников архитектуры и истории) на 2010 г. приведены в табл. 2.

Таблица 2

Объекты культурного наследия Иркутской области

| Наименование | Объекты культурного наследия, состоящие под государственной охраной | Выявленные объекты культурного наследия | Общее количество объектов культурного наследия |
|------------------|---|---|--|
| г. Иркутск | 500 (из них 64 – федерального значения) | 627 | 1 127 |
| Районы области | 86 (из них 17 – федерального значения) | 3 283 | 3 369 |
| Всего по области | 586 (из них 81 – федерального значения) | 3 910 | 4 496 |

Не менее значительно археологическое наследие региона, представленное крупными стоянками, могильными комплексами, писаницами, культурным слоем исторических поселений (см. табл. 3).

Таблица 3

Объекты археологического наследия Иркутской области

| Объекты культурного наследия, состоящие под государственной охраной федерального значения | Объекты культурного наследия, состоящие под государственной охраной регионального значения | Выявленные объекты культурного наследия | Общее количество объектов культурного наследия |
|---|--|---|--|
| 118 | 354 | 3 452 | 3 924 |

В соответствии с Законом РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1978 г. на территории региона началась работа по выявлению и составлению максимально полного реестра памятников истории и культуры. Для выполнения этой задачи при управлении культуры Иркутского облисполкома была создана производственная группа по охране и реставрации памятников истории и культуры в составе трех человек. Спустя десятилетие на ее базе был учрежден Центр по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН). Это было первое в России учреждение подобного типа. В 1990 г., используя иркутский опыт, Министерство культуры разработало типовое «Положение о научно-производственных центрах», согласно которому была проведена реорганизация органов охраны памятников истории и культуры. Основной задачей ЦСН в это время стало осуществление государственного управления и контроля в области сохранения, реставрации и использования памятников истории и культуры Иркутской области путем осуществления координационных, научных, проектно-производственных и других мероприятий [1, с. 543].

Появление этих структур позволило скоординировать работу по выявлению и учету памятников и их паспортизации на всей территории области. Для проведения масштабной работы по подготовке Свода памятников Иркутской области были организованы на хоздоговорной основе группы и лаборатории по паспортизации памятников архитектуры, истории и археологии, в составе которых принимали участие специалисты из политехнического института и государственного университета, активисты регионального отделения ВООПИК. До начала 1990-х гг. проводились экспедиционные работы во всех районах области. В результате были подготовлены каталоги и списки памятников, составлены схематические опорные планы и карты.

В 1988 г. по итогам многолетней работы по паспортизации историко-культурного наследия был составлен «Сводный список памятников истории и культуры г. Иркутска», включивший 976 позиций (1 358 объектов). В 1992–1994 гг. в области была проведена инвентаризация памятников истории и культуры в рамках правительственной программы. В результате был сформирован «Список вновь выявленных памятников истории и культуры

г. Иркутска, 1994 г.», включивший 1 175 позиций. Как видим, основную часть списков составили выявленные объекты. На их долю приходится до 60 % всех памятников г. Иркутска. Еще более сложная ситуация в области. Здесь только 2 % памятников находятся на государственной охране.

В соответствии с законодательством все выявленные объекты должны были пройти государственную экспертизу, чтобы окончательно решить, какие из них следует перевести на государственную охрану. Однако все 1990-е гг. проводилась работа только по расширению списка. На уточнение и научное изучение памятников, как правило, не хватало средств и административных ресурсов. В результате до сих пор в отношении большинства выявленных объектов архитектуры и истории не решены вопросы разграничения по собственности, не определены земельные участки и охранные зоны, да и поскольку мониторинг практически не велся, неизвестно, сколько их вообще сохранилось в регионе.

Единственный раз, в 1999 г., по распоряжению губернатора Иркутской области в связи с разграничением собственности была проведена инвентаризация недвижимых памятников истории и культуры в Иркутске. В ходе инвентаризации были уточнены адреса, в отдельных случаях – состав и наименования объектов, устранены некоторые несоответствия и повторы, имеющиеся в предыдущих списках. По итогам инвентаризации были сформированы: «Сводный список вновь выявленных объектов г. Иркутска, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность – 2000 г.» (далее СВВО-2000) и «Список памятников истории и культуры г. Иркутска, подлежащих государственной охране – 2000 г.» (далее СГО-2000). Список СВВО-2000 включил 830 позиций; список СГО-2000 – 501 позицию, и только 20 объектов культурного наследия регионального значения были рекомендованы к исключению из числа памятников. Эти списки явились основой всей работы по сохранению регионального историко-культурного наследия.

В дальнейшем работа по определению историко-культурной ценности выявленных объектов проводилась только по заявлениям собственников исторической недвижимости. Так, за период с 2000 по 2008 г. из списка «СВВО-2000» было исключено всего 232 объекта культурного наследия. В основном это касалось уже

несуществующих построек либо ошибочно внесенных в список (были и такие), а также входящих в усадебные комплексы средних сооружений (амбаров, флигелей, хозяйственных построек), утративших историческую и культурную ценность.

Как видно из приведенных выше таблиц, третья часть всего историко-культурного наследия региона находится в областном центре. Если же говорить о памятниках, стоящих на государственной охране, то здесь их будет уже подавляющее большинство (85 %). Данные об объектах культурного наследия Иркутска на начало 2010 г. приведены в табл. 4.

Таблица 4

Объекты культурного наследия г. Иркутска

| Объекты культурного наследия, состоящие под государственной охраной | Выявленные объекты культурного наследия | Общее кол-во объектов культурного наследия |
|---|---|--|
| 500 (в том числе 65 объектов федерального значения) | 628 | 1 128 |

Иркутск отличается самобытностью своей архитектуры, среди которой преобладает деревянное зодчество. Неслучайно еще в 1970 г. он был признан историческим городом, имеющим ценные градостроительные ансамбли и комплексы, природные ландшафты и древний культурный слой. Статус Иркутска как исторического города неоднократно подтверждался в дальнейшем [3, с. 16].

В центральной части города сохранились старинные улицы, площади и кварталы деревянной застройки. Историческая часть города занимает около 5 % от площади застроенной городской территории и является единственной в Сибири сохранившей в полном объеме свою планировочную структуру. По степени насыщенности усадебной застройки еще в 1970-х гг. в городе были определены как заповедные две зоны («Декабристы в Иркутске» и «Желябовский комплекс») и пять улиц с каменной и деревянной застройкой (К. Маркса, Ленина, Урицкого, Грязнова, Б. Хмельницкого). На них сосредоточено 198 объектов культурного наследия, в том числе до трети всех памятников федерального значения, столько же регионального значения и всего 8 % вновь выявленных памятников. Эти заповедные улицы и зоны

располагают уникальными и разнообразными памятниками, что делает их весьма перспективными в деле развития туризма.

Уникальна не имеющая аналогов по количеству, составу, конструктивным и стилистическим характеристикам деревянная застройка, определившая облик и своеобразие исторического Иркутска. В городе более 600 памятников деревянной архитектуры. Еще около 100 построек относятся к смешанному типу (дерево – камень). «Дерево, – по словам В. Г. Распутина, – недолговечно, но оно имеет редкую способность продлевать нашу память до таких глубин и событий, свидетелями которых мы не могли быть. Лучше сказать: это способность передавать нам память предков. Камень более недвижим и холоден, дерево податливо и ответно чувству» [4, с. 240].

Массовое деревянное строительство Иркутска во второй половине XIX в. вызвало к жизни целый ряд планировочных и декоративных приемов жилого дома, разнообразие которых было обусловлено различным материальным уровнем, вкусом и общественным положением заказчиков. Особое внимание уделялось уличным фасадам, призванным быть воплощением приличия и достатка. Декоративное убранство строений выражалось прежде всего в оформлении оконных проемов. Разнообразием декора наличников Иркутск выделялся из всех сибирских городов. Особую славу деревянному декору города создавали барочные наличники с волютами, превращавшие плавные и простые формы прорезки в сложный и прихотливый узор растительного орнамента. В деревянных кружевах города чувствуются душа мастера, его мастерство и эстетический идеал. Кружева эти созданы, по словам В. Г. Распутина, «на радость людям, до сих пор, несмотря на полный век свой, они эту радость и приносят» [4, с. 234]. Иркутская деревянная жилая застройка, исключительно многообразная и самобытная, представляет собой большую историко-архитектурную ценность. Основные ее приемы и элементы восходят к северорусским традициям деревянного зодчества, но в деревянном декоре Иркутска сквозит и причудливый восточный колорит, привнесенный близостью Китая и монгольских степей.

Казалось бы, уникальность наследия должна была стать основой для наиболее полного сохранения культурного потенциала в условиях дальнейшего развития города. Этого, к сожалению, не

произошло. Исторический центр Иркутска, чудом сохранившийся в годы активных социалистических реконструкций, к концу XX в. начал стремительно деградировать и ветшать. Сегодня большая часть жилого и нежилого фонда исторической застройки находится в неудовлетворительном состоянии. На состояние деревянной исторической недвижимости влияют физический износ материалов, связанный с «возрастом» памятников и неправильной их эксплуатацией, загрязнение земли и атмосферы, вибрация, подтопление, несоответствующее функциональное использование, слабая адаптированность к современным условиям эксплуатации. Природно-климатические условия эксплуатации и просто неправильная эксплуатация вызывают преждевременное старение материалов, утрату их несущей способности и архитектурного облика, разрушение основных конструкций. Причинами неудовлетворительного состояния большинства памятников деревянного зодчества в Иркутске стало не только их большое количество и техническое состояние, но и бездействие властей всех уровней в 1990-х гг. Например, именно в эти годы власти Томской области и города определили список памятников муниципального значения, учредили управляющую компанию «Томск исторический», разработали программу сохранения деревянного зодчества и смогли произвести комплексную реставрацию нескольких исторических улиц города.

В Иркутске, к сожалению, подобного взаимодействия региональных и городских властей в деле сохранения памятников не произошло, хотя и были для этого возможности и серьезные основания. Еще в 1997 г. исторический центр Иркутска привлек внимание специалистов и экспертов ЮНЕСКО. Он был включен в «Список 100 объектов, находящихся в наибольшей опасности», и с целью привлечения внимания российской и мировой общественности был рекомендован в «Предварительный список всемирного наследия по Российской Федерации» как уникальный градостроительный комплекс памятников археологии, истории, архитектуры деревянного и каменного зодчества. Составление подобного «Списка» являлось частью программы «Всемирное наблюдение за памятниками». Наследие города характеризовалось в документе следующим образом: «Живописные деревянные дома Иркутска сильно выделяются на фоне зачастую серого сибирско-

го пейзажа. Большинство из до сих пор сохранившихся строе- ний – это двухэтажные дома с замысловатыми фасадами и время от времени встречающимися балкончиками... Деревянный центр испытывает все воздействия центрального города и является ми- шенью для развития недвижимости, и постепенно деревянные дома сносятся, и на их смену встают простые бетонные сооруже- ния. В городе еще остались искусные ремесленники, и несколько домов уже было отреставрировано...». К этому же времени отно- сится рекомендация НИИ наследия им. Д. С. Лихачева превра- тить центральную часть города в историко-культурный заповед- ник. В 2001 г. Иркутск и область вступили в состав членов Рос- сийского союза исторических городов и регионов [3, с. 16–17]. Тогда же в соответствии с контрактом между московским бюро ЮНЕСКО и специально созданной научно-производственной компанией «Три века» были разработаны предложения к страте- гии сохранения и развития исторического центра Иркутска. Вре- менный творческий коллектив, созданный для разработки проек- та, включал известных архитекторов, искусствоведов, транспорт- ных инженеров, экономистов из администрации города, ЦСН, Иркутского технического университета и ряда проектных инсти- тутов. Итоговый отчет был подготовлен к 340-летию Иркутска и получил высокую оценку европейских специалистов из штаб- квартиры ЮНЕСКО в Париже. В 1998 г. было принято решение о создании муниципального учреждения «Дом Европы», целью ко- торого было содействие установлению, развитию и укреплению международных связей между г. Иркутском и странами Европы, в первую очередь в деле сохранения и приведения в порядок ис- торического наследия. Это было единственное подобное учреж- дение за Уралом. По инициативе французской ассоциации сохра- нения мировых памятников для размещения «Дома Европы» был предложен один из ярчайших памятников деревянного зодчест- ва – Дом купцов Шастиных, более известный под названием «Кружевной дом». Со временем вокруг него был создан целый комплекс из нескольких отреставрированных деревянных особ- няков. К сожалению, уже в начале 2000-х гг. из-за экономических сложностей и отсутствия поддержки городской власти диалог с европейскими фондами и специалистами постепенно прекратил- ся. Вхождение в список ЮНЕСКО требовало значительных га-

рантий и усилий от администрации города, к чему ни она, ни областные власти оказались совершенно не готовы. Дальнейшая проработка вопросов сохранения наследия в начале 2000 г. почти остановилась, а комплекс «Дома Европы» со временем превратился в банальный центр приемов зарубежных делегаций с залом заседаний, гостиницей и кафе. Лишь в последние годы в него включили после реставрации два деревянных особняка, в которых разместились филиалы Музея истории г. Иркутска: Музей городского быта и Музей чая.

Деградация деревянного центра напрямую отражается на внешнем виде города, качестве и условиях его жизнедеятельности, потере имиджа и утрате традиций столичного центра среди других городов Сибири. Все это Иркутск уже в полной мере ощутил. Восстановление исторического наследия должно стать одним из приоритетов стратегии развития областного центра. Но никакой бюджет не в состоянии восстановить в обозримое время такое количество памятников архитектуры. Разработчики Проекта охранных зон г. Иркутска подсчитали, что на то количество, которое они рекомендуют оставить в реестре (ок. 800 объектов), необходимо не менее 20 млрд руб. Это в ценах 2006 г. без учета стоимости расселения и подключения к сетям. То есть реальная цифра раза в два больше.

Реставрационно-ремонтные мероприятия с приспособлением зданий для современного использования ведутся только по отношению к единичным объектам, представляющим значительную историко-культурную ценность. Основная масса объектов деревянного зодчества еще только ждет проведения ремонтных и противоаварийных работ в целях улучшения их внешнего облика и предотвращения разрушения. В неудовлетворительном состоянии в 2009 г. в Иркутске находилось 224 объекта, в том числе 89 – в аварийном и руинированном, утрачено и демонтировано 28, в стадии реставрации – 18, еще 15 объектов демонтировано для переноса и восстановления на новом месте.

Проблема сохранения деревянного наследия напрямую связана с несовершенством правовой базы. В соответствии со ст. 48 ФЗ № 73 ответственность за содержание и техническое состояние памятника возложена на собственника или пользователя. Почти 70 % всей исторической деревянной застройки Иркутска прихо-

дится на жилые дома, находящиеся в муниципальной и частной собственности. При этом количество собственников таких объектов постоянно растет за счет приватизации. Поэтому наиболее проблемными являются деревянные жилые дома – памятники, массовая приватизация квартир в которых не привела к обретенной ими «хозяйина». Владельцы квартир в таких домах не в состоянии их привести в порядок, тем более отреставрировать. Взыскание неустоек с частных лиц за невыполнение мероприятий по сохранению памятника охраняемыми обязательствами не предусматривается. Возможно только предъявление исков в судебном порядке за нанесение ущерба объектам культурного наследия. Но пока успешно завершился только один процесс по поводу изъятия у собственников одного из старейших объектов деревянного зодчества в Иркутске – Дома Шубина.

Во всем мире объекты культурного наследия, расположенные в историческом центре, являются престижным видом недвижимости. У нас же до этого далеко. Дело в том, что мнение о нерентабельности вложения средств в ветхие и старые здания складывалось десятилетиями. Долгие годы сохранение наследия лежало только на плечах государства. Но ни одна, даже самая богатая страна не в состоянии за счет бюджетных средств содержать все памятники. В других странах это бремя совместно несут государство, общественные организации, фонды, трастовые компании, частные лица. В России же цивилизованный рынок исторической недвижимости только начинает складываться. Необходимо сконцентрировать инвестиции в самых привлекательных территориях, сбалансировать расходы бюджета на развитие инфраструктуры за счет эффективных проектов, создать на выбранных площадках качественно новую среду, которая в свою очередь инициирует развитие окружающей территории. Таким образом, задачей реконструкции исторического квартала является не только сохранение физического бытия памятника, но и активное вовлечение его в современную жизнь, определение его места в системе функций живого, развивающегося ядра исторического центра Иркутска. А это возможно только с принятием государственной и муниципальной программ сохранения историко-культурного наследия и созданием механизмов привлечения инвесторов, стимулирования частных собственников путем установления льгот и компенсаций вложенных в реставрацию средств.

В середине нулевых годов наметились серьезные сдвиги в деле сохранения наследия в Иркутской области. Связаны они были с введением в действие в 2002 г. ФЗ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Новый закон ввел целый ряд важных новых понятий и норм, предопределяющих регламентацию охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия. Однако его полноценное практическое использование требовало разработки и утверждения нескольких подзаконных актов, в частности положений о едином государственном реестре, государственной историко-культурной экспертизе и др. К сожалению, все эти акты были подготовлены и введены в действие только в 2009–2010-х гг.

В соответствии с новым законом в 2005 г. функции по государственной охране объектов культурного наследия были переданы вновь созданному Комитету по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Он же стал учредителем ЦСН, который превратился в областное учреждение, выполняющее услуги населению в сфере согласования документов по сохранению объектов культурного наследия и сделок по земле, а также выступающее заказчиком по реставрации памятников архитектуры, принадлежащих области [1, с. 544]. В развитие федерального законодательства был принят новый вариант регионального Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации в Иркутской области» и Закон «Об административной ответственности за нарушение требований сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия регионального значения, местного (муниципального) значения, их территорий и зон охраны в Иркутской области».

В 2006 г. распоряжением губернатора области «О мониторинге и инвентаризации объектов культурного наследия» были начаты работы по инвентаризации памятников Иркутской области. В первую очередь обрабатывался список вновь выявленных объектов областного центра. В районах области инвентаризация затронула только Иркутский, Шелеховский, Усть-Илимский, Слюдянский районы. Для координации работы по сохранению памятников был создан Совет по наследию при губернаторе.

Даже администрация Иркутска не осталась в стороне от этого движения. В городе была разработана и утверждена программа возрождения и сохранения объектов культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности, на 2009–2013 гг. Настоящим событием стало разработка нового генерального плана развития Иркутска и проекта охранных зон в его составе. После утверждения этих документов в 2008 г. началась работа над проектами детальной планировки городских округов. Более того, в рамках территориального планирования области во всех районах в генеральные планы поселений должны были быть включены данные о памятниках и о связанных с ними ограничениях. Правда, следует отметить, что работа по территориальному планированию в регионе была пущена на самотек и до настоящего времени далека от завершения.

Конечно, причиной активизации работы с памятниками был приближающийся 350-летний юбилей областного центра. Пытаясь придать работе в данном направлении более эффективный характер, областные власти стали активнее привлекать специалистов и экспертное сообщество. Совместно с московским Национальным центром опеки наследия были подготовлены предложения по комплексной реконструкции исторической части Иркутска. В апреле 2009 г. между центром и правительством области был заключен договор о сотрудничестве, речь шла даже о создании филиала Центра в Иркутске. Эти наработки и предложения специалистов позволили подготовить Концепцию проекта программы сохранения и развития исторической части г. Иркутска и Комплексный план мероприятий правительства Иркутской области по сохранению объектов деревянного зодчества.

К сожалению, очередная смена губернатора Иркутской области привела сначала к остановке всех работ, а затем к изменению самого подхода. Вместо системной и долговременной работы по реализации комплексного плана новая администрация взяла курс на масштабные и популистские проекты. Примером подобного подхода стал проект комплексной регенерации 130-го квартала в границах улиц 3 Июля, Седова, Кожова, получивший название «Иркутская слобода». Ранее это была неблагоустроенная деревянная застройка с участками хозяйственного назначения и огородами. Сам квартал расположен в стороне от исторической

части Иркутска. Здесь насчитывалось всего семь объектов, находящихся под государственной охраной, что также облегчало работу по его воссозданию. Согласно проекту новый «исторический» квартал должен был взять на себя функции культурно-досугового центра, стилизованного под дореволюционную застройку.

Стоит отметить, что этот проект, безусловно, стал очень значимым как для Иркутска, так и для всей страны в целом. Так, по версии мирового портала недвижимости, иркутский 130-й квартал занял второе место в рейтинге самых значимых архитектурных проектов России в 2012 г. Согласно проекту, в квартале по периметру должны были быть отреставрированы деревянные дома, имеющие историческую ценность. Кроме того, в новоделе были восстановлены 16 утраченных зданий и несколько перенесены из других районов города. По задумке проектировщиков, в них должны были расположиться кузнечные и гончарные мастерские, музеи, сувенирные лавки, кафе, рестораны. По всей территории квартала создана пешеходная улица, разбиты скверики и аллеи. К сожалению, уже при строительстве квартала были допущены значительные отклонения от проекта. В итоге то, что было создано, во-первых, не соответствует внешнему виду исторического Иркутска, а во-вторых, объекты восстановлены в виде новоделов, зачастую плохого качества, несмотря на вложение огромных средств. Распространенная в последние годы практика «иркутской реставрации» с использованием железобетона и строительства новых срубов из квадратного бруса, конечно, не имеет ничего общего с воссозданием исторического облика Иркутска. Это так называемая реконструкция, когда объекты культурного наследия уничтожаются, а на их месте возводятся муляжи, внешне копирующие облик здания-предшественника, но оборудованные по современным технологиям и не имеющие никакой исторической ценности. Польза от них такая же, как от время от времени появляющихся сомнительных предложений перенести деревянную застройку исторической части города в архитектурно-этнографический музей «Тальцы» и, тем самым, освободить центр для новых архитектурных «шедевров». Диссонансом в квартале выглядит мост от Музыкального театра, по другую сторону которого возведен огромный торговый комплекс.

Таким образом, ни юбилей Иркутска, ни утвержденный ПОЗ города, ни проект корректировки Генплана не дали четкого ре-

шения вопроса сохранения деревянной застройки Иркутска. Нельзя таковым считать и реконструкцию 130-го квартала, которая никоим образом не решила задачу сохранения деревянного зодчества Иркутска, более того, отодвинула ее на неопределенное время. Очередная смена губернаторов вообще привела к заметному спаду активности в этой сфере. Новая власть сразу и резко отмежевалась от проекта «Иркутская слобода», справедливо считая, что он стал чисто коммерческим и не вписывается в исторический облик города [5]. К сожалению, никаких новых проектов и предложений по оптимизации и улучшению работы с историческим наследием города предложено не было. Вместо этого была спровоцирована затяжная борьба с активом регионального отделения ВООПИК за ледокол «Ангара», еще в 1980-е гг. им спасенный и отреставрированный. Затяжные судебные заседания по выселению с ледокола единственной общественной организации, занимающейся контролем в сфере сохранения наследия, дискредитация ее деятельности в средствах массовой информации окончательно отвлекли внимание городского сообщества от проблем сохранения исторического наследия области.

У руководства Службой и ЦСН в последние годы оказались не профессионалы, а так называемые эффективные менеджеры, превратившие госорган в обычную контору по оказанию услуг населению. В результате прекратил свою деятельность не только Совет при губернаторе, но и научно-реставрационный совещательный орган самого госоргана. Была свернута работа по инвентаризации памятников области и научного определения их состояния и ценности. Службу покинули многие специалисты. Полностью сошло на нет направление, связанное с популяризацией наследия. В прежние годы издательская деятельность ЦСН считалась одной из наиболее эффективных в Сибири. Заслуженной популярностью пользовались такие издания, как «Иркутск на почтовых открытках», «Земля Иркутская, деревянная...», «Иркутск: события, люди, памятники» и др. Особенно жаль журнал «Земля Иркутская», учрежденный ЦСН еще в 1994 г. и за годы своего существования ставший одним из ведущих краеведческих изданий Сибири. Он становился лауреатом премии губернатора (2002 г.), а в 2010 г. получил почетный диплом «Победитель российского конкурса краеведческих периодических изданий». Но

самое главное – он превратился в настольную книгу для тысяч любителей местной истории по всей области.

Справедливости ради следует отметить, что подобный бюрократический подход сложился в последние годы и на федеральном уровне. Примером может послужить судьба Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Росохранкультура), созданной в 2004 г. Однако самостоятельный федеральный орган контроля за состоянием памятников оказался не нужным власти и уже в 2011 г. был упразднен. Функции ведомства вновь были переданы Министерству культуры. Эксперты в сфере охраны памятников скептически высказались по поводу ликвидации ведомства, указывая на то, что у Минкульта и так широкий круг задач, а значит, вопросы защиты и охраны культурного наследия так или иначе не будут для него основными. С учетом того, в каком плачевном состоянии уже сегодня пребывают десятки, если не сотни тысяч, памятников по всей стране, ситуация в регионе не вызывает особого оптимизма.

Подлинное отношение государства и бизнеса к собственному наследию ярко проявилось на последней стадии строительства Богучанской ГЭС. Вопреки действующему законодательству и многочисленным ходатайствам ученых и общественности масштабные работы по спасению археологических объектов в зоне затопления проведены не были. Только в иркутской зоне затопления из 62 выявленных объектов археологического наследия (могильники, стояночные комплексы) под воду уйдут 56.

Масштабные задачи восстановления наследия региона сдерживаются очень слабым состоянием реставрационного дела. За последние десятилетия мы потеряли многое из того, чем раньше гордились. Отсюда низкое качество реставрационных работ в целом. Особенно болезненной явилась ликвидация ремонтно-реставрационной базы в лице Специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (СНРПМ), силами которой было восстановлено несколько десятков объектов культуры в 1980–90-х гг. Несмотря на то что лицензию на работы с объектами культурного наследия имеют более десятка иркутских строительных фирм, реально участвуют в конкурсах и аукционах всего несколько подрядчиков. Ощущается дефицит про-

ектировщиков и конструкторов, катастрофически не хватает специалистов-реставраторов среднего и низшего звена, что приводит к использованию на сложных реставрационных объектах, таких как храмы и памятники деревянного зодчества, рабочих из ближнего и дальнего зарубежья. Сохранение историко-культурного наследия неразрывно связано с возрождением реставрационного дела, созданием специальных учебных заведений для подготовки мастеров, подготовки и переподготовки кадров реставраторов. К сожалению, все попытки привлечения мастеров и экспертов из-за рубежа пока закончились неудачно. Так, не удалось реализовать интересный проект создания международной летней реставрационной школы в Иркутске с участием французских и немецких специалистов.

В последние время, правда, наметилось некоторое улучшение работы по сохранению памятников деревянного зодчества в Иркутске. Положительные наработки, связанные с реализацией проекта «Иркутская слобода» в части сотрудничества власти и бизнеса, были взяты на вооружение ОАО «Агентство развития памятников Иркутска», учрежденного администрацией г. Иркутска в 2012 г. Фактически Агентство уполномочено выполнять функции заказчика-застройщика на объекты культурного наследия, находящиеся в собственности города. После расселения жителей здания-памятники передаются Агентству, которое осуществляет поиск инвесторов и меценатов для восстановления и приспособления исторических зданий к современному эффективному использованию. Только после реставрации инвестор сможет получить эту историческую недвижимость и земельный участок в полную собственность. Пока началась реставрация нескольких объектов в центральной части города, но в планах Агентства реставрация более 40 зданий.

Одной из действенных мер комплексного сохранения объектов культурного наследия могла бы стать их музеефикация в исторической среде и в рамках сохранившегося историко-культурного ландшафта. К сожалению, подобных музеезаповедников в России вместе с мемориальными усадьбами всего 144, а в Сибири вообще единицы [6, с. 63]. Практически провалилась, не успев начаться, программа Министерства культуры по созданию системы заповедных мест во всех субъектах Россий-

ской Федерации. В Иркутской области нет ни одного подобного музея-заповедника. С конца 1940-х гг. обсуждался вопрос о музеефикации уникального комплекса «Шишкинские писаницы» на Верхней Лене. Несмотря на их разрушение и варварское отношение «диких» туристов, ничего сделано не было. Не одно десятилетие ведутся разговоры о необходимости создания музея-заповедника на базе всемирно известного могильного комплекса «Глазковский некрополь», датируемого VII тысячелетием. Указом Президента РФ № 176 от 20 февраля 1995 г. он был отнесен к объектам федерального значения, на территории которых запрещены любые строительные работы кроме музеефикации.

Еще в 1991 г. предполагалось включить вопрос о создании консервационно-музейных сооружений на базе Глазковского некрополя в культурную программу взаимоотношений России и Японии. Были получены положительные заключения Министерства культуры РСФСР и Министерства иностранных дел РСФСР. Однако по ряду причин программа Россия – Япония не была подписана. В дальнейшем иркутские археологи и общественность неоднократно обращались к региональным властям с предложениями по музеефикации памятника и принятию мер по предотвращению его разрушения. Был даже разработан эскизный проект генплана парка и музейного комплекса, который представлялся на III Байкальском экономическом форуме в г. Иркутске и на стенде Иркутской области на международной выставке в Каннах.

Еще одним уникальным комплексным объектом исторического и природного наследия является Кругобайкальский участок Транссибирской железнодорожной магистрали (КБЖД). По степени насыщенности инженерными и архитектурными сооружениями этот участок стоит в одном ряду с уникальными железными дорогами мира. Этот комплексный объект федерального значения насчитывает около 800 памятников. Но и здесь камнем преткновения являются вопросы собственности. На территории КБЖД находятся земли РЖД, Прибайкальского национального парка и муниципальных образований Слюдянского района. Разграничения между ними отсутствуют, что заводит в тупик все предложения по созданию здесь музея-заповедника. А ведь уникальные по красоте ландшафты и живая природа южного побережья Байкала в сочетании с инженерными решениями и соору-

жениями являются бесценным рекреационным ресурсом для развития культурно-познавательного туризма. Буквально в последние годы областные власти, наконец, определились с местом размещения особой экономической зоны туристско-рекреационного типа на юге Байкала, в связи с чем, возможно, последуют позитивные изменения в судьбе «золотой пряжки Транссиба».

Анализ состояния работы по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области в последние десятилетия показывает, что эти сложные и многогранные задачи возможно решить только объединив усилия региональной и муниципальной власти с творческим потенциалом специалистов вузов и проектных организаций, широких кругов общественности. Необходимы совместные инициативы и предложения при решении таких безотлагательных проблем, как утверждение концепции и программы сохранения исторического центра города и развития на этой основе туристического потенциала, оптимизация реестра памятников, в котором должны остаться объекты, действительно имеющие историко-культурную и научную ценность, популяризация наследия и формирование общественного мнения в поддержку его сохранения, эффективная работа по привлечению застройщиков и инвесторов к реставрации объектов культурного наследия, разработка механизмов реализации программ сохранения исторической части Иркутска, совершенствование реставрационного дела в регионе.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте характеристику историко-культурного потенциала Иркутской области.
2. Нерешенные проблемы музеефикации объектов культурного наследия региона.
3. Дайте характеристику эффективности системы государственной охраны памятников Иркутской области в современных условиях.
4. Роль общественных организаций в деле сохранения регионального наследия.
5. Дайте характеристику памятников архитектуры Иркутской области.
6. В чем состоит уникальность деревянной исторической застройки г. Иркутска?
7. Роль заповедных зон и улиц в сохранении деревянного зодчества Иркутска.
8. Археологические памятники Иркутской области.
9. Когда и почему Иркутск был отнесен к историческим городам?

10. Роль историко-культурного наследия в развитии туристического потенциала региона.
11. Региональное законодательство в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия.
12. Проблемы сохранения наследия комплексных памятников на примере Кругобайкальской железной дороги.
13. Памятники истории и культуры г. Иркутска.
14. «Иркутская слобода» – за и против.
15. Причины неудовлетворительного состояния деревянной застройки Иркутска.
16. Охарактеризуйте современное состояние работы по популяризации историко-культурного наследия в Иркутской области.

Литература

1. Иркутск: историко-краеведческий словарь. – Иркутск : Сиб. кн., 2011. – 596 с.
2. Культурное наследие России и туризм. – М. : [б. и.], 2005. – 172 с.
3. Литвинов Б. Проект ЮНЕСКО в Иркутске // Земля Иркутская. – 2002. – № 1 (18).
4. Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2006. – 576 с.
5. Рютина К. Перезревшие вопросы // СМ Номер один. – 2012. – № 48. – 6 дек.
6. Шахеров В. П. Сохранение историко-культурного пространства Иркутской области как фактор социально-экономического развития региона // Наследство и современность : информ. сб. – М., 2007. – Вып. 14. – С. 63–75.

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

§ 1. Трансграничные мигранты в городском пространстве

Историю региона можно – и нужно – рассматривать с различных позиций, применять максимально разнообразную исследовательскую оптику. Чрезвычайно важно изучать регион как административную единицу, понимая регион как население территории, объединенное и управляемое некой властной структурой. Тогда в треугольнике *территория – население – власть* на первом плане будет, естественно, власть как организующий, направляющий и управляющий элемент конструкции. Однако регион может рассматриваться и как историко-культурная провинция, обладающая спецификой уклада и образа жизни людей. Эта специфика формируется всей жизнью, деятельностью, особенностью социальных связей предшествующих поколений людей, населявших эту территорию. Важной ее составной частью является и региональная самоидентификация людей, взгляд на себя и окружающих в том числе и как на представителей особого сообщества.

Исходя из этого, Прибайкалье можно рассматривать как Иркутскую область (исторически – Иркутскую губернию) [14], а можно видеть в нем часть Азиатской России, историко-культурной провинции, чьей важнейшей характеристикой является переселенческий характер общества. При таком подходе на первый план исследовательского внимания сразу выходит проблема миграции, мигрантов, их роли в обеспечении развития, да и самой жизнедеятельности сибирского общества как переселенческого, сложившегося в ходе многовекового синтеза гетерогенного переселенческого населения с не менее разнородным аборигенным. Миграции всегда были, есть и останутся в обозримом будущем жизненно важным фактором формирования, развития, самого его существования. Они динамично определяли – и будут опреде-

лять – ключевые параметры и характеристики этого общества. Учитывая же экономическое и геополитическое место региона в России и в мире, динамика его этнокультурного развития – это проблема общемирового значения.

Поэтому совершенно не академичен вопрос – вносят ли постсоветские миграции нечто принципиально новое в развитие переселенческого общества востока России, заложена ли в них потенция к его радикальному изменению. Мощные потоки трансграничных миграций из «старого» и «нового» зарубежья сформировали в России совершенно новый элемент экономической, социальной, общественно-политической жизни. Россия превращается в страну мигрантов, и ее общество под воздействием этого неизбежно меняет свой облик. Это сложный, чрезвычайно болезненный процесс, требующий, помимо всего прочего, постоянного мониторинга и тщательного анализа. Особенного внимания заслуживает ситуация в Сибири, шире – на востоке России. В современной «Азиатской России». И не только потому, что она непосредственно граничит с основными миграционными донорами – Китаем и Центральной Азией. Сюда и через нее текут оттуда полноводные миграционные потоки. Хотя и этот аспект проблемы чрезвычайно важен.

Некоторые параметры новизны очевидны, и они, так или иначе, подвергаются рефлексии в обыденном сознании, общественно-политических дискуссиях и научных исследованиях. Уникальны масштабы миграционных потоков, их динамика и растущая зависимость от них принимающего общества. Уникальна роль трансграничных трудовых миграций – никогда Россия не принимала столько мигрантов из-за рубежа. Иностранное происхождение мигрантов означает не только высокую степень их культурной чужеродности, но и возможное наличие привнесенных с родины и/или выработанных в процессе миграции механизмов социальной организации, власти, контроля и регулирования, трудно совместимых с российскими реалиями. Не говоря уже о сложнейших проблемах их правового статуса, натурализации.

За спинами мигрантов (особенно китайских) очень многим постоянно видится страна их исхода, представляющая в глазах значительной части общества реальную или потенциальную угрозу. Диапазон этих представлений велик – от вполне рациональ-

ного анализа интересов, ресурсов, тенденций внутренней и внешней политики до иррациональных страхов и фобий. Наличие такой настороженности (вне зависимости от степени ее обоснованности) также является важнейшим фактором современной миграционной ситуации и общественно-политических настроений в обществе вообще.

Однако объект внимания данной главы несколько иной. Ее основная задача – посмотреть, изменилась ли, а если изменилась – то как, городская среда региона под воздействием миграционного фактора. Появились ли новые элементы городского пространства, если да – каковы их функции, механизмы формирования, логика взаимодействия с городским сообществом и отдельными его структурами и сегментами.

Особую важность этому объекту исследования придает преимущественно городская направленность современных миграционных потоков вообще и трансграничных в особенности. В этом принципиальное отличие от дореволюционной ситуации, когда аграрная миграция играла огромную роль, когда значительная масса мигрантов деревенского происхождения формировали сельское население и на новом месте. Это предполагало возможность и необходимость трансплантации привычного уклада жизни, хозяйственных практик и традиций, групповой, общинной модели социальной организации. С другой стороны, их приток часто увеличивал давление на ограниченные по условиям природные ресурсы и провоцировал борьбу за них. В условиях этнической и культурной чужеродности новичков эта борьба могла принимать форму межэтнических конфликтов.

Город же куда более анонимен и индивидуалистичен, чем деревня, основной ресурс в нем – не природный, а создаваемый людьми, сами эти люди. Следовательно, массовый приток сюда новых людей может и не вести к усилению конкуренции и борьбе за ресурсы.

При этом необходимо учитывать, что и без мигрантов город качественно меняется в постсоветскую эпоху. Диапазон перемен огромен – от элементов нового архитектурного облика до качественных изменений в социальной структуре и организации. Заметные сдвиги наблюдаются и в самих функциях городов, в их роли в жизни страны в целом.

Основная гипотеза этой главы состоит в том, что в результате массовых трансграничных миграций возник новый сегмент

городского пространства в городах Сибири. И так как город – это не просто конгломерат зданий, сооружений и коммуникаций, а чрезвычайно сложная система человеческих и социальных связей и отношений, то можно выделить несколько сторон, составляющих этого нового феномена. Они находятся друг с другом в очень сложных связях и взаимозависимостях.

1. Точка отсчета. Особенности исторической традиции

Несмотря на новизну феномена, он накладывается на уже существующую историческую традицию, в чем-то продолжая ее, в чем-то меняя. Новизна феномена определяется и уникальностью роли именно трансграничных миграций, и особенностями этносоциального и политического развития позднеимперской и социалистической эпох.

В дореволюционную эпоху иноэтничные и инорелигиозные (относительно русского и православного большинства) мигранты могли быстро растворяться в общей городской среде, а могли и формировать в ней свои особые сегменты. Это могли быть религиозные общины с собственной развитой инфраструктурой (храмы, кладбища, школы, благотворительные учреждения, институции), места жилищной концентрации, особые экономические ниши, особый юридический статус и т. д. Это вполне органично вписывалось в общий сословный тип организации общества вообще и городского пространства в частности.

Трансграничные миграции, представленные китайцами и корейцами («желтыми») – в преобладающих представлениях и категориях той эпохи), привели к формированию мест их жилищной и деловой концентрации («китайские слободки», «китайские кварталы»), особому типу их экономической деятельности, образованию специфических экономических ниш. Специальные правовые режимы для мигрантов подкреплялись эффективным функционированием мощных общинных структур, которые осуществляли помимо этнокультурных и конфессиональных функций еще и задачи внутреннего контроля, регулирования, социального контроля и санкций. Огромная по масштабам Дальнего Востока численность мигрантов, полная экономическая зависимость от них региона, соседство «спящего гиганта» – Китая и динамично развивающейся и агрессивной Японии вели к тому, что мигранты постоянно присутствовали в информационном пространстве страны, были предметом постоянных дискуссий, идеологической и политической борьбы, административных практик и законодательства.

Однако советская эпоха, особенно со времен «великого перелома», привела к радикальному изменению ситуации. Трансграничные мигранты были частично выдвинуты за границу, частично подвергнуты репрессиям (аресты, коллективные депортации и т. д.). Они исчезли из жизни страны вообще и городского пространства в частности. Остались только в быстро ослабевающей исторической памяти. Противоречивые эксперименты в области «национального строительства» исключали возможность этнической самоорганизации и нормальной религиозной жизни. Этнические проблемы считались неудобными для публичного обсуждения и рефлексии. Принадлежность к некоторым этническим группам, тем более манифестация такой принадлежности, могли доставить крупные жизненные неприятности (вплоть до коллективных репрессий по отношению к немцам во время Второй мировой войны). Государство, осуществляя крупные внутригосударственные миграционные проекты на востоке страны, выработало и эффективные формы и механизмы адаптации мигрантов, препятствующие развитию их коллективной субъектности и возможности самоорганизации. Только к концу советской эпохи возобновляется (и то в крайне ограниченных размерах) деятельность синагог и мечетей, маркирующих не только конфессиональные, но и этнические элементы городского пространства.

В качестве нового – и в перспективе чрезвычайно значимого – этнического и миграционного сегмента городского пространства позднесоветских сибирских городов стало появление на их «колхозных рынках» торговцев овощами, фруктами и цветами из различных регионов Северного Кавказа и особенно Закавказья. В массовом сознании принимающего общества они были выделены (и тогда уже стигматизированы) как «кавказцы» или «лица кавказской национальности». Полулегальная рыночная специализация, осуждаемая массовым общественным мнением и официальной идеологией рыночная ментальность и образ жизни, выделяющийся стиль поведения в сочетании с непривычными этнокультурными элементами сделали их предметом пристального и недоброжелательного общественного внимания. Формируются элементы того феномена, который позднее стал называться «кавказофобией» [11, с. 461–468].

В целом же присутствие мигрантов в городском пространстве советского сибирского города было сведено к исчезающему

минимуму, что находилось в разительном контрасте с эпохой поздней Империи. Хотя отдельной проблемой в этом смысле являются города, полностью созданные мигрантами – это новые города при огромных стройках (типа Усть-Илимска, Саянска). Но это были мигранты внутренние, причем этнически разнородные. Таким образом, современный город в своем развитии получил крайне противоречивое наследие и разнонаправленные традиции. При этом дореволюционная традиция осталась только в исторической памяти и мифологии.

2. «Гнезда». Проблема экономической и жилищной сегрегации мигрантов

Массовое присутствие трансграничных мигрантов в современных сибирских городах, огромное значение в их жизни диаспоральных практик адаптации через опору на группу и ее ресурсы привели к формированию ими специфических анклавов в городском пространстве. Иногда это видимые при непосредственном наблюдении и соответствующим образом называемые, иногда виртуальные, но при этом вполне реальные и эффективно функционирующие феномены.

Начнем с вещей очевидных, с тех элементов присутствия мигрантов, которые видны и/или которые маркируются в качестве таковых жителями города. Речь идет прежде всего о видимых, территориально локализованных, местах концентрации мигрантов, связанных со спецификой их жизни и трудовой деятельности.

И по значимости для жизни города, и по видимой открытости и заметности, и по интенсивности реакции на их присутствие стоит начать этот анализ с **«этнических», прежде всего «китайских рынков»** [7; 12; 18; 20–22]. Их появление стало результатом взаимодействия нескольких мощных процессов. Распад советской системы снабжения, интенсивное формирование рыночной экономики привели к тому, что огромную роль в экономической жизни и системе жизнеобеспечения города стали играть розничные и мелкооптовые открытые рынки. Их историческими предшественниками были «колхозные» продуктовые и вещевые рынки («барахолки»). Сюда устремилась и деловая энергия значительной части трансграничных мигрантов. Очень быстро их присутствие вылилось в переформатирование старых рынков на этнической основе (формирование в них китайских, вьетнамских,

киргизских, кавказских и т. д. рядов) и в образование новых сразу на этнической основе.

Часто (хотя и не всегда) они имели «говорящие» названия – «Шанхай» (или «шанхайка»), «Маньчжурия», «Китайский рынок» в Иркутске например. Их «китайскость» определялась прежде всего соответствующим взглядом горожан, хотя практически всегда на них торговали и не китайцы. Этот взгляд формировался не случайно. Базовыми элементами китайского рынка являются китайские товары, китайский менеджмент (как правило, неформальный, но действенный и эффективный), китайские капиталы и китайские торговцы. Иногда наблюдается полный набор этих элементов (как на иркутской «шанхайке»), иногда сочетание части из них. Так, на китайских рынках Новосибирска и Екатеринбурга сравнительно невелико присутствие китайских торговцев. Это можно объяснить тем, что основная масса товаров поступает через государства Центральной Азии, что делает более эффективным использование посреднических услуг их жителей. Но китайские товары и управление – это те необходимые элементы, которые делают рынок китайским в глазах горожан. «Китайскость» рынков – это бренд, ее подчеркивают не только названиями, но и элементами оформления, дизайна.

По мере социально-экономического развития России роль «китайских рынков», как и роль открытых рынков вообще, меняется: они теряют свою ключевую роль, оттесняются бурным развитием современных торговых форматов (гипермаркеты, моллы, пассажи и т. д.). Это совершенно не означает вытеснения китайских мигрантов из торговли. Они оперативно и динамично меняют и собственные формы, методы деятельности, переходят в новые форматы. При этом концентрация их обычно сохраняется. Сохраняется и функция «ядра» у торговых площадок, места делового и культурного взаимодействия китайских мигрантов города. Не все китайцы города занимаются бизнесом, далеко не все делают это на «китайском рынке». Но именно через них они связаны и организованы – экономически и социально. Здесь концентрируются предприятия этнического общепита, развлекательные учреждения (от собачьих бегах до казино), здесь можно получить разнообразный набор необходимых услуг.

Не уменьшается и их роль как «места встречи» – уникальной площадки быденного, массового, постоянного и повседневного

контакта людей разных культур. Крупные рынки посещают тысячи человек в день. Сложности межкультурного контакта и массовые антимигрантские предрассудки отступают здесь перед ображениями взаимной полезности. Люди здесь не просто продают и покупают, торгуются – они вступают в контакт, привыкают к обыденности и полезности присутствия «иного». Постепенно это «иное» интегрируется, становится частью своего, привычного уклада жизни. Не исчезая при этом в качестве особого сегмента городской жизни, городского пространства. Кроме покупателей с такими рынками тесно связано много обслуживающих их лиц из числа местных жителей – тех, кто сдает квартиры под жилье и склады товаров, организует услуги такси, работает наемными продавцами, осуществляет посреднические, консультативные и охранные функции.

Функции «места встречи» в какой-то мере выполняют и предприятия «этнического общепита» – многочисленные кафе, рестораны, бистро и т. д., позиционирующие себя как этнические. Они могут предлагать национальную кухню, персонал (особенно поваров), дизайн, название. Очень часто это просто бренд – и этничность заведения ограничивается элементами оформления. Иногда наоборот – ни название, ни оформление не декларируют этнического характера, но оно становится местом регулярных контактов и общения земляков. В любом случае эти предприятия вводят иные культуры в городской контекст в качестве его собственной и уже необходимой части. «Иная культура» перестает быть «чужой», она становится частью собственной.

Рынки не являются единственными местами деловой концентрации мигрантов. Сейчас в этом качестве могут выступать и **большие стройки**, на которых работают десятки, а иногда и сотни гастарбайтеров. Очень часто они и живут здесь – во временных подсобных помещениях или уже построенных домах и подъездах. Однако, в отличие от рынков, это «изоляты», невидимой стеной отгороженные и от принимающего общества, и от остальных соотечественников города.

С местами деловой концентрации мигрантов непосредственно связаны и **проблемы их жилищной концентрации**. Иногда это просто совмещается. Для 1990-х гг. была типичной ситуация, когда под дешевую мигрантскую гостиницу снималось бывшее ра-

бочее или студенческое общежитие. Его комнаты, помимо своих прямых функций, служили и складом товаров, и торговым местом.

Описаны случаи, когда удобно расположенная **гостиница** становилась не просто местом жилья, но и центром социальной и экономической жизни мигрантов города. Гостиница «Одон» в Улан-Удэ привлекла внимание китайских торговцев еще с начала 1990-х гг. сочетанием дешевизны, доступности и близости к железнодорожному вокзалу и основным местам торговли. На их обслуживание сделали ставку и хозяева гостиницы. Постепенно здесь сформировалась и развитая инфраструктура необходимых китайским торговцам услуг: китайские рестораны, переводческие фирмы, специализированная служба такси с надежными и знающими потребности клиентов таксистами, заведения для развлечений и отдыха. Здесь стали собираться поесть привычной еды, развлечься и пообщаться и не жильцы гостиницы. В результате сюда стекается огромный объем информации, здесь устраиваются деловые встречи, заключаются сделки. Теперь это неформальный центр общинной жизни города [25].

Желание совместить или максимально приблизить друг к другу работу и жилье естественно. Поэтому есть ярко выраженная тенденция к концентрации мигрантов около рынков. Это экономит время, расходы на транспорт и, главное, увеличивает уровень безопасности (по принципу меньше контактов – меньше конфликтов). Однако постсоветская организация города этому не способствует. Рынки разбросаны по всему городу. То же самое относится и к предпочтительным для съема жилья общежитиям и дешевым гостиницам. Частное жилье в центре города, где обычно расположены рынки, дорого. Частично совместить стремление жить и работать рядом иногда удается в отдаленных **пригородах**, где имеется дешевое жилье и где концентрируются рынки и другие объекты рыночной инфраструктуры (торговые базы, например). В качестве примера можно отметить район Ново-Ленино в Иркутске, где еще в начале 1990-х гг. отмечалась повышенная концентрация мигрантов.

Важная и сложная проблема – что подталкивает мигрантов к тому, чтобы селиться рядом. Тяга друг к другу соотечественников, возможность жить в привычной языковой и культурной среде, облегчение таким образом сложнейших проблем адаптации к

принимающему обществу? Или выталкивание их сюда ценами на жилье и удобствами работы? По мнению О. Вендиной, тенденция к территориальной концентрации представителей некоторых национальных групп в Москве существует, но это результат скорее процессов социальной и имущественной концентрации, чем тяги к совместному проживанию для удовлетворения этнокультурных потребностей и консолидации [9; 2].

Возможны случаи, когда центром концентрации общинной жизни становятся не места работы и жизни. Иногда, как это уже отмечалось, это «рестораны для своих» с привычной кухней и стабильным составом клиентов.

Особую роль играют **мечети**. Для мигрантов из Центральной Азии они все больше становятся не только местами удовлетворения религиозных потребностей, но и площадкой для общения, обмена информацией, принятия решений. Другое дело, что мечеть посещают далеко не все мигранты из мусульманских стран – и даже не большинство. Сезонным рабочим-отходникам не хватает для этого времени, да и желания лишний раз выходить за пределы рабочих площадок с большим риском привлечь небескорыстное внимание полицейских. Однако влиятельные люди, принимающие решения, мечеть посещают. Иногда вступают в борьбу за контроль над ее деятельностью с прихожанами – коренными жителями города. Показательны в этом смысле регулярные конфликты вокруг иркутской соборной мечети.

Итак, в ходе интенсивных миграционных процессов в сибирских городах стали формироваться территориально локализованные и видимые «ядра», анклавов их жизни и деятельности. Пока они, как правило, разбросаны по всей территории города. Обычно они выполняют одну – максимум две функции. Это места работы, или жительства, или площадки общения, или презентации собственной культуры горожанам (рестораны). Но вокруг них концентрируется формирующаяся общинная жизнь, они оцениваются в качестве институционализированных «этнических» и «миграционных» центров горожанами.

Однако возникает вопрос – единственные ли это центры, выполняющие подобные функции?

3. «Виртуальные ядра». Узлы связей и отношений, не локализованные территориально

Массовый и сконцентрированный во времени приток иноязычных и инокультурных трансграничных мигрантов поставил перед ними острейшие проблемы адаптации – прежде всего натурализации и аккультурации. Обретение юридического статуса (право на проживание, регистрация, право на работу), поиск жилья, работы, поддержание связей с родиной требуют огромных усилий и ресурсов, которых у отдельного мигранта обычно не бывает. Ему требуются информационные, посреднические и покровительственные услуги, просто купить которые на рыночных условиях он не может в силу отсутствия развитого и доступного рынка таких услуг, а также по причине финансовых ограничений.

Поэтому наиболее распространенным и массовым способом решения проблемы становится активизация и инструментарное использование семейных, клановых, земляческих связей. Формируется на этой основе неформальная, но чрезвычайно эффективная инфраструктура, обслуживающая рекрутинг, трафик, обустройство на новом месте, трудовую занятость новичков, а также их адаптацию (в необходимых формах и масштабах) в принимающее городское общество. Это становится и способом их социальной организации, механизмом контроля, эксплуатации и мобилизации. В результате формируются устойчивые кланы, обычно иерархично организованные, функционирующие как в сфере бизнеса, так и в области общественных отношений.

Неформальные сети и структуры (деловые, кланово-семейные и земляческие, криминальные) при всей своей невидимости и неинституционализированности играют огромную роль в качестве инструмента социального контроля, регулирования и мобилизации в мигрантской среде, механизма адаптации новичков к принимающему обществу, средства установления и поддержания связей с разнообразными кругами в принимающем обществе. Учитывая трудовой характер миграций, устремленность основной массы мигрантов в сферу бизнеса, неформальными лидерами становятся, как правило, наиболее влиятельные бизнесмены.

Различного рода посреднические, консультационные услуги, помощь в первичной адаптации мигрантов оказываются по линии *неформальных структур* – семейных, земляческих, клановых. С их помощью мигрант-новичок может найти работу, жилье, ре-

шить очень трудные проблемы с регистрацией и обретением легального статуса, войти в контакт с «нужными людьми». Неоценимо значение таких услуг в сфере бизнеса. Возможность «решать вопросы» с чиновниками, представителями правоохранительных органов, местным криминалитетом является залогом не просто успеха, а и самого существования бизнеса.

Эта инфраструктура имеет сложный и многослойный характер, большая ее часть неформальна и невидима извне. Родственники, соседи, земляки формируют те сети, по которым распространяется информация, оказывается поддержка, распределяются ресурсы. На их основе функционируют отношения «патрон – клиент», на них базируются деловые партнерства, с ними связаны «крыши» и криминальные структуры. Важный «узел» этих сетей – рынки, которые сочетают функции хозяйствующих субъектов и торговых площадок с функциями социальных организаций.

Это именно неформальные центры власти и влияния, чей ресурс состоит, с одной стороны, в возможности мобилизации соотечественников, в наличии реальных механизмов контроля над ними, а с другой – в деловых ресурсах, связях в деловых и административных кругах города. Способность эффективно осуществлять посреднические, информационные и (для земляков-клиентов) покровительственные, защитные функции становится для них и самостоятельным важным деловым ресурсом.

В связи с этим принципиально важно наличие стабильных каналов связей и обмена информацией с городскими властями. Последние, будучи властью муниципальной, не имеют правовых полномочий и ресурсов для проведения собственной миграционной политики, которая по закону является монопольной прерогативой центральной власти. Но основной комплекс проблем в этой сфере концентрируется именно на уровне города. И наличие обратной связи, налаживание информационных потоков становится для них насущной необходимостью.

Причем желательно, чтобы эта функция была в максимальной степени институционализирована. Наиболее удобной институцией для этого стали национально-культурные общества (НКО). Их важнейшей характеристикой является официально признанный статус и официально же признанные информационно-посреднические функции во взаимоотношениях с властями. Нуждаясь в партнере, инструменте влияния, информационном

канале, городские власти готовы предоставить им и определенные ресурсы и возможности. И дело даже не в том, что иногда на льготных условиях предоставляется помещение, в городские и областные бюджеты закладываются небольшие суммы на финансирование некоторых проектов и мероприятий обществ. Главный ресурс все же – символический, статусный.

По закону же это обычные общественные организации, чьей спецификой является удовлетворение этнокультурных потребностей той или иной национальной группы города. Понимание этих потребностей может быть разным, как и степень заинтересованности в их удовлетворении. Поэтому и степень участия в них может варьироваться в широких пределах: от полного игнорирования до вложения заметных усилий, времени и финансовых средств.

И хотя по уставам и по определению их основная задача – поддержание и развитие национальных культур, обычаев и языков, на деле это часто становится задачей второстепенной. Реальная (и высоко ценимая) деятельность концентрируется в сфере взаимодействия с властями, лоббировании, различного рода посредничестве, оказании соотечественникам комплекса жизненно важных услуг в этой сфере.

Принцип организации и деятельности НКО этнический. Это не институции, специально ориентированные на удовлетворение потребностей мигрантов. Они и создаются обычно постоянными жителями города. Однако на практике присутствие в городе мигрантов соответствующей национальности ведет и к тому, что большая часть интересов и деятельности сосредотачивается в этой сфере. Создающие НКО местные жители быстро переориентируются от решения культурных задач к осуществлению обслуживания потребностей мигрантов в адаптации. К этому подталкивают и естественное стремление помочь приехавшим землякам, и желание контролировать их, с тем чтобы их иногда отклоняющееся поведение не ставило под удар всю этническую группу города, и понимание того, что такая стратегия может дать заметные статусные и материальные выгоды.

По отзывам активистов и лидеров НКО, от них ждут помощи в решении проблем статуса, первичного обустройства мигрантов, взаимоотношений с властями. Это также инструмент взаимопомощи в сложных или чрезвычайных ситуациях. В некоторых НКО принято в случае внезапной смерти своих членов или про-

сто земляков брать на себя все расходы и организационные усилия, связанные с отправкой тела усопшего на родину. Формальными или неформальными лидерами НКО являются люди влиятельные, часто богатые, обладающие большими связями в городе. Их покровительство – большой ресурс для новичка, а через НКО возможен прямой контакт с ними.

В чем же интерес этих сильных людей, что заставляет их тратить немалые средства и, что еще дороже, время на работу в НКО? Более того, бороться за лидерство в этих общественных организациях? Причины разные, и их немало. Естественно, это удовлетворение нормального стремления к лидерству, престижу и социальному признанию. Кроме того, руководящее положение в НКО, помощь его рядовым членам позволяют строить отношения с ними на принципе «патрон – клиент». Это значительный социальный и экономический ресурс. Еще больший ресурс – высокий статус в городском сообществе, признанное место в его иерархии, прямые выходы на представителей властей и возможность, говоря современным бюрократическим языком, «решать вопросы».

Типична ситуация, когда лидеры и активисты национально-культурных обществ лоббируют интересы представляемых ими групп и их отдельных членов в коридорах власти. Они проводят пиар-кампании в местных СМИ, делают общеполитические заявления. Некоторые из них постепенно входят в местный истеблишмент именно в качестве штатных национальных лидеров.

Лидерство в НКО – это возможность прямого контакта с властями государств исхода. Новые независимые государства, их правящие элиты стремятся контролировать соответствующие диаспоры, использовать их финансовые и человеческие возможности для национального строительства, борьбы за власть.

Кроме того, лидеры, уже интегрировавшиеся в местное общество, кровно заинтересованы в установлении контроля над мигрантами-новичками, с тем чтобы регулировать их поведение. Сознательное или несознательное нарушение ими норм и правил поведения принимающего общества создает соответствующую репутацию всей этнической группе, больно бьет по ее оседлой, постоянной части.

Вся эта система функционирует в рамках рыночных отношений, является ее интегральной частью. Поэтому оказываемые в

ее рамках услуги стоят денег. Но это не единственная цена. Основная плата – это подчинение, вхождение в систему непреложных обязательств, клиентельной зависимости. Результат – формирование общинного ядра, не только и не столько среды людей одного языка и культуры, сколько механизма социального господства, контроля и подчинения. Со своими законами, механизмами их выполнения и системой санкций. Община и общинная солидарность могут функционировать и как механизм взаимной поддержки и контроля, и как оружие в борьбе за ресурсы в принимающем обществе. Они обладают огромным мобилизационным потенциалом.

4. «Экономические анклавы». Проблема «этнической экономики» города

Становясь интегральной частью экономики города, мигранты могут формировать одновременно автономный ее сегмент, сектор экономики, чья деятельность так или иначе определяется присутствием мигрантов: рынки, стройки, посредничество и т. д. Наиболее очевидное проявление этого – само присутствие и экономическая деятельность мигрантов, их капиталы, рабочая сила, менеджмент, хозяйствующие субъекты. Однако неизбежен вопрос: какова степень их автономности в пространстве городской экономики, существуют ли между ними внутренние связи и отношения? Иначе говоря, является ли *миграционность* фактором экономических отношений и связей? Существует ли отдельный сектор экономической жизни мигрантов или они полностью интегрированы в принимающее экономическое пространство в качестве обычных ее элементов?

В теоретическом плане эта проблема давно поставлена и бурно обсуждается концепциях и подходах «этнической экономики» [5; 10; 17; 23; 24; 26–28]. Разброс точек зрения здесь велик. Одни авторы считают, что в условиях рыночной экономики ее участники в своей деятельности руководствуются только ее императивами, исходят из чисто рыночной логики. Поэтому этничность, общее мигрантское происхождение, родственные и земляческие связи существенным образом не влияют на экономическое поведение. С точки зрения их оппонентов, родственные, клановые, земляческие связи, сети отношений и зависимостей могут стать и становятся на практике самостоятельными и важными

факторами поведения рыночных субъектов, их дополнительным ресурсом. Это предопределяет возможность специализации представителей мигрантских групп в отдельных отраслях и профессиях, формирование на этой основе их сообществ. Такой подход перекликается с концепцией «торговых меньшинств», выросшей из анализа традиционных, нерыночных обществ.

Не вдаваясь в эту дискуссию, стоит отметить, что для данной работы чрезвычайно важным обстоятельством является взгляд на проблему принимающего общества, горожан и городских властей, их оценка ситуации, причем не столь важно, опирается ли она на рациональный анализ или является результатом мифотворчества. Они же, и это несомненно, маркируют, выделяют в своих оценках некоторые сферы экономической жизни в качестве мигрантских или этнических. Это и те же «китайские рынки», «киргизские» и «кавказские» ряды на этих и других рынках. Это и «таджикский труд» – уже давно стали клише словосочетания «таджикская зарплата», «работать как таджик» и даже «работать таджиком». Слово «таджик» теряет здесь этническую коннотацию и приобретает социально-экономическую.

С точки зрения массового обыденного сознания, мигранты являются организованными группами, сообществами («диаспорами»), и эта организованность распространяется и в область экономики. Насколько рациональными являются подобные оценки – вопрос открытый и требующий дальнейших исследований. Однако предварительный и неизбежно поверхностный анализ отношений на китайском рынке «Шанхай» в Иркутске говорит о существовании сетей и связей на этнической основе, являющихся мощными регуляторами экономического поведения. Об этом же свидетельствует сам тип организации таджикских бригад.

5. Проблема «чайна-тауна»

В идеологическом дискурсе и в массовом сознании все описанные выше функции, сегменты городской жизни, связанные с мигрантами, часто выражаются в категории «чайна-тауна». Под этим понимаются и место жилищной концентрации мигрантов, и средоточие «этнической экономики», концентрация деловой активности, и социальный организм с формальными и неформальными институтами, и место встречи с горожанами, площадка и механизм продажи им «этнического продукта» (туризм как про-

даже впечатлений и образов, этническая кухня, экзотические товары, сувениры и т. д.).

Такое понимание сформировалось через наблюдения за чайна-таунами крупных городов Европы и Северной Америки, чья история длится уже почти 200 лет. Возникнув в качестве места концентрации китайских мигрантов, они стали сейчас частью городского пространства, где китайцы живут, работают, вступают в многообразные связи и отношения, создают собственные механизмы социального регулирования, власти и контроля. Это место, где по-китайски говорят, выглядят, ведут себя. С китайскими вывесками, рекламами, запахами. Районы, где «китайскость» продается в качестве товара многочисленным туристам.

Этому пониманию не мешает то обстоятельство, что со временем произошла дифференциация этих функций и смена их значений и иерархии. Первоначальная основная роль механизма первичной адаптации мигрантов, способа их выживания в чужом и враждебном мире постепенно отступала. Ей на смену шла функция площадки для формирования общинных социальных и экономических структур, центра общинной жизни и сохранения культуры предков. Кроме того, центра этнической экономики. И уже затем на первый план выходит функция «туристического аттракциона», места, где люди «работают китайцами», производят и продают сувениры, национальную еду и впечатления. И все это в форме территориального ядра, анклава.

Символическое значение феномена чайна-тауна оказалось так велико, что с началом массовой китайской миграции в Россию именно через эту категорию стал оцениваться сам процесс и его возможные последствия [13]. Здесь преобладает интерес к чайна-тауну как механизму адаптации мигрантов к принимающему обществу и, одновременно, способу их сегрегации, тормозу адаптации. Однако больше всего волнует их предполагаемая экстерриториальность, замкнутость внутренней жизни и непроницаемость для контроля и регулирования властей.

Чайна-таун предстает как модель и орудие «демографической экспансии», массового мирного проникновения, освоения, а затем отторжения от России ее восточных регионов. Чем дальше от китайско-российской границы, тем более распространены представления о многих миллионах китайских мигрантов, значительная часть из которых уже осела в постоянных китайских по-

селениях, экстерриториальных, непроницаемых для контроля и управления российских властей. Подчеркивается также, что это результат целенаправленной политики Китая как государства. Любые проекты с участием китайских капиталов, предполагающие инвестиции в недвижимость, особенно отели, жилищные комплексы, развлекательные и деловые центры, встречают довольно массовую и бурную отрицательную реакцию. Критикуются не экономические аспекты этих проектов – противников волнует перспектива их «чайна-таунизации».

На деле чайна-таунов в сибирских и дальневосточных городах пока нет. В этом при желании очень не сложно убедиться. Они присутствуют в массовом сознании и идеологической сфере как некая «виртуальная реальность». Их нет – но есть бурно обсуждаемая проблема.

В последнее время эта проблема привлекла внимание властей. Последовал ряд резких заявлений высокопоставленных политиков и чиновников о недопустимости и опасных последствиях «анклавизации» и о том, что чайна-тауны не должны возникнуть в российских городах. В интервью агентству «Интерфакс» директор Федеральной миграционной службы К. Ромодановский заявил: «Понимаем, что ни в коем случае нельзя допускать чайна-таунов. Это элемент обособленности. В этом направлении тоже работаем» [8].

Однако это не снимает вопроса о перспективах. Отсутствие чайна-таунов, отрицательное отношение к ним общественного мнения и властей не дают гарантии их непоявления. Возможное (но не обязательное) появление этого феномена уже не в виртуальном качестве сформирует новую и весьма специфическую часть городского пространства, вызовет нарушение прежде сложившегося равновесия, обогатит город и новыми ресурсами, и новыми проблемами.

Его возникновение станет и симптомом, показателем формирования новых сложных и противоречивых по последствиям миграционных проблем. Главная из них – появление тенденции к долговременному и даже постоянному оседанию мигрантов в сочетании с отставанием процесса их культурной и социальной адаптации. Пока же общинность, функционирование собственных механизмов социального контроля, элементы этнической экономики уже имеются в восточных городах России – но без их территориальной концентрации.

6. Мигранты – устойчивый объект внимания и отношения горожан и властей

Мигранты уже сравнительно давно и прочно стали объектом пристального внимания городского сообщества. И в этом смысле они также являются важной частью городского пространства. Это неизбежно и естественно, так как само появление нового элемента городской жизни, причем элемента заметного и играющего большую роль, не может не вызвать реакции. Присутствие мигрантов создает реальные проблемы, на которые необходимо реагировать. Для этого их надо увидеть, понять, оценить и выработать отношение и стратегию поведения. С другой стороны, мигранты присутствуют в массовом сознании, в отношении, надеждах, страхах и озабоченностях людей. Это определяет их присутствие в информационном поле города, в формирующейся идеологической и политической сфере, заставляет местные власти реагировать и принимать управленческие решения.

Итак, мигранты как часть устойчивого информационного поля города.

Их появление, поведение, образ жизни и деятельности, роль в жизни городского сообщества постоянно обсуждают на уровне неформальных разговоров, слухов, пересудов. Естественно, интенсивность этого растёт по мере появления информационных поводов – обычно из сферы криминальной хроники, а также событий и конъюнктуры на рынках. Отсюда тесная связь этой части информационного поля города с местными, региональными и центральными массмедиа, которые и формируют структуру и направленность системы информационных поводов. Очень часто в сознании людей формируются и сосуществуют две картины мира – на основе собственного опыта и под воздействием массмедиа. И если они вступают в противоречие, безусловное предпочтение отдается второй.

Для массмедиа тема мигрантов постепенно становится одной из ключевых. И здесь необходимо учитывать, что «СМИ – это и носитель информации об общественных настроениях, действиях властей и других акторов на этом поле (“зеркало”), это и самостоятельный и важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения

с властями, обществом, отдельными его группами. Они формируют, создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Общественное мнение во многом складывается не в процессе непосредственного общения, а в результате внедрения суждений и установок, созданных при помощи медиаобразов. В каком-то смысле в современном обществе есть только то, что есть в СМИ» [11; 16, с. 121].

При всем разнообразии сюжетов о мигрантах, их стилистике и даже уровня толерантности их в массе своей объединяет отношение к мигрантам как к «гостям», которые должны знать свое место. Мигранты – это несомненные и безусловные «они», «другие», «чужие». Все эти обсуждения не являются нейтральными, они окрашены отношением, как правило, насыщены большой энергетикой. На этой основе формируются стереотипы в качестве необходимого инструмента выстраивания отношений и определения социальной иерархии. Сформировались, в частности, устойчивые стереотипы «китайца» и «таджика» [11]. Их практически обязательной частью является мигрантофобия, которая решительно потеснила различного рода этнофобии в качестве лидирующего ксенофобского комплекса современного российского общества. С другой стороны, заметной частью городских сообществ мигранты рассматриваются как важный ресурс, прежде всего экономический, требующий защиты. Это относится прежде всего к китайцам на Дальнем Востоке [6].

Все это неизбежно делает мигрантов **объектом идеологической борьбы, политической жизни и административных практик**. Массовые антимигрантские настроения в городском сообществе становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. В городскую обыденность постепенно входят политические и политизированные антимигрантские акции – от бесчинств скинхедов до официально разрешенных «Русских маршей». Мигрантская проблематика выдвигается в центр электоральной борьбы.

Присутствие многочисленных трансграничных мигрантов, их активная экономическая деятельность, напряженное отношение к ним в принимающем городском сообществе – все это создает массу проблем для городских властей. Именно муниципальная власть города и действующие в нем органы федеральной и

региональной власти несут на себе основную тяжесть решения неизбежно возникающего многообразного и чрезвычайно сложного комплекса задач, проблем и конфликтов. При этом миграционная политика является монополией федеральных властей. В совокупности с тем, что гигантское разнообразие российских регионов требует и огромной специфики властного регулирования в них миграционных проблем, это ведет к фактическому формированию местной миграционной политики в виде гибкого набора неформальных практик [15; 19].

В свою очередь, через систему лоббирования и неформальных связей лидеры мигрантских сообществ (формальные, чаще – неформальные) оказывают воздействие на принятие политических и управленческих решений на уровне города.

Неизбежным и важным следствием растущей роли трансграничных мигрантов в жизни городских сообществ стало формирование связанного с ними **слоя людей, профессиональных групп и институций**. Это государственные и муниципальные органы, их служащие и чиновники, регулирующие проблемы пребывания и экономической деятельности. Это деловые партнеры, наниматели и наемные, посредники, продавцы необходимых товаров и услуг, специализирующиеся на этой теме журналисты, эксперты. Наконец, это покупатели товаров и услуг, производимых и продаваемых мигрантами.

И если посмотреть на проблему таким образом, то можно утверждать, что само количество прямо или косвенно вовлеченных в постоянные контакты и деловое сотрудничество с мигрантами лиц и институций, интенсивность отношения к ним горожан могут свидетельствовать о том, что мигранты уже стали важной и неотъемлемой частью городской жизни.

В каком-то смысле это отражается и на **визуальной картине города**. Город ведь можно воспринимать и как систему знаков, в том числе этнически и/или мигрантски маркированных. Это довольно многочисленные названия рынков, магазинов, ресторанов. Реклама, вывески, объявления. При этом важно отделить те из них, что выполнены на кириллице и предназначены для того, чтобы представить этническое или мигрантское качество горожанам, от объявлений и вывесок на китайском языке, предназначенных «для своих».

Недавно в Иркутске даже началась публичная дискуссия о «засилье» вывесок и объявлений на китайском языке [3; 4]. Допустимость вывесок и объявлений на иностранных языках обсуждается во многих странах. Это реальная проблема организации публичного символического городского пространства. Но здесь обсуждались даже не количество и концентрация подобных текстов. Тем более что это вопрос спорный и субъективный. Никто их не считал и тем более не предлагал методики определения их концентрации. Основным мотивом было и не стремление укрепить позиции государственного русского языка, ибо вывески и объявления на английском языке не комментировались. Направленность дискуссии четко сформулировал известный национал-патриотический политик города, председатель Союза русского народа А. Турик: «Это признак оккупации!»

Важной – и теперь уже неотъемлемой частью визуальной картины города стали граффити, надписи и рисунки на стенах. Отношение к мигрантам и этническая проблематика широко представлена в политизированном спектре этого жанра [1].

* * *

Этот текст – скорее попытка систематизации, стремления составить общую картину присутствия мигрантов в городском пространстве сибирских и дальневосточных городов России. Однако и такой обзорный по преимуществу подход позволяет сделать вывод о том, что трансграничные мигранты стали важной и неотъемлемой частью городской жизни. Это не случайное и не временное явление. Теперь речь может идти только о тенденциях развития этого феномена и его воздействия на принимающее общество. Чрезвычайно важен для судеб российского общества, для будущей траектории его развития вопрос о степени интегрированности мигрантов, о том, когда и каким образом они перестанут быть мигрантами. Приведет ли это к исчезновению рассматриваемого сегмента городской жизни? Или мигранты будут постепенно превращаться в этнокультурные меньшинства как интегральную часть российского общества? Или произойдет их «закукливание», ведущее к формированию многообщинного общества? В любом случае трансграничные мигранты укрепляют переселенческий характер сибирского общества, придавая ему новые краски, новые элементы во взаимоотношениях. Возможно, постепенно формируя его новое качество.

Вопросы для самоконтроля

1. Сибирь как переселенческое общество.
2. Роль миграций в формировании и развитии сибирского переселенческого общества.
3. Проблема «этнических ядер» в структуре сибирского города.
4. «Экономические анклав». Проблема «этнической экономики» города.
5. Этнические мигранты в городском сообществе: отношение общества и политика властей.

Литература

1. Абдулова И. Граффити Иркутска: записки на полях города (по материалам мониторинга 2001–2006 гг.) // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. – М. ; Иркутск, 2007. – С. 190–194.
2. Ашкинази Л. Национальные предпочтения при аренде жилплощади в Москве, или «Кроме ККА и Азии» [Электронный ресурс] / Л. Ашкинази, М. Векштейн // Вестн. обществ. мнения. – 2009. – № 1 ; Демоскоп-Weekly. – 2009. – № 389. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0389/analit02/php>)
3. Берт Корк. Темная сторона иркутского чайна-тауна. Что означают китайские иероглифы на заборах в центральной части областного центра? // СМ Номер один. – 2009. – № 7. – 26 февр.
4. Берт Корк. На иркутско-китайской границе // Вост.-Сиб. правда. – 2010. – 15 июня. – (Иркут. репортер).
5. Бредникова О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов / О. Бредникова, О. Паченков // Экон. социология. – 2002. – Т. 3. – № 2. – С. 74–81.
6. Бляхер Л. Е. Динамика представлений населения Дальнего Востока России о китайских мигрантах на рубеже XX–XXI вв. (на материале интервью с предпринимателями) / Л. Е. Бляхер, Н. А. Пегин // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск, 2010. – С. 485–501.
7. Бурнасов А. Китайский рынок как логистический центр: на примере рынка «Таганский ряд» в Екатеринбурге // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством / отв. ред. В. И. Дятлов. – М. ; Иркутск, 2007. – С. 68–80.
8. В России не будет «чайна-таунов» – Ромодановский // Interfax-Russia.ru. – 2010. – 23 нояб.
9. Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли русской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. – М., 2005. – Вып. 3.
10. Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: торгошники, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки / В. И. Дятлов. – М. : Наталис, 1996. – 256 с.
11. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном,

политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. ; науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск, 2010. – С. 461–468.

12. Дятлов В. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка / В. Дятлов, Р. Кузнецов // Байкал. Сибирь: из чего складывается стабильность. – М. ; Иркутск, 2005. – С. 166–187.

13. Дятлов В. И. Россия: в предчувствии чайна-таунов // Этногр. обозрение. – 2008. – № 4. – С. 6–16.

14. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. – Иркутск : Востсибкнига, 2012. – 800 с.

15. Калугина Г. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2010. – № 2(57). – С. 91–106.

16. Миграционная ситуация и региональная пресса: газеты современной Азиатской России // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации : монография / науч. ред. В. И. Дятлов. – Екатеринбург, 2009. – С. 121–179.

17. Радаев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. – 1993. – № 5. – С. 10–17.

18. Рахимов Р. М. Рынок «Дордой» и мигранты из Китая // Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества : материалы Междунар. конф. (г. Алматы, 4–5 июня 2008 г.) / отв. ред. Б. К. Султанов, М. Ларюэль. – Алматы, 2009. – С. 193–200.

19. Региональная миграционная политика // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации : монография / науч. ред. В. И. Дятлов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 16–120 с.

20. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / под ред. С. В. Голунова. – М. : Аспект-пресс, 2008. – С. 215–232.

21. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации : монография / науч. ред. В. И. Дятлов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – Гл. 5. – С. 249–288.

22. Тренин Д. Введение / Д. Тренин, Г. Витковская // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор / Моск. Центр Карнеги. – М., 1999. – С. 7.

23. Уолдингер Р. Этнические предприниматели / Р. Уолдингер, Х. Олдрич, Р. Уорд // Экон. социология. – 2008. – Т. 9, № 5. – С. 30–55.

24. Фирсов Е. Социальная стратификация, этничность и этнические экономик: на примере России // Экон. социология. – 2004. – Т. 5, № 3. – С. 66–77.

25. Шармашкеева Н. Ж. Гостиница «Одон» – центр китайской жизни в Улан-Удэ // Этногр. обозрение. – 2008. – № 4. – С. 31–37.

26. Aldrich H. E. Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. – 1990. – Vol. 16. – P. 111–135.

27. Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities // American Sociological Review. – 1973. – Vol. 38, N 5. – P. 583–594.

28. Min Zhou. Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergences, Controversies, and Conceptual Advancements // International Migration Review. – 2004. – Vol. 38, N 3. – P. 1040–1074.

§ 2. Развитие взаимоотношений Иркутской области с Монголией

Из истории взаимоотношений Приангарья и Монголии

Активность взаимоотношений России с Монголией наступит с началом XVII в., когда на рубежи Центральной Азии выходит Российское государство, а несколько позже Цинская империя. Монголия в XVII в. представляла собой ряд независимых объединений-ханств. Российское государство, занятое борьбой за выход к Балтийскому морю и обороной страны от интервентов, не в силах было уделять должное внимание восточному направлению в своей внешней политике. Московское правительство, осуществляя лишь общий контроль, передает местным воеводам как судебные-административные права, так и право отправлять в зарубежные государства и земли посольства [16, с. 13].

За столь короткое время Российским государством было сделано почти невозможное. Во-первых, военной силой казачества и продуманной политикой местных воевод на огромном протяжении была «очерчена» восточная граница. Во-вторых, был поставлен предел Цинской империи, и проживавшие на этом огромном пространстве племена и народы оказались как бы «поделены» между Цинами и Россией.

Контакты русских вначале с западными монголами, а точнее с княжеством Алтан-ханов, способствовали развитию российско-монгольских отношений в целом, познанию Российским государством монгольского мира. Существует один интересный факт и в бытовом плане. По всей видимости, появлению чая русские должны быть обязаны Алтан-ханам, которые торговали китайским зеленым чаем, и несколько пакетов напитка были переданы в дар царю Михаилу Федоровичу. В Москве чай-трава понравилась, и ее стали привозить в Россию в небольших количествах [16, с. 33]. Если говорить в целом, то именно торговая сфера явилась наименее конфликтной в российско-монгольских отношениях.

В деле установления российско-монгольских связей особая роль принадлежит Восточной Сибири. К северным границам Монголии русские казачьи отряды вышли в тот период, когда у монгольских князей Халхи, по всей видимости, еще была уверенность, что их может миновать угроза маньчжурского натиска. Отметим, что первые сведения о монголах Северной Халхи, их

быте, хозяйстве и культуре русские получили еще в ходе продвижения в Приангарье в 20–30-х гг. XVII в. И уже в 40-х гг. XVII в. первопроходцы закрепляются на берегах Байкала и начинают продвижение в Забайкалье, к территории которого примыкали земли влиятельных и сильных монгольских князей – Тушэту-хана и Цэцэн-хана [8, с. 13].

Появление русских на бурятской территории с тревогой было воспринято монгольскими князьями. В дальнейшем вопрос подданства и данничества бурятского населения станет одним из основных предметов спора между Россией и Халхой. Естественно, для России обладание бурятскими землями решало государственную задачу в стратегическом плане. Появлялся плацдарм для дальнейшего освоения северо-восточных земель, препятствуя, таким образом, возможной значительной территориальной «прирезке» Маньчжурского государства. Во внешнеполитическом смысле через земли Северной Монголии открывался путь в Китай, к установлению торговых отношений с которым Россия стремилась на протяжении всего XVII в.

С конца 40-х гг. XVII в., практически одновременно с оседанием на землях бурят, данников монгольских князей, русские восстанавливают контакты непосредственно с монголами. В 1647 г. в ставке Цэцэн-хана побывали русские люди во главе с атаманом И. Похабовым, интересовавшимся наличием серебряной руды. В обратный же путь вместе с отрядом И. Похабова двинулось посольство Цэцэн-хана, ставшее в 1648 г. первым монгольским посольством из Северной Халхи. В результате московских переговоров была достигнута договоренность о мире.

Как известно, путь в Китай через Джунгарию в связи с начавшейся в 80-х гг. XVII в. джунгаро-халхо-маньчжурской борьбой оказался надолго закрытым. И, тем не менее, можно утверждать, что это практически не отразилось на состоянии русских внешнеторговых связей. Уже с 70-х гг. XVII в. таковые связи стали устанавливаться из других, расположенных восточнее, сибирских городов. Выстраивалась новая линия по направлению в Китай – Красноярск, Енисейск, Иркутск, через Забайкалье и северомонгольские степи. Оформление новых торговых путей явилось результатом успешного освоения русскими восточносибирских областей. Новые пути были несравненно удобнее, поэтому неза-

висимо от политических событий в Джунгарии роль западного направления в русско-китайской торговле постепенно снижалась.

Конец 1685 г. был отмечен весьма важным событием. Стольник Ф. А. Головин был назначен великим и полномочным послом для ведения переговоров с маньчжурами по вопросу о границе. По вверенным полномочиям он фактически являлся наместником в Сибири. Начиналась длительная и трудная деятельность Ф. А. Головина как по организации обороны русских земель, так и по подготовке возможных мирных договоренностей. Другими словами, конечной целью миссии Ф. А. Головина должно было стать достижение официального соглашения о мире с Китаем и монгольскими феодалами, разрешение вопроса с границей и определение условий для торговых взаимоотношений [1, с. 191–192].

Подписание договора состоялось 27 августа 1689 г. под стенами Нерчинска. Следует отметить, пользуясь спортивной терминологией, что все шесть статей договора отражали ситуацию «ничьей», наличествовавшую на тот момент в русско-маньчжурских отношениях. Россия сохранила свои позиции на Дальнем Востоке. Важнейшим военным, политическим и экономическим плацдармом, который позволил сохранить таковые позиции, явилась Восточная Сибирь. На этой территории, освоенной русскими несколько ранее описанного выше периода наивысшего напряжения в русско-маньчжурских отношениях, шел активный процесс формирования всех тех государственных структур, которые позволили на колоссальном удалении от центра решать важнейшие внешнеполитические вопросы. Центральная российская власть получила возможность на протяжении длительного времени через управленческие структуры Восточной Сибири осуществлять довольно активную дипломатическую политику по отношению к цинскому Китаю. Именно иркутский генерал-губернатор отвечал перед центральной властью за внешнеполитическую и внешнеэкономическую ситуацию на восточном направлении.

Русская православная церковь также воспользовалась удобным сибирским путем для исполнения своей миссионерской обязанности. В разные годы в составе Российской духовной миссии в Пекине на миссионерском и научном поприще будут трудиться и сибиряки. И, конечно, особо важную роль предстояло сыграть Восточной Сибири в дальнейшем развитии российско-монгольских отношений.

Со второй половины XIX в. можно отметить усиление российских экономических позиций во Внешней Монголии. В значительной мере этому способствовало открытие в 1860 г. в Урге российского консульства и в особенности подвижническая деятельность Генерального консула Я. П. Шишмарева [5–7; 13]. Первоначально в Монголии действовало лишь несколько русских торговых фирм. Но уже в 70-х гг. XIX в. счет их велся на десятки. Главными предметами вывоза в Россию являлись живой скот, пушнина и шерсть. В свою очередь Россия ввозила во Внешнюю Монголию ткани, сукно, муку, бакалейные и другие товары. Общий оборот российско-монгольской торговли с 1861 по 1900 г. вырос в 80 раз! К началу XX в. на одном только кяхтинском направлении годовой оборот достигал 19 млн руб. [14, с. 133]. Появились в Монголии и русские поселенцы, оседали они главным образом в долинах рек Селенги, Онона, Орхона и Тэс.

Но с начала XX в. развитию российско-монгольской торговли начинает оказывать серьезное противодействие капитал ведущих европейских держав, США и Японии, действовавший в основном через китайские фирмы. Окрыленная победой над Россией в войне 1904–1905 гг., особенно мощно на монгольском направлении начинает действовать Япония. Эти две страны после длительного периода противоборства и конфликтов пошли по пути взаимного признания интересов. Что касалось места Монголии в российско-японских отношениях, то к договору 1907 г. между Россией и Японией было приложено секретное соглашение, по которому Внешняя Монголия признавалась сферой влияния России, а Внутренняя Монголия (включая Баргу) – сферой влияния Японии [2].

Таким образом, в первом десятилетии XX в. Монголия становится ареной острой экономической и политической борьбы ведущих мировых держав. Дни маньчжурской династии в Китае были сочтены, в стране назревала революция. В этих условиях Россия пыталась усилить свое влияние в Монголии. В правительственных кругах, да и в целом в обществе, разворачивается дискуссия о месте Монголии в российской восточной политике.

Значимый вклад в понимание важности «монгольского вопроса» для России внесли ученые-востоковеды. Становление и развитие российского монголоведения – это отдельная интереснейшая история. Напомним лишь, что открытие в 1716 г. в Пеки-

не Русской духовной миссии и первые экспедиции, организованные Российской академией наук в сопредельные с Монголией районы Сибири, стимулировали формирование в России научно-интереса к истории и культуре монголоязычных народов. Именно в Иркутске в 1725 г. при Вознесенском монастыре было открыто первое в России востоковедное учебное заведение – Русско-монгольская школа.

XIX в. стал «звездным часом» для российского монголоведения. Возникли первые в мире университетские кафедры монгольского языка и академические центры. Появляются работы известных российских монголистов – Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, А. А. Бобровникова, К. Ф. Голстунского. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. российское монголоведение пополнилось трудами бурятских ученых – Д. Банзарова, Г. Гомбоева, Г. Цыбыкова, Ц. Жамцарано, Б. Барадина. В пледу великих русских путешественников и исследователей Центральной Азии влились сибирские общественные деятели – Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. И. Клеменц и др. Неоценимый вклад в исследование Монголии внесли сотрудники ВСОРГО – Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В те годы российское монголоведение прочно занимало ведущие позиции в мировом востоковедении. Значительная роль в этом процессе принадлежала ученым и общественным деятелям Восточной Сибири [9].

В конце XIX – начале XX в. со стороны сибирского купечества предпринимались довольно успешные попытки внедрения в хозяйство Монголии. Это золотодобыча, строительство и обслуживание шерстоек, экспедиции по заготовке скота для военных нужд в период Первой мировой войны. Сибиряки принимали участие в организации в Монголии ветеринарии, в области культуры – клубов, библиотек, кинематографа. Уже после революции 1921 г. в Монголию для налаживания здравоохранения был направлен известный иркутский врач П. Н. Шастин. Он открыл первую больницу и амбулаторию в Улан-Баторе. В 1934 г. П. Н. Шастин был награжден правительством Монголии орденом Трудового Красного Знамени. А с 1961 г. городская больница Улан-Батора носит имя П. Н. Шастина. Иркутский врач прожил с семьей в Монголии с 1923 по 1937 г.

До провозглашения МНР, в первой четверти XX в., иркутяне активно участвовали в политической, экономической и культурной жизни соседней страны. На политическом небосклоне Монголии появились представители бурятской интеллигенции. Выдающуюся роль в развитии предреволюционной и послереволюционной Монголии сыграл Ц. Жамцарано. Какое-то время он являлся и профессором только что открывшегося Иркутского государственного университета. Ц. Жамцарано был инициатором создания в Монголии первых светских школ, участвовал в издании первых газет и журналов, пропагандировал идею культурного единения монгольских народов. Правда, уже позже, в 1930-х гг., эти взгляды послужили причиной обвинения его и многих других представителей бурятской интеллигенции в панмонголизме, что привело к репрессиям.

С Иркутском связана и революционная история Монголии. В городе располагался Дальневосточный секретариат Коминтерна. Именно в его недрах вынашивались планы распространения мировой революции в страны Азии, здесь некоторое время работали Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан. В 1920–30-х гг. происходит сближение СССР и Монголии. В 1936 г. между странами был подписан Договор взаимной помощи, в том числе и военной. В скором времени эти договоренности были проверены на практике. Со стороны СССР была оказана военная помощь Монголии во время событий на Халхин-Голе в 1939 г., а МНР, в свою очередь, безоговорочно поддержала СССР в годы Великой Отечественной войны, оказав Советскому Союзу существенную материальную помощь [12].

В послевоенные годы сотрудничество наших двух стран продолжалось по восходящей линии. В 1960–80-е гг. о Монголии можно было говорить как об одной большой стройке. Строились города, появлялись предприятия перерабатывающей промышленности, прокладывались линии электропередач. В этом процессе также участвовали представители предприятий Иркутской области. При помощи СССР Монголия достигла феноменальных успехов в области здравоохранения, культуры, искусства.

Но совершенно особое место во взаимоотношениях Приангарья и Монголии занимала сфера подготовки кадров. Именно Иркутск стал форпостом формирующейся в стране собственной системы образования. Первые попытки обучения монгольских поданных были предприняты именно в Иркутске в 1913 г. В

1920–30-е гг. работали знаменитые монгольские курсы при Иркутском госуниверситете. И, наконец, в 1960–80-х гг. два подготовительных факультета при Иркутском госуниверситете и Иркутском политехническом институте вывели Иркутск в лидеры среди городов Советского Союза в области подготовки кадров для соседней Монголии. Из стен иркутских вузов вышли руководители монгольского государства, большой отряд представителей партийно-государственной элиты. Работала система подготовки специалистов среднего звена и рабочих профессий. Так, например, в 1980-х гг. в средних специальных учебных заведениях Иркутска, включая подготовительные факультеты, обучалось 1,9 тыс. граждан МНР, около 400 чел. приобретало рабочие специальности в профессионально-технических училищах Иркутской области.

Развитие взаимоотношений Иркутской области с Монголией в постсоветский период

Начало реформ в Монголии фактически было объявлено сразу же вслед за провозглашением в СССР в 1985 г. курса на перестройку. Страна практически испытывала все те же проблемы экономического кризиса, что и ее партнеры по социалистической системе во главе с Советским Союзом. Налицо были затратный характер всей экономической системы в целом, межотраслевая диспропорциональность и высокий, рискованный уровень подчиненности советской экономике. Проявления кризиса остро ощущались и среди самой правящей элиты Монголии. Все это переплеталось в сложном клубке противоречий, вело к усилению социальной напряженности. В начале 1990-х гг. на фоне демонстраций и голодовок на главной площади монгольской столицы в стране произошло разрушение однопартийной системы, сформировались новые молодые партии демократической направленности. В 1992 г. была принята новая монгольская конституция. 1990-е гг. положили начало и периода охлаждения в российско-монгольских отношениях, отдаления России и Монголии друг от друга.

Безусловно, регионы, граничащие с Монголией, всегда достаточно активно сотрудничали с соседней страной, но это сотрудничество осуществлялось в рамках плановой социалистической системы. До начала 1990-х гг. на страны Совета экономической взаимопомощи приходилось более 90 % внешнеторгового

оборота Монголии, из них 80 % – на долю СССР. Теперь же надо было искать новые методы в условиях, когда и Россия, и Монголия окунулись в рыночную стихию [3; 4; 15; 17].

В 1981–85 гг. среднегодовой прирост внутреннего валового продукта в Монголии составлял 6,8 %, в 1986–1990 гг. – 3,8 %. В самом начале 1990-х гг. произошло некоторое снижение показателей, но с 1993 по 1996 г. вновь наблюдался рост – 2,6 %. Увеличение ВВП произошло в основном за счет развития сфер сельского хозяйства, строительства и транспорта. К концу 1990-х гг. рост инфляции снизился до 6,0 %, было приватизировано около 90 % государственных предприятий. Происходило также замещение монгольскими гражданами рабочих мест, на которых были традиционно задействованы советские специалисты. Только с 1985 по 1989 г. количество монгольских граждан в советских строительных организациях увеличилось в два раза и составило 12,2 тыс. чел., или 42 % списочного состава. К 1991 г. количество советских специалистов на объектах технического содействия уменьшилось на 70 %.

1990-е гг. – это время, когда Монголия начинает поиск экономического ориентирования на так называемого «третьего соседа». В этот период складывается целая теория «третьего соседа», смысл которой состоял в том, что стране необходимо уходить от доминирования двух мощнейших держав – России и Китая – естественных географических соседей Монголии. В оценках монгольских ученых и политических деятелей угадывалась многоликость «третьего соседа». В экономическом плане оформлялась ориентация на страны Европы, Японию и Республику Корея, в цивилизационно-религиозном смысле подтверждалось стремление страны к сохранению буддийских ценностных установок, гарантом же геополитического спокойствия должны были выступать США [10].

К концу 1990-х гг. Россия еще продолжала сохранять одно из ведущих мест в экономических отношениях с соседней страной. Доля России во внешнеторговом обороте Монголии составляла 23,1 %. Из этой значительной доли на Приангарье приходилось 40 %. Так, например, за 1997 г. экспорт из области в Монголию в 1,8 раза превысил объем экспорта 1993 г. и достиг 41 млн долл. США. В структуре экспорта преобладали нефтепродукты –

более 80 %, около 8 % составляло оборудование для горно-обогатительных предприятий, запчасти для ремонта самолетов и других транспортных средств, 3,6 % приходилось на древесину и изделия из нее, 2,7 % – металлоизделия, около 2 % – продукция химической промышленности. Наиболее крупными предприятиями-экспортерами являлись ООО «Сиданко-Ангарск», АНХК, ЗАО «Энергис», ООО «Нефтесервис», АОЗТ «ИЗТМ», АООТ «Иркутский авиаремонтный завод», ЗАО «Восточно-Сибирская нефтехимическая компания», ООО «Международное сотрудничество».

Импорт из Монголии в 1997 г. составил 6,6 млн долл. США и почти в полтора раза превысил уровень 1996 г., который, в свою очередь, вырос более чем в 1,5 раза по сравнению с 1995 г. Более 80 % импорта Иркутской области из Монголии приходилось на мясо и мясопродукты, 5,6 % – на плавиковый шпат и природные камни, более 2 % – на непродовольственные товары. Основными импортерами являлись АО «Мясокомбинат “Ангарский”», АО «Мясокомбинат “Иркутский”», ОАО «Винья», АОЗТ «Большереченский», АО «Мясокомбинат “Братский”», АОЗТ «Мясокомбинат “Култукский”», комбинат «Сибсоль», Ангарский электролизно-химический комбинат.

Для сравнения: в 1999 г. внешнеторговый оборот Иркутской области и Монголии составил 57,7 млн долл. США. В 1990-е гг., как и сегодня, во внешнеторговом обороте области с Монголией наблюдался значительный дисбаланс между экспортом и импортом. В 1999 г. экспорт из Иркутской области в Монголию составил 48,4 млн долл. США. Товарную структуру экспорта характеризовала широкая номенклатура товаров, где преобладающей группой являлись нефтепродукты – 76,1 %. Импорт из Монголии в 1999 г. равнялся 9,4 млн долл. США. Поставки мяса составляли 97 % всего импорта из Монголии, остальное приходилось на плавиковый шпат, природные камни и на непродовольственные товары народного потребления.

Несмотря на общее снижение темпов экономического сотрудничества России и Монголии в 1990-е гг., уровень внешнеторгового оборота Иркутской области и Монголии во второй половине 1990-х гг. вырос более чем в полтора раза. Это стало возможным благодаря также созданию совместных предприятий как на территории Монголии, так и на территории Иркутской облас-

ти. В Монголии за период 1991–1997 гг. было зарегистрировано 530 предприятий с иностранными инвестициями, в том числе 129 с российским участием, из них 15 предприятий с инвесторами из Иркутской области. Сферы деятельности этих предприятий: установка и ремонт горных машин и механизмов; обслуживание и ремонт строительных машин и механизмов; ремонт энергетического оборудования; производство товаров народного потребления, в том числе швейное производство; производство запчастей для жилищно-коммунального хозяйства; выделка шкур и пошив одежды и головных уборов из меха; туризм и гостиничное обслуживание [11, с. 81–82].

В 1990-е гг. на территории Иркутской области функционировало три российско-монгольских совместных предприятия. Доля монгольских учредителей в уставном капитале таких предприятий составляла 49 %. В те годы суммарный уставной фонд всех совместных предприятий с Монголией на территории области равнялся 25 тыс. долл. США, что составляло около 3 % общего уставного фонда всех совместных предприятий Иркутской области.

На состоявшемся в г. Улан-Баторе 19–21 марта 1998 г. VI заседании российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству были рассмотрены вопросы дальнейшего совершенствования выстраиваемой новой модели взаимоотношений. При определении направлений развития сотрудничества между Иркутской областью и Монголией было отмечено, что следует стремиться к индустриализации экспорта и к повышению в нем доли услуг.

В январе 2000 г. состоялся официальный визит правительственной делегации Монголии в Иркутскую область. В состав монгольской делегации входила большая группа представителей бизнеса соседней страны. Стороны обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития сотрудничества по конкретным отраслям. Во время визита монгольской делегации было подписано Соглашение между правительственными организациями Монголии и администрацией Иркутской области о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Следует отметить, что данное соглашение до настоящего времени является базовым правовым международным актом в отношениях между Иркутской областью и Монголией.

Министерство иностранных дел РФ всегда уделяло и уделяет пристальное внимание роли Иркутской области в развитии и укреплении взаимовыгодных российско-монгольских отношений. Этому способствовало и назначение послами в Монголию региональных руководителей. Так, с 2006 по 2009 г. Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Монголии работал экс-губернатор Иркутской области Б. А. Говорин. В период Советского Союза эту высокую должность занимали иркутяне – С. Н. Щетинин (1968–1973 гг.) и В. И. Ситников (1988–1992 гг.).

Фактически в условиях общего спада в торгово-экономических отношениях между Российской Федерацией и Монголией в 1990–2000-е гг. акцент в налаживании нового рыночного механизма между двумя странами переносится на региональный уровень. В целом это было совершенно правильное решение. За многолетний социалистический период сотрудничества именно приграничные российские регионы накопили уникальный опыт взаимодействия с Монголией. Сложилась также определенная традиция и в налаживании связей с конкретными аймаками соседней страны. В этих условиях необходимо было не только не растерять накопленный потенциал, но и попытаться создать механизм обновленных партнерских отношений.

С начала 2000-х гг. начинается этап открытия в г. Улан-Баторе представительств приграничных с Монголией субъектов Российской Федерации. Одним из первых, с 2002 г., начало свою деятельность представительство Иркутской области. На сегодня помимо Иркутской области в Монголии работают представительства Республик Бурятия и Тыва, Алтайского и Забайкальского краев.

Основной целью деятельности представительства Иркутской области в Монголии является поддержка экономического продвижения регионального бизнеса на монгольский рынок, а также использование потенциала монгольских хозяйствующих субъектов для ускорения темпов роста экономики Иркутской области и повышения ее конкурентоспособности, наиболее полное представление интересов Иркутской области в сфере развития научно-технического, культурного, гуманитарного сотрудничества. Представительство осуществляет юридическое содействие иркутским товаропроизводителям и предпринимателям в продвижении продукции, повышении заинтересованности потенциальных партнеров в осуществлении инвестиций на территории Ир-

кутской области, содействует установлению и поддержанию контактов и обменов между научными, культурными, творческими, общественными организациями и союзами, способствует реализации совместных программ и мероприятий.

Реальным вкладом в развитие российско-монгольских отношений на современном этапе является активное участие министерств и ведомств Приангарья в реализации решений Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Так, например, в заключительный протокол XVI заседания Межправкомиссии (декабрь 2012 г.) вошло большинство вопросов, которые правительство Иркутской области регулярно поднимало в последнее время. В целях развития международного туристического проекта «Байкал – Хубсугул» будет установлен сезонный 7-дневный пропускной режим двухсторонних автомобильных пунктов пропуска Монды – Ханх. Были также зафиксированы положения о сотрудничестве в области топливно-энергетического комплекса, недропользования, промышленности, строительства, охраны окружающей среды и т. д.

К XI заседанию Подкомиссии по межрегиональному и приграничному сотрудничеству (2013 г.) правительство Иркутской области также внесло ряд инициатив. В области торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества намечена организация взаимного обмена информацией о крупных предприятиях – производителях продуктов питания и непродовольственных потребительских товаров Монголии и крупных предприятиях оптовой и розничной торговли Иркутской области с целью установления торгово-экономического сотрудничества. С целью содействия расширению торгово-экономических связей предусмотрена и активизация межбанковского сотрудничества для возможного финансирования совместных инвестиционных проектов.

В области промышленности озвучены планы по привлечению к реализации инвестиционных проектов по строительству и модернизации электроэнергетики на территории Монголии производственных (ОАО «Иркутскэнерго», ОАО «Иркутская электросетевая компания»), строительно-монтажных, научно-исследовательских (Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН) и проектных организаций (ЗАО «Электросеть», ООО «Премьер-Энерго») Иркутской области. В области

недропользования Байкальский филиал «Сосновгеологии» ФГУГП «Урангеологоразведка» готов участвовать в поисково-оценочных и разведочных работах в Монголии.

На сегодня иркутская сторона готова изучить возможность участия компаний Приангарья в строительстве и проектировании жилья на территории Монголии в рамках реализации программы монгольского правительства «Доступное жилье для 100 тысяч семей». Есть необходимость в обмене информацией о возможности поставок в Монголию строительных материалов (изделий, конструкций), применении технологий по производству строительных материалов предприятий-производителей, расположенных на территории Иркутской области. Обращено внимание и на возможность открытия в Монголии филиалов предприятий области, выпускающих энергоэффективные и ресурсосберегающие материалы. Также, при условии заинтересованности со стороны Министерства строительства и градостроительства Монголии, соответствующие иркутские структуры выразили готовность оказать методическую помощь в части оценки возможности актуализации сметной нормативной базы Монголии.

Несмотря на открытие крупных месторождений полезных ископаемых и начавшуюся их разработку, сельское хозяйство по-прежнему остается основой экономики Монголии. Со стороны Иркутской области уже сформулированы предложения по расширению сотрудничества в сфере племенного животноводства, включая организацию поставок в Монголию племенного крупного рогатого скота и семени быков-производителей молочного и мясного направления, племенных овец и свиней, цыплят, а также инкубационного яйца. Будет продолжено взаимодействие по вопросам ветеринарного фитосанитарного контроля в рамках программы оздоровления скота в восточных аймаках Монголии. Традиционно иркутская сторона также организует для монгольских коллег курсы повышения квалификации по проведению ветеринарно-санитарной экспертизы продуктов животного и растительного происхождения.

Своеобразным отчетом и одновременно значительной вехой в сотрудничестве между Приангарьем и соседней страной стала презентация Иркутской области в Монголии, проведенная в рамках Дней российско-монгольской дружбы и сотрудничества (ок-

тябрь 2013 г.). В состав региональной делегации вошли представители муниципальных образований, Торгово-промышленной палаты Восточной Сибири, представители промышленности и недропользования, транспорта и туризма, сельского хозяйства, науки и образования, культуры, медицины, выставочно-ярмарочной деятельности. Общее количество участников презентации Иркутской области от региона составило около 200 чел.

Иркутская сторона высказала ряд предложений, которые касались возможности реализации проекта строительства магистрального газопровода в Монголию для экспорта газа с Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Была озвучена готовность организации чартерных рейсов по маршруту Иркутск – Улан-Батор – страны Юго-Восточной Азии.

Во время бизнес-форума «Россия – Монголия: потенциал Иркутской области, перспективы взаимодействия» были представлены проекты компаний: ООО «ТД «Ункомтех», ООО «Братский завод мобильных конструкций», ЗАО «Инжиниринговый центр «Сиброн», СРО НП «Восточно-Сибирское объединение энергоаудиторов», ООО «РН-СПЕКТР», ООО «Ангара-Реактив». Обсуждались вопросы возведения мобильного жилья и блочно-модульного строительства, внедрения альтернативных источников энергии, расширения объемов поставок кабельной и химической продукции, контейнеров для дорожного битума, оборудования для горнодобывающей и других отраслей промышленности Монголии.

Крупнейшие компании агропромышленного комплекса Иркутской области (группа предприятий «Янта», ООО «Саянский бройлер», СХОАО «Белореченское») предложили монгольским участникам пищевую продукцию, организовав на своих стендах дегустацию. Монгольские предприниматели выразили заинтересованность в осуществлении поставок молочной продукции, мяса птицы, яиц, лука из Приангарья. Со стороны монгольских компаний поступило предложение иркутским товаропроизводителям рассмотреть возможность импорта в регион монгольских национальных продуктов в замороженном виде.

С целью расширения торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Иркутской области и Монголии, а также продвижения продукции и услуг региональных компаний на монгольский рынок в рамках презентации была организована универсальная выставка предприятий и организаций Иркутской об-

ласти. В работе выставки приняли участие 19 региональных компаний. Это не только уже прочно зарекомендовавшие себя в Монголии предприятия Иркутской области, такие как СХОАО «Белореченское», ГП «Янта», ХХК «Алекса Клиник», ЗАО «Восток-Сервис-Иркутск», но ряд компаний, которые входят или намерены войти на монгольский рынок: ООО «Саянский бройлер», ООО «Братский завод мобильных конструкций», ООО «Ангара-Реактив» и др.

Особое внимание уделяется вопросам сотрудничества в сфере культуры, спорта и туризма наших стран. В частности, монгольскую сторону интересуют вопросы участия Иркутской области в международном фестивале «Алтаргана», совместного развития туристического маршрута «Чайный путь» с участием КНР, Монголии и России, строительства в Монголии спортивных сооружений по типовым проектам, которые могли бы предложить иркутские проектировщики. Монгольская сторона была приглашена к участию в проектах, реализуемых на территории Иркутской области: международный лагерь «Байкал – 2020», международные фестивали музыки «Звезды на Байкале» и «Байкальский звук – 2014», кинофестиваль «Человек и природа», «Этнофестиваль конной культуры – 2014», международный фестиваль зимних игр «Зимниада».

В течение многих десятилетий наиболее успешной стороной российско-монгольского сотрудничества в целом и сотрудничества Иркутской области и Монголии в частности была сфера образования, науки и культуры. В целом преодолены негативные тенденции оттока монгольских студентов из иркутских вузов конца 1990-х – начала 2000-х гг. Представительство Иркутской области в Монголии совместно с Советом ректоров проводят планомерную работу по привлечению в учебные заведения региона монгольских студентов, стажеров, аспирантов и докторантов. На сегодня около 1 тыс. монгольских граждан проходят обучение в иркутских вузах.

В сфере науки большую работу проводит Иркутский научный центр СО РАН. В качестве его партнеров выступают Академия наук Монголии и Министерство образования, культуры и науки Монголии. В центре внимания научных организаций находятся вопросы переработки угля, использования золы в производстве строительных материалов и ее утилизации. Иркутские

специалисты делятся своими соображениями в области информационных технологий, поиска минеральных вод, технологии рекультивации территорий, которые необходимо проводить после работ по добыче полезных ископаемых. Внимание монгольских специалистов привлекают предложения иркутских коллег по мониторингу загрязнения вод и воздуха в г. Улан-Баторе, сейсмобезопасности, ландшафтному планированию, микрорайонированию, проведению анализа зон накопления тяжелых металлов, экологическому аудиту. В настоящее время иркутские и монгольские ученые участвуют в выполнении международного проекта «Комплексное управление природными ресурсами трансграничной экосистемы бассейна озера Байкал».

Традиционной и плодотворной сферой сотрудничества ученых и общественных организаций Приангарья и Монголии являются гуманитарные проекты, международные симпозиумы и научно-практические конференции. Иркутские монголоеды в течение многих десятилетий являются активными участниками международных конгрессов и симпозиумов, проходящих в Монголии. В настоящее время в несколько этапов осуществляется совместный проект «Дискуссионные проблемы российско-монгольских отношений первой четверти XX в.».

Давние творческие связи существуют у иркутских и монгольских художников. Частыми гостями в Монголии являются Иркутское художественное училище, арт-галереи DIAS и LeArt. Работы иркутских художников выставляются в Национальной художественной галерее Монголии, в выставочном зале Союза художников Монголии, в Российском центре науки и культуры в г. Улан-Баторе. В рамках презентации Иркутской области в Монголии (октябрь 2013 г.) состоялось знакомство монгольских читателей с российско-монгольским номером детского литературно-художественного журнала «Сибирячок» под девизом «Две культуры – один мир». Были открыты фотовыставка «Иркутское притяжение Валентина Распутина», выставка работ иркутских и монгольских художников «Искусство, которое объединяет», прошел гала-концерт Губернаторского симфонического оркестра Иркутской областной филармонии. Бесценную работу по сохранению исторической памяти в течение ряда лет проводят на Халхин-голе иркутские поисковые отряды.

Таким образом, Приангарье, пройдя многовековую путь становления и развития связей с соседней Монголией, и в настоящее время занимает лидирующие позиции в развитии российско-монгольских отношений.

Вопросы для самоконтроля

1. Определите период первоначальных контактов Российского государства с монгольскими княжествами.

2. Назовите причины активизации российско-монгольских отношений через Восточную Сибирь.

3. Дайте оценку вклада Ф. А. Головина в развитие российско-монгольских отношений.

4. Какова была роль иркутского генерал-губернатора в развитии российско-монгольских отношений?

5. Дайте оценку экономических взаимоотношений России и Монголии во второй половине XIX – начале XX в.

6. Определите место и роль изучения Монголии в деятельности ВСОРГО.

7. Назовите основные направления деятельности иркутян в Монголии на этапе предреволюционного и послереволюционного (1920–30-е гг.) периодов развития страны.

8. Охарактеризуйте вклад учебных заведений Восточной Сибири в подготовку кадров для Монголии.

9. Дайте краткую характеристику начальному периоду реформ в Монголии в 1990-е гг.

10. Как вы понимаете наличие «третьего соседа» для Монголии?

11. Определите количественные показатели товарооборота Приангарья и Монголии в общем российско-монгольском товарообороте 1990-х гг.

12. Назовите основных участников внешнеэкономической деятельности Иркутской области на монгольском направлении.

13. Охарактеризуйте структуру экспорта и импорта Приангарья во взаимоотношениях с Монголией в постсоветский период.

14. Кто из иркутян в разное время являлся чрезвычайными и полномочным послом СССР/России в Монголии?

15. Какое соглашение между Иркутской областью и Монголией является основой для развития современных взаимоотношений? В какой период оно было подписано?

16. Назовите сферы деятельности предприятий в Монголии с инвестициями из Иркутской области.

17. Представительства каких субъектов РФ работают сегодня в Монголии?

18. Назовите основные задачи в деятельности представительства Иркутской области в Монголии.

19. Назовите инициативы правительства Иркутской области, подготовленные к XVI заседанию Российско-монгольской межправкомиссии (декабрь 2012 г.) и к XI заседанию Подкомиссии по межрегиональному и приграничному сотрудничеству (2013 г.).

20. Представители каких предприятий и организаций участвовали в презентации Иркутской области в Монголии в октябре 2013 г.?

21. Основные сферы сотрудничества Иркутского научного центра СО РАН и Академии наук Монголии.

22. Назовите примеры сотрудничества Иркутской области и Монголии в сфере культуры и гуманитарных связей.

Литература

1 Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – М. : Наука, 1969. – 240 с.

2 Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX в. / Ц. Батбаяр. – Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2002. – 229 с.

3 Ганжуров В. Ц. Россия – Монголия (на трудном пути реформ) / В. Ц. Ганжуров. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1997. – 106 с.

4 Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере современной Монголии / В. В. Грайворонский. – М. : ИВ РАН, 2007. – 184 с.

5 Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX вв. / Е. М. Даревская. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1994. – 400 с.

6 Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) / Н. Е. Единархова. – Иркутск : Оттиск, 2005. – 252 с.

7 Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев / Н. Е. Единархова. – Иркутск : Репроцентр А1, 2008. – 136 с.

8 Лиштованный Е. И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.) / Е. И. Лиштованный. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1998. – 173 с.

9 Лиштованный Е. И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII–XX вв.): учеб. пособие / Е. И. Лиштованный. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2001. – 144 с.

10 Лиштованный Е. И. От Великой империи к демократии / Е. И. Лиштованный. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2007. – 198 с.

11 Перевалова О. И. Направления развития внешнеэкономических связей с Монголией // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тез. докл. к XI Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 1998. – Т. 1. – С. 88–92.

12 Рошин С. К. Политическая история Монголии / С. К. Рошин. – М. : ИВ РАН, 1999. – 327 с.

13 Русский консул в Монголии : отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. – Иркутск : Оттиск, 2001. – 119 с.

14 Хамаганова Е. Л. Отчеты российского императорского консульства в Урге за 1897 г.: основные события // VIII Международный конгресс монголоведов. – М., 2002. – С. 133.

15 Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества / Ц. Цэцэнбилэг. – Улан-Батор : Ин-т философии, социологии и права, 2002. – 148 с.

16 Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев. – М. : Наука, 1978. – 216 с.

17 Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы / Г. С. Яскина. – М. : ИВ РАН, 1994. – 363 с.

Заключение

Данное учебное пособие завершает собой издание результатов первого этапа исследовательского проекта по изучению постсоветской и современной истории Предбайкалья, в котором приняли участие 16 авторов. Благодаря его реализации, читателям стала доступна информация, ранее не публиковавшаяся в научной печати, а часть ее представляет собой совершенно оригинальные данные, впервые сообщаемые общественности.

Материал систематизирован по рубрикам, соответствующим основным проблемам современной истории региона. В объемном издании нашли отражение и осмысление сложные вопросы становления и развития представительной, исполнительной и судебных ветвей власти Иркутской области. Прежде всего это касается восстановления института губернатора, являвшегося ключевой фигурой дореволюционной истории первой империи. Радикальную трансформацию претерпел орган представительной власти, имевший своим предтечей областной совет народных депутатов. Определенное освещение в пособии получил крайне сложный процесс формирования структуры независимой судебной власти, без которой невозможен переход к правовому социальному государству.

В издании освещены также проблемы экономического и экологического состояния региона в условиях разрушения и деградации народного хозяйства страны, а также попытки и результаты перевода экономики на рыночные рельсы, первые успехи этого процесса и последствия неэффективной экономической политики как руководства страны, так и области. Отдельно рассмотрены особенности функционирования аграрного сектора экономики региона. Сельское хозяйство, начиная со второй половины XX в., не являлось ключевой отраслью хозяйства Иркутской области. Вместе с тем трудно переоценить его социально-политическое и культурное значение для регионального социума. Большую часть рассматриваемого периода происходила его деградация, и лишь в последние несколько лет наметилось преодоление данной тенденции.

Достаточно подробно рассмотрены практика и региональные особенности сотрудничества Иркутской области с правительствами и регионами других государств. Уникальное расположение

Иркутской области, находящейся практически в центральной части Азии, естественным образом предполагает активное взаимодействие с различными регионами этого континента. Следует отметить и сложившиеся традиции активного сотрудничества области с бизнесом и общественностью Монголии, Китая, Кореи и Японии, а также с бывшими советскими республиками – Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и др.

Внимание исследователей привлекли процессы, происходящие в региональном социуме – динамика развития населения, влияние на нее миграций и эмиграций, а также формирование (возрождение) нового (старого) класса – предпринимателей (буржуазии). С позиций анализа социальных проблем в современный период эти процессы относятся к категории важнейших. В целом авторы приходят к выводу, что их развитие в нашем регионе не является успешным в сравнении с ведущими регионами страны.

Представляются интересными проведенные авторами пособия исследования проблем состояния и развития науки, образования и культуры. В зоне их внимания оказались вопросы академической науки и высшего образования, культурной жизни региона и процессы реорганизации и развития региональной системы охраны объектов культурного наследия. Традиционно Иркутская область является значимым в масштабах страны центром развития ряда направлений интеллектуальной, гуманитарной жизни и искусства. С точки зрения авторов издания, и здесь проблем гораздо больше, чем достижений.

Данное издание представляет собой уникальное учебное пособие не только с точки зрения нашего региона, но и в масштабах страны. Оно достаточно подробное для того, чтобы создать объективное и целостное представление о событиях недавней истории нашего региона. Во-вторых, оно доведено фактически до наших дней, так как в ряде материалов процессы прослежены вплоть до 2014 г. В-третьих, его авторами являются не только вузовские и академические исследователи, но и непосредственные участники и организаторы этих событий, так что пособие принадлежит не только к разряду исследовательской литературы, но и источников.

Изданием данной книги проект не заканчивается. Исследователи продолжают работу в означенных направлениях. Руководство проекта достигло договоренностей с новыми авторами, которые смогут осветить проблемы, не нашедшие своего осмысления в трех изданных книгах. К ним относится ряд вопросов экономики, сферы высшего образования, правоохранных структур, создания и развития интернет-сообщества, гражданского общества и др.

Д-р ист. наук, проф. ИГУ Ю. А. Зуляр

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волосов Евгений Николаевич – доктор исторических наук, директор Усть-Илимского филиала ФГБОУ ВПО «ВСГАО». E-mail: volosov@rambler.ru

Дятлов Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», заместитель главного редактора независимого научного журнала «Диаспоры». E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Казарин Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета. E-mail: kazarinvik@yandex.ru

Лиштованный Евгений Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. E-mail: evgeniilishtovanniy@mail.ru

Олейников Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета, зав. лабораторией изучения истории Иркутского государственного университета. E-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Шахеров Вадим Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Иркутского государственного университета. E-mail: wodalish@yandex.ru

Учебное издание

**Современная история Иркутской области
1992–2012 годы**

В 2 томах
Том 2, часть 2

ISBN 978-5-9624-0700-5
ISBN 978-5-9624-1047-0 (т. 2, ч. 2)

Редактор Г. А. Борисова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2014. Поз. 50
Подписано в печать 21.10.2014. Формат 60х90 1/16.
Уч.-изд. л. 9,7. Усл. печ. л. 11,6. Тираж 100 экз. Заказ 130

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36